

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Жозель
Шлигит

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Annotation

Хотя его жизнь овеяна тайной (его могила так и не была обнаружена, написанное им утрачено), Александр III Македонский, прозванный Великим (356–323 годы до н. э.), остаётся одним из самых выдающихся героев всех времён. Став в 20 лет царём Македонии, он два года спустя устремился на завоевание империи, простиравшейся от Греции до Индии. Великий воин, но также прирождённый администратор и в каком-то смысле провидец, Александр Великий обладал противоречивым характером: будучи учеником философа Аристотеля, он мог показать себя милостивым к побеждённым, но в гневе был способен на неслыханную жестокость. Мечтая объединить Запад и Восток, смешав между собой народы и культуры, искусства и религии, он мог бы прожить небывалую жизнь, если бы не умер в 33 года в Вавилоне, сражённый малярией.

[Адаптировано для AIReader]

Иллюстрации отсутствуют по причине их отсутствия в исходном материале.

Примечание оцифровщика.

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Жоэль Шмидт](#)
 - [ДЕТСТВО ВОЖДЯ](#)
 - [ОТ ГРЕЦИИ К АЗИИ](#)
 - [БИТВА ПРИ ГРАНИКЕ И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ](#)
 - [БИТВА ПРИ ИССЕ:](#)
 - [ИЗ МАЛОЙ АЗИИ В ЕГИПЕТ](#)
 - [АЛЕКСАНДР И ОРАКУЛ АММОНА](#)

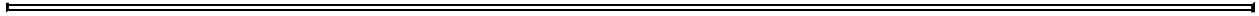
- [БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛАХ](#)
- [КОНЕЦ ДАРИЯ И ЕГО ИМПЕРИИ](#)
- [АЛЕКСАНДР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ](#)
- [АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ](#)
- [В ИНДИЮ — СКАЗОЧНУЮ И НЕВЕДОМУЮ](#)
- [БИТВЫ, ПОДВИГИ И ОТРЕЧЕНИЕ](#)
- [«ИЛИАДА» ЗАКОНЧИЛАСЬ,](#)
- [АЛЕКСАНДР ПРЕВРАЩАЕТСЯ](#)
- [АЛЕКСАНДР ПОКОРЁН ВОСТОКОМ](#)
- [АЛЕКСАНДР, ВЛАСТЕЛИН МИРА](#)
- [ГЕРОИЗАЦИЯ И ЛЕГЕНДА](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ](#)
- [INFO](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
87

Жоэль Шмидт

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

*Перевод с французского
Е. В. КОЛОДОЧКИНОЙ*

*Перевод осуществлён по изданию:
Schmidt J. Alexandre Le Grand. Paris: Gallimard, 2009.*

*Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги).*

*Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre.*

© Éditions Gallimard, 2009
© Колодочкина Е. В., перевод, 2015
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2015
© «Палимпсест», 2015

ДЕТСТВО ВОЖДЯ

Будущий Александр Великий родился в 356 году до н. э. в городе Пелла в Македонии — обширной стране, которой правил его отец Филипп II Македонский. К тому времени греческий мир уже лет пятьдесят испытывал одно потрясение за другим. На протяжении V века до н. э. господство Афин не подвергалось сомнению. Благодаря своим вождям — Фемистоклу, Периклу и, конечно же, Писистрату и его сыновьям, чья «тирания» в каком-то смысле была «необходимой», афиняне несколько раз отбили нашествия персов и защитили Пелопоннес от варваров, в том числе карфагенян. Благодаря своим выдающимся законоведам вроде Солона они обрели конституцию, которая ещё долгое время служила образцом для политической демократии. Наконец им удалось объединить разрозненные или враждующие города в конфедерацию и морскую лигу, которую они возглавили и больше века обеспечивали ей процветание на суше и в особенности на море, создав морскую империю, простиравшуюся на всю территорию Малой Азии. Афины же стали интеллектуальной столицей, и её великие философы, такие как Сократ, обеспечили себе бессмертие в памяти потомков.

Но Афинский полис не устоял перед духом авантюризма, завлѣкшим его, в частности, в Египет, который Афины тщетно пытались завоевать. Надменность афинян в конце концов начала раздражать союзные города, в первую очередь Спарту, никогда по-настоящему не признававшую власти Афин. Со своей стороны персы, чувствуя, что Афинский полис ослаб, вновь взяли за оружие, чтобы отомстить за былые поражения. Почти 30 лет, часть из них под бдительным руководством Алкивиада, Афины были вынуждены вести разрушительную и кровавую войну. Изгнанный из неблагодарного отечества, Алкивиад решил ему изменить и укрылся в Спарте, которая заключила союз со многими другими городами, включая Коринф, стремившимися сбросить иго Афин. Он вернулся, призванный отчаявшимися афинянами, которые не могли сдержать военный натиск Спарты, но в 406 году до н. э. оставил военное командование и вновь отправился в изгнание (после поражения в его отсутствие афинского флота), пока не пал под ударами персов. Два года спустя, по окончании Пелопоннесской войны, Афины попали под иго Спарты и её союзников. Столица Аттики, считавшаяся светочем человечества, перешла под господство Лакедемона и терпела ненавистный режим, оставшийся в

истории под названием тирании Тридцати, который окончательно привёл в упадок город, некогда доминировавший в Средиземноморье.

Понемногу Афины утратили свой блеск и обеднели. Хотя им удалось свергнуть тиранию и восстановить подобие демократии, отныне они уже не могли претендовать на прежние власть и влияние. Звезда Спарты тоже закатилась: спартанцы не сумели сдержать натиск персов, даже во время знаменитого «Отступления десяти тысяч». Кстати, Спарта вызывала такую же ненависть у своих бывших союзников из объединившихся вокруг неё городов, как некогда Афины. И хотя Коринф, Фивы и, разумеется, Афины взбунтовались против неё, всю выгоду из ситуации извлекли персы, обладавшие богатством и силой оружия: под видом возвращения Афинам свободы и независимости они на самом деле отняли у них последний шанс вновь стать великой державой, забрав себе большинство городов Малой Азии. Спарте было негласно поручено следить за исполнением этого соглашения, восстановив власть тиранической олигархии, пока Фивы, в свою очередь, не взбунтовались против деспотизма и не разбили спартанцев в битве при Левктрах в 371 году до н. э. благодаря талантливой тактике, стратегии и политике двух своих вождей — Эпаминонда и Пелопида.

Однако господство Фив долго не продлилось. В 362 году до н. э. спартанцы выиграли сражение при Мантинее, и Эпаминонд пал в бою^[1].

Подталкиваемые Демосфеном, Фивы тогда повернулись лицом к старому врагу — Афинам, понимая, что опасность исходит теперь уже не от Спарты, исчерпавшей последние силы, но от Филиппа, короля Македонии, отца будущего Александра Великого, который стремился к господству над греческим миром.

Филипп Македонский в каком-то смысле своей жизнью вовлёк сына в серию завоеваний, которые принесут Александру славу, сделав его несравненным полководцем во всей истории человечества.

Родившись в 382 году до н. э., Филипп Македонский воспитывался в Фивах, будучи взят в заложники Пелопидом, и получил там блестящее образование. По смерти своего брата Пердикки III он стал правителем Македонии, северной провинции Греции, в качестве опекуна своего племянника Аминты. Но через несколько месяцев он нарушил права юного государя, который должен был занять македонский трон, организовал его убийство и стал властителем этого государства, которому прочил великое будущее.

Умный, образованный, прекрасно разбирающийся в истории Греции и её полисов, он понял, что ни один из греческих городов не будет способен

ему сопротивляться. На первых порах он занялся укреплением собственной власти и в особенности реформой армии, подчиняя её строгой дисциплине и выстраивая в фалангу — знаменитую македонскую фалангу, слава которой прошла сквозь века, как и слава римского легиона, многое у неё позаимствовавшего.

Филипп Македонский не скрывал своих территориальных притязаний. Он захватил греческие города на македонском побережье: Амфиполь, Пидну, Потидею, Метону и Олинф.

Поняв опасность, Демосфен призвал афинян перейти от сопротивления к наступлению, но его не послушали. Правда, город совершенно пришёл в упадок; после стольких поражений и оккупаций его граждане уже не верили в удачу.

Благодаря своим шпионам царь Македонии прекрасно знал о том, насколько деморализована первая демократия мира. Поощряемый Амфиктионией^[2], он подчинил себе Фокиду и в качестве вознаграждения был допущен в 346 году до н. э. в амфиктионский совет, что наделило его властью для управления этим советом и увеличения своих территориальных притязаний.

Афины, наконец, поняли, откуда исходит угроза. Когда царь Македонии пошёл к Фермопилам, по желанию Амфиктионии, чтобы покарать локров из Амфиссы^[3], афиняне решили ему помешать. Под усилившимся влиянием Демосфена и его «Филиппик» они сумели заключить союз с фиванцами, своими вчерашними врагами. Но их объединённые армии в августе 338 года до н. э. потерпели поражение в решающем сражении при Херонее, в некотором роде положившем конец независимости Греции.

Счастливый от того, что добился своей цели, Филипп Македонский был достаточно прозорлив, чтобы понимать, что главная борьба предстоит в Малой Азии, которой стремились завладеть персы: им было мало влияния в Греции. Эти их попытки продолжались со смерти Дария II в 404 году до н. э. до царствований Артаксеркса II Мнемона в 404–358 годах до н. э. и Артаксеркса III Охоса в 358–338 годах до н. э.

Правитель Македонии должен был сразиться в Малой Азии и с определённым количеством греческих тиранов и сатрапов, которые, воспользовавшись распадом полисов на Пелопоннесе, установили неограниченную власть над главными городами средиземноморского побережья и не собирались делиться ею ни с кем, а с персами в первую очередь.

Одна из этих областей может послужить примером столь странного положения, сочетающего в себе подчинение и неподчинение персидскому могуществу, — это Кария, которой в 377–352 годах до н. э. правил сатрап Мавсол. Он ловко пользовался союзом с персами, чтобы противостоять второй конфедерации, возглавленной Афинами, лавируя и выходя из борьбы, если видел, что обстоятельства складываются не в его пользу. Этот циничный политик был не по душе грекам из Карики — большим патриотам, чем их правитель, — они несколько раз поднимали восстания и пытались его убить. Но Мавсол, считавшийся ловким дипломатом и проводивший политику созидания, сумел превратить свою область в своего рода живой пример блеска греческой цивилизации. Под его рукой Галикарнас стал одним из красивейших городов греческого мира. После его смерти его сестра и супруга Артемизия воздвигла знаменитый надгробный памятник, от которого происходит термин «мавзолей». К несчастью, преемники не смогли сохранить созданное Мавсолом, и Филипп Македонский, задумавший покорить Малую Азию, знал, что захватить Карию теперь будет легко.

Прежде чем заняться историей собственно Александра и описанием его жизни, следует напомнить о широком распространении в первой половине IV века до н. э. греческой культуры на Востоке благодаря всем этим тиранам и сатрапам, которые сами оказали значительное влияние на Персидскую империю. Они не только способствовали развитию и процветанию греческой экономики, но и создали определённую форму цивилизации, в которой важную роль играли греческая культура и искусство. Распространению греческого языка на восток способствовали и купцы и путешественники. Некоторые историки справедливо отмечают, что после персидских завоеваний и господства, когда центры принятия решений переместились с Запада на Восток, зародилось и усилилось обратное движение, которое положит начало будущей эллинистической цивилизации. Так в некотором роде была подготовлена почва для того, чтобы Александр Македонский после своего отца смог завладеть Малой Азией без особого труда. Восточный мир ждал, если так можно сказать, человека, говорящего по-гречески, который принесёт ему единство, целостность и славу.

В момент рождения Александра Филиппу Македонскому было 26 лет. Он считался потомком Геракла. Жена его, Олимпиада, которой тогда было лет двадцать, вела своё происхождение от Ахилла. Она тоже была царских кровей: дочь Неоптолема, царя молоссов, и сестра Александра, правителя Эпира. Она была жрицей в Самофракии, прошла посвящение в святилище

Великих богов и познакомилась там с Филиппом II, приехавшим, чтобы присутствовать при мистериях^[4]. Это была любовь с первого взгляда, и молодые люди быстро стали супругами. В первую брачную ночь им было знамение:

«Накануне той ночи, когда невесту с женихом закрыли в брачном покое, Олимпиаде привиделось, что раздался удар грома и молния ударила ей в чрево, и от этого удара вспыхнул сильный огонь; языки пламени побежали во всех направлениях и затем угасли. Спустя некоторое время после свадьбы Филиппу приснилось, что он запечатал чрево жены: на печати, как ему показалось, был вырезан лев»^[5].

Последовали и другие чудеса:

«Однажды увидели также змея, который лежал, вытянувшись вдоль тела спящей Олимпиады; говорят, что это больше, чем что-либо другое, охладило влечение и любовь Филиппа к жене и он стал реже проводить с нею ночи — то ли потому, что боялся, как бы женщина его не околдовала или же не опоила, то ли считая, что она связана с высшим существом, и потому избегая близости с ней».

Плутарх по-своему истолковал историю о змее, заявив, что Олимпиада, которой был свойствен фанатичный мистицизм, характерный для фракиянок, любила использовать во время священных обрядов, ревностно их соблюдая, прирученных змей, обвивавших тирсы и венки других жриц и приводивших в страх присутствовавших.

Смущённый своим сном, Филипп отправил Херона из Мегалополя к Дельфийскому оракулу, который заявил, что Аполлон повелевает царю Македонии посвятить себя Аммону и особенно почитать этого бога. Вот почему Александр, наверняка знавший об оракуле, на протяжении всей своей жизни будет поклоняться Аммону, в частности в Египте, и воздвигать многочисленные храмы в его честь.

В день рождения Александра, 6-го числа месяца гекатомбеона^[6], в Эфесе загорелся храм Артемиды. Все волхвы носились тогда по улицам города, били себя по лицу и кричали во всеуслышание, что этот день породил грозное чудовище, которое опустошит всю Азию и погубит её. Филипп получил добрую весть о рождении сына, находясь далеко от роженицы. Он только что захватил македонский город Потидею, бывшую колонию Коринфа и Афин. Одновременно он узнал, что его правая рука Парменион, замечательный наездник, только что разбил иллирийцев и завоевал награду в скачках на Олимпийских играх. Он посоветался с гадалками, и те заявили, что три победы, предшествовавшие рождению

его сына, — знак того, что он будет непобедим.

Новорождённого отдали кормилице Ланике. Когда он достиг возраста, подходящего для обучения, родители окружили его лучшими педагогами в Македонии под руководством Леонида, «мужа сурового нрава» и родственника Олимпиады, который получил звание воспитателя Александра. «Дядькой же по положению и по званию был Лисимах, акарнанец родом», который из тщеславия сам себя называл Фениксом — так звали воспитателя Ахилла.

В 13 лет наследник македонского трона стал внимательным учеником Аристотеля^[7]. Филипп якобы выбрал прославленного философа в наставники своему сыну ещё с рождения мальчика. Как рассказывает Авл Геллий, царь написал ему письмо: «Филипп Аристотелю шлёт привет. Сообщаю тебе, что у меня родился сын. И не так благодарен я богам за само это событие, как за то, что родился он при твоей жизни. Ибо надеюсь, что, воспитанный тобою, он будет достоин и нас, и преемственности в управлении государством».

Подлинность этого письма более чем спорна, но поскольку в жизни Александра реальность переплетается с легендой и чудесами, нужно учитывать и то и другое, чтобы представить себе славу этого человека, которому поклонялись уже при его жизни.

В лице юного Александра Аристотель нашёл пытливого и любознательного ученика. По традиции занятия проходили в Нимфее — святилище, посвящённом нимфам, в роще около Миезы, «...где и поныне показывают каменные скамьи, на которых сидел Аристотель, и тенистые места, где он гулял со своим учеником».

Александрю преподавали этику и политику, и к последней науке он выказывал удивительные ранние способности и зрелость, о чём свидетельствует одна показательная история:

«Когда в отсутствие Филиппа в Македонию прибыли послы персидского царя, Александр, не растерявшись, радушно их принял; он настолько покорило послов своей приветливостью и тем, что не задал ни одного детского или малозначительного вопроса, а расспрашивал о протяжённости дорог, о способах путешествия вглубь Персии, о самом царе — каков он в борьбе с врагами, а также о том, каковы силы и могущество персов, что они немало удивлялись и пришли к выводу, что прославленные способности Филиппа меркнут перед величием замыслов и стремлений этого мальчика. Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одержал славную победу, Александр мрачнел, слыша это, и говорил своим сверстникам:

«Мальчики, отец успеет захватить всё, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего».

Таким образом, Александр уже предчувствовал свои будущие завоевательные походы и опасался, что чересчур предприимчивый отец лишит его их.

Но обладая всепоглощающим умом, неутомимым и проворным, Александр интересовался также науками, которые в принципе были доступны только узкому кругу посвящённых. Позже, поссорившись с Аристотелем, ученик, превзошедший учителя, узнал, что философ только что опубликовал труды, в которых говорится об этих сведениях, и написал ему такое письмо:

«Александр Аристотелю желает благополучия! Ты поступил неправильно, обнаруживая учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах. Будь здоров».

Жадный до познания, Александр, уверенный в своём происхождении от Геракла и Ахилла и испытывавший от этого законную гордость, интересовался мифологией и легендарной историей Греции. Он никогда не расставался со свитком гомеровской «Илиады», который подарил ему Аристотель, исправив своей рукой. Этот свиток он брал с собой даже в военные походы и каждую ночь клал возле своего изголовья. Но его привлекали и другие писатели и трагики, которых он читал запоем все три года, что продолжалось его ученичество у Аристотеля. Он познакомился с трагедиями Эсхила, Софокла и Еврипида, а также с дифирамбами Телеста и Филоксена. С ненасытной радостью и интеллектуальной жаждой он заучивал наизусть из них целые тирады.

Поскольку воспитание юноши царских кровей нельзя себе представить без физических упражнений, можно с уверенностью утверждать, что и Александра к ним принуждали. Хотя, по словам Плутарха, Александр не получал от этого удовольствия, он старательно их выполнял, чтобы придать своему телу необходимую силу для осуществления будущих планов. Кроме того, как и положено государю, которому однажды придётся командовать войсками, он был превосходным наездником.

Когда ему исполнилось 16, произошла легендарная история с Букефалом. Вот как рассказывает о ней Плутарх:

«Фессалиец Филоник привёл Филиппу Букефала, предлагая продать его за тринадцать талантов, и, чтобы испытать коня, его вывели на поле.

Букефал оказался диким и неукротимым; никто из свиты Филиппа не мог заставить его слушаться своего голоса, никому не позволял он сесть на себя верхом и всякий раз взвивался на дыбы. Филипп рассердился и приказал увести Букефала, считая, что объездить его невозможно. Тогда присутствовавший при этом Александр сказал: «Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его». Филипп сперва промолчал, но когда Александр несколько раз с огорчением повторил эти слова, царь сказал: «Ты упрекаешь старших, будто больше их смыслишь или лучше умеешь обращаться с конём». «С этим, по крайней мере, я справлюсь лучше, чем кто-либо другой», — ответил Александр. «А если не справишься, какое наказание понесёшь ты за свою дерзость?» — спросил Филипп. «Клянусь Зевсом, — сказал Александр, — я заплачу то, что стоит конь!» Поднялся смех, а затем отец с сыном побились об заклад на сумму, равную цене коня. Александр сразу подбежал к коню, схватил его за узду и повернул мордой к солнцу: по видимому, он заметил, что конь пугается, видя впереди себя колеблющуюся тень. Некоторое время Александр пробежал рядом с конём, поглаживая его рукой. Убедившись, что Букефал успокоился и дышит полной грудью, Александр сбросил с себя плащ и лёгким прыжком вскочил на коня. Сперва, слегка натянув поводья, он сдерживал Букефала, не нанося ему ударов и не дёргая за узду. Когда же Александр увидел, что норов коня не грозит больше никакой бедой и что Букефал рвётся вперёд, он дал ему волю и даже стал понукать его громкими восклицаниями и ударами ноги. Филипп и его свита молчали, объятые тревогой, но когда Александр, по всем правилам повернув коня, возвратился к ним, гордый и ликующий, все разразились громкими криками. Отец, как говорят, даже прослезился от радости, поцеловал сошедшего с коня Александра и сказал: «Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!».

В 16 лет Александр был уже взрослым. Легко себе представить, как выглядел молодой человек и каким он стал, рассматривая его скульптурные изображения, например, статуи работы Лисиппа:

«Внешность Александра лучше всего передают статуи Лисиппа, и сам он считал, что только этот скульптор достоин ваять его изображения. Этот мастер сумел точно воспроизвести то, чему впоследствии подражали многие из преемников и друзей царя, — лёгкий наклон шеи влево и томность взгляда. Апеллес, рисуя Александра в образе громовержца, не передал свойственный царю цвет кожи, а изобразил его темнее, чем он был на самом деле. Как сообщают, Александр был очень светлым, и белизна его кожи переходила местами в красноту, особенно на груди и на лице. Кожа

Александра очень приятно пахла, а изо рта и от всего тела исходило благоухание, которое передавалось его одежде, — это я читал в записках Аристоксена. Причиной этого, возможно, была температура его тела, горячего и огненного, ибо, как думает Феофраст, благовоние возникает в результате воздействия теплоты на влагу. Поэтому больше всего благовоний, и притом самых лучших, производят сухие и жаркие страны, ибо солнце удаляет с поверхности тел влагу, которая даёт пищу гниению. Этой же теплотой тела, как кажется, порождалась у Александра и склонность к пьянству и вспыльчивость».

Став взрослым, Александр не выказывал влечения ни к наслаждениям, ни к женщинам, ни тем более к многочисленным гетерам, жившим в Пелле и готовым соблазнить сына македонского царя. Порывистый и пылкий, с ранних лет он проникся прежде всего любовью к славе. Но он не искал абы какой славы. «Однажды, когда приближённые спросили Александра, отличавшегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: «Да, если моими соперниками будут цари!». Правда и то, что, хотя он был крепкого телосложения и не боялся физических упражнений, он презирал состязания атлетов. На самом деле это был интеллектуал, который с большей охотой состязался бы с трагическими поэтами, флейтистами, кифаредами, рапсодами, читавшими нараспев стихи Гомера.

В 340 году до н. э. Филипп, отправившийся воевать с византийцами, доверил Александру управлять Македонией. Окружив себя опытными советниками, Александр с лёгкостью прошёл обучение политической и военной жизни. Он выступил в поход против медаров — непокорённого фракийского племени, захватил их столицу, превратил её в военное поселение для своих воинов и назвал её Александрополем, то есть, ни много ни мало, городом Александра! В 338 году до н. э. он сражался рядом с отцом при Херонее и направил конницу, образывавшую левое крыло македонского войска, на отряд фиванцев: «И в наши дни показывают старый дуб у реки Кефиса — так называемый дуб Александра, возле которого стояла его палатка; неподалёку находятся могилы македонян».

Полная победа принесла отцу и сыну господство над Грецией. Первые воинские подвиги сына привели отца в восхищение, так что тот «...даже радовался, когда македоняне называли Александра своим царём, а Филиппа полководцем».

Но. Александр, благодаря своему разностороннему образованию по-прежнему благоговевший перед Афинами, интеллектуальной столицей Древнего мира, непременно желал отправиться туда, чтобы почтить память

афинских мертвецов, сочинения которых он возил с собой, и выразить этому городу своё уважение.

В 337 году до н. э. между отцом и сыном, жившими в добром согласии, разразилась драма, ставшая причиной их разрыва. Из-за отвратительного характера «ревнивой и скорой на гнев Олимпиады» Филипп развёлся с ней и женился на совсем юной Клеопатре. На свадьбе «Аттал, дядя невесты, опьянев во время пиршества, стал призывать македонян молить богов, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился законный наследник престола. Взбешённый этим Александр вскричал: «Так что же, негодяй, я, по-твоему, незаконнорождённый, что ли?» — и швырнул в Аттала чашу. Филипп бросился на сына, обнажив меч, но, по счастью для обоих, гнев и вино сделали своё дело: царь споткнулся и упал. Александр, издеваясь над отцом, сказал: «Смотрите, люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу».

Разгневанный Филипп велел Александру покинуть дворец в Пелле вместе с Олимпиадой и отправиться в изгнание. Мать пожелала удалиться в Эпир^[8], к своему брату царю Александру, куда сын доставил её лично, а сам поехал в Иллирию вместе с верными людьми, которые впоследствии сопровождали его во всех походах.

Демарат из Коринфа, говоривший правду в глаза, стал укорять Филиппа за то, что тот посеял в своей семье раздоры и беды, тогда как Греции, чтобы возродиться и окрепнуть, нужен образец в виде государя с дружной семьёй. Он также заметил, что не слишком дипломатично ссориться с братом Олимпиады, который правит всем Эпиром. Филипп, обретший способность рассуждать как политик, отправил Демарата послом к Александру, чтобы сообщить ему о своих добрых намерениях. Сын, успокоившись, вернулся в дом своего отца.

Но это примирение оказалось недолговечным. Сатрап из Карики Пиксодор хотел заручиться союзом с Филиппом, полезным для его политики в отношении персов, выдав одну из своих дочерей за Арридея, побочного сына царя. Он послал в Пеллу Аристокрита, опытного в ведении переговоров, чтобы обсудить это дело и свершить его. Во дворце вновь вспыхнула вражда, и множество друзей Александра, не говоря о его матери Олимпиаде, воспротивились этим планам, «...утверждая, будто Филипп блестящей женитьбой и сильными связями хочет обеспечить Арридею царскую власть». Это был другой способ оспорить законные права Александра, как всегда, разумеется, через не подтверждённые слухи. Александр перешёл в наступление и тайно отправил в Карию знаменитого

трагика Фессала, который заявил Пексодору, что Арридей — дурачок, которого следует держать подальше от трона, и что его дочери лучше выйти замуж за Александра. Пексодор пришёл в восторг от этого предложения, но он не знал, что Филипп в курсе этой новой интриги. Тот взял с собой Филоту, сына Пармениона и друга и наперсника Александра, и отправился в покои последнего, чтобы укорить его за ведение переговоров за его спиной: «Царь горько корил сына и резко бранил его, называя человеком низменным, недостойным своего высокого положения, раз он хочет стать зятем карийца, подвластного царю варваров. Коринфянам же Филипп написал, чтобы они, заковав Фессала в цепи, прислали его в Македонию. Из остальных друзей Александра Филипп изгнал из Македонии Гарпала, Неарха, а также Эригия и Птолемея». Изгнание продлилось недолго, и вскоре Александр вернул всех назад, осыпав почестями.

Зная, что Олимпиада по-прежнему плетёт заговоры, Филипп, чтобы её успокоить, предложил своему шурину Александру Эпирскому жениться на одной из своих дочерей — Клеопатре. В день свадьбы, в конце июля 336 года до н. э., Павсаний, молодой человек высокого происхождения, которого Олимпиада наверняка привлекла на свою сторону, заколол Филиппа кинжалом. Аристотель утверждает, что Павсанием двигало чувство личной мести к Филиппу, оставившему без последствий его жалобу на тяжёлое оскорбление, которое нанёс ему Аттал. Выдвигалась и другая гипотеза, согласно которой подозрение падало на Александра. После того как Филипп не наказал обидчика, Павсаний пожаловался ему. Александр ответил ему стихом из «Медеи» Еврипида: «Всем отомстить — отцу, невесте, жениху», намекая на Медею, которая желала смерти Креона, Ясона и Главки, новой жены Ясона и дочери Креона. Загадочная фраза вовсе не указывает на то, что Александр участвовал в заговоре против отца, хотя и подозревал о нём, а просто показывает его начитанность.

ОТ ГРЕЦИИ К АЗИИ

Александрю было 20 лет, когда он наследовал своему отцу. Он не стал медлить и устроил жестокую и кровавую чистку царского рода Македонии, чтобы его законные права на престол никто не мог оспорить. Павсания арестовали, судили военным судом и распяли, словно подлого раба. Прочих претендентов (побочных сыновей было много) убили или казнили. Аттала, дядю Клеопатры, который, как мы помним, назвал Александра незаконнорождённым, казнили по закону: он начал переговоры с Демосфеном, который обрадовался смерти Филиппа. Что же до Клеопатры и её дочери, которую она родила от Филиппа, им было не вырваться из цепких рук кровожадной Олимпиады, и обе пали жертвами ужасной мести:

«Олимпиада, по-видимому, держала наготове коней для убийцы на случай его бегства. Когда же она, услышав об убийстве царя, поспешила на похороны под предлогом исполнения последнего долга, то она в ту же ночь возложила на голову висевшего на кресте Павсания золотой венец. Никто, кроме неё, не мог отважиться на это, раз после Филиппа остался сын. Спустя немного дней она сожгла снятый с креста труп убийцы над останками своего мужа и приказала насыпать холм на том же месте; она позаботилась и о том, чтобы ежегодно приносились умершему жертвы, согласно с верованиями народа. Затем Олимпиада принудила Клеопатру, из-за которой Филипп развёлся с ней, повеситься, сперва умертвив в объятиях матери её дочь. Зрелищем повесившейся [соперницы] она утолила свою месть, которой она поспешила достичь, убив мужа. Наконец, она посвятила Аполлону меч, которым был заколот царь, от имени Мирталы; это имя Олимпиада носила в младенчестве. Всё это она делала настолько открыто, как будто она боялась, что преступление, совершённое ею, будет приписано не ей»^[9].

Поскольку она приходилась Александрю матерью, он ограничился тем, что отослал эту пугающе жестокую женщину в её родной Эпир, откуда она больше не вернулась.

Македонская знать была частично истреблена. В её рядах больше никогда не найдётся возможных претендентов на трон, чтобы сбросить с него Александра, окружившего себя многочисленными друзьями юности, которым он мог полностью доверять. К двадцати годам он был широко образован, достаточно подготовлен физически, чтобы стать закалённым всадником и пехотинцем, и уже сражался в войске своего отца. Он знал об

опасностях, которые ему грозили, но и о своих преимуществах тоже. Изучив историю и географию, он хорошо представлял себе положение Греции, Средиземноморья и варваров — персов и прочих — и уже размышлял о том, как покорить их всех.

Первым делом надо было удержать Грецию, завоёванную его отцом, под своей рукой, ведь она намеревалась воспользоваться сменой правителя в Македонии, чтобы взбунтоваться, несмотря на Коринфский договор, подписанный Филиппом, который наделял его титулом протектора всей Греции. Александр знал о патриотических и провокационных поступках Демосфена, который не только возликовал при известии об убийстве Филиппа, но и первый прибежал сообщить радостную новость в Совет пятисот.

«Граждане немедленно постановили устроить благодарственное жертвоприношение и наградить Павсания венком»^[10].

«Я не сказал бы, что хорошо надевать венки и приносить жертвы по случаю смерти царя, — возразил оратор, — который, одержав победу, обошёлся с вами, побеждёнными, так мягко и человеколюбиво, — не говоря уже о гневе богов, низко и неблагородно живому оказывать почести и даровать ему право афинского гражданства, а когда он пал от руки убийцы, в восторге забытья настолько, чтобы попирать ногами труп и петь торжествующие гимны, словно сами совершили невесть какой подвиг!»

Когда стихло ликование, Демосфен предложил греческим городам создать новое объединение. Воодушевлённые его речами, фиванцы напали на македонский гарнизон в их городе и полностью его перебили. Демосфен не побоялся попросить персов о союзе, чтобы начать войну против Александра, которого называл «мальчишкой и Маргитом». Маргит был известен среди греков как комический персонаж, герой сатирической поэмы, иногда приписываемой Гомеру, чьё имя стало синонимом бездельника и дурака. У Александра Македонского было достаточно шпионов в Афинах и познаний в греческой культуре, чтобы, когда ему передали остроу Демосфена, понять всю её дерзость, а главное — чтобы обвинить афинского оратора в измене.

Повстанческое движение ширилось. Коринфский союз соблюдал нейтралитет на грани враждебности; город Амбракия в Арканании изгнал македонский гарнизон, Этолия требовала возвращения своих граждан, изгнанных Филиппом, Аркадия бурлила, а Фессалия, соседка Македонии, стремилась к самостоятельности.

В конце 336 года до н. э. Александр, предупреждённый о вероятности повсеместного восстания, выступил в поход. Чтобы подавить восстание в

зародыше, он начал с Балкан:

«Волнениям среди варваров и войнам в их землях он сразу же положил конец, быстро пройдя с войском вплоть до реки Истра^[11], где он в большой битве разбил царя трибаллов Сирма. Узнав, что фиванцы восстали и что афиняне в союзе с ними, Александр немедленно повёл свои войска через Фермопилы и объявил, что он хочет, чтобы Демосфен, который назвал его мальчиком, когда он воевал с иллирийцами и трибаллами, и подростком, когда он достиг Фессалии, увидел его мужчиной под стенами Афин», — пишет Плутарх.

Форсированным маршем войско Александра вышло к Фивам. В первое время царь Македонии намеревался вести переговоры и требовал только, чтобы мятежный город выдал ему двух его самых лютых врагов: Феникса и Протита — и обещал помилование всем фиванцам, которые перейдут на его сторону. Те принялись хитрить и потребовали выдать им Филоту, большого друга Александра, и Антипатра, одного из самых блестящих полководцев царя. В то же время фиванцы призывали всю Грецию восстать под их руководством. Столкнувшись с таким двуличием, Александр немедленно бросил на фиванцев свою фалангу. В конце сентября 335 года до н. э. те были уже предупреждены гадателями и знамениями о последствиях:

«Перед самым же его приходом статуи на агоре покрылись потом, который стекал крупными каплями. Кроме того, властям принесли известие, что из озера около Онхес раздаётся нечто вроде мычания; по воде Диркейского источника пробегает кровавая рябь. Кто-то пришёл из Дельф с сообщением, что крыша на храме, который воздвигли фиванцы с добычи, полученной от фокейцев, оказалась вся в крови. Люди, занимавшиеся толкованием знамений, сказали следующее: паутина означает, что боги покинут город; разные цвета радуги — пёструю и бурную смену событий; пот на статуях — безмерные страдания; кровь, показавшаяся во многих местах, — страшное избиение людей, которое будет в городе. Так как боги явно предвещали будущие несчастья, то предсказатели советовали ничего не решать войной и сражением, а поискать более верного разрешения путём переговоров»^[12].

Фиванцы не последовали этому совету, настолько велики были их жажда мести и стремление взять верх над македонянами, настолько они не хотели потерпеть новое унижение от сына человека, который уже победил их однажды.

«Фиванцы бились с мужеством и доблестью, превышавшими их силы,

оказывая сопротивление врагу во много раз более многочисленному. Однако, когда македонский гарнизон, занимавший Кадмею^[13], выйдя из крепости, напал на них с тыла, большинство фиванцев попали в окружение и погибли в битве. Город был взят, разграблен и стёрт с лица земли. Александр рассчитывал, что греки, потрясённые таким бедствием, впредь из страха будут сохранять спокойствие; кроме того, он оправдывал свои действия тем, что удовлетворил своих союзников, ибо фокейцы и платейцы выдвигали против фиванцев ряд обвинений. Пощадив только жрецов, граждан, связанных с македонянами узами гостеприимства, потомков Пиндара, а также тех, кто голосовал против восстания»^[14].

Тем не менее город был подвергнут жестокому разграблению:

«По всему городу тащили детей и девушек, жалостно взывавших к матерям. Дома были ограблены, и всё население города обращено в рабство. Из уцелевших фиванцев одни, израненные и почти терявшие сознание, схватывались с врагами и умирали вместе с ними; другие, опираясь на обломок копья, встречали бежавших на них и в этом последнем бою предпочитали свободу спасению. Множество людей было перебито, всюду по городу было полно трупов, и, однако, не нашлось никого, кто бы сжалился над судьбой обездоленных. Феспийцы, платейцы, орхоменцы и прочие из эллинов, враждебно настроенные к фиванцам, пошли в поход вместе с царём и, ворвавшись в город, выместили свою вражду на несчастных. Много жестокого страдания было в городе. Эллины безжалостно истребляли эллинов; родных убивали люди, близкие им по крови; одинаковость языка не меняла чувств. Наконец всех застигла ночь, дома были разграблены; дети, женщины и старики, укрывшиеся в святилищах, жестоко выгнаны оттуда. Фиванцев погибло больше 6 тысяч; в плен увели больше 30 тысяч; имущества унесли с собой невероятное количество»^[15].

Примеров героизма было предостаточно. Вот что рассказывает Плутарх:

«Несколько фракийцев ворвались в дом Тимоклеи, женщины добродетельной и пользовавшейся доброй славой. Пока фракийцы грабили имущество Тимоклеи, их предводитель насильно овладел женщиной, а потом спросил её, не спрятала ли она где-нибудь золото или серебро. Тимоклея ответила утвердительно и, отведя фракийца в сад, показала колодец, куда, по её словам, она бросила во время взятия города самые ценные из своих сокровищ. Фракиец наклонился над колодцем, чтобы заглянуть туда, а Тимоклея, став сзади, толкнула его вниз и бросала камни

до тех пор, пока не убила врага. Когда связанную Тимоклею привели к Александру, уже по походке и осанке можно было судить о величии духа этой женщины — так спокойно и бесстрашно следовала она за ведущими её фракийцами. На вопрос царя, кто она такая, Тимоклея ответила, что она сестра полководца Феагена, сражавшегося против Филиппа за свободу греков и павшего при Херонее. Поражённый её ответом и тем, что она сделала, Александр приказал отпустить на свободу и женщину, и её детей».

Это был единственный случай, когда Александр проявил милосердие в городе, стёртом с лица земли.

К Афинам, интеллектуальной столице, внушавшей ему почтение, он относился более трепетно. Александр начал переговоры и поначалу потребовал выдать ему самых злостных его врагов, в том числе нескольких фиванцев: Демосфена, Ликурга, Гиперида, Полиевкта, Эфиальта, Мерокла, Демона, Каллисфена и Харидема.

Созвав собрание, афиняне обратили свои взоры на Фокиона, считавшегося честным политиком, не состоявшим во вражде с Филиппом, хотя он и возражал против притязаний Александра. Фокион не хотел вмешиваться в столь деликатное дело и брать на себя ответственность за заложников. Он колебался, но потом, в конце концов, уступил. «Он поднялся с места, поставил рядом с собою одного из друзей, с которым был связан теснее всего, доверял ему больше всех и сильнее всех любил, и сказал, указывая на него: «До такой крайности довели глупцы и негодяи наш город, что если кто потребует выдать даже его, Никокла, я посоветую выдать, ибо и сам я счёл бы для себя счастьем, если бы мог умереть ради вас всех. Жаль мне, правда, афиняне, и фиванцев, укрывшихся у нас, но достаточно и тех слёз, которые греки проливают по Фивам. Поэтому лучше не вступать с победителями в борьбу, но смягчить их гнев и вымолить у них пощаду и себе, и беглецам»^[16].

Демосфен был иного мнения. «Вот тогда-то и сказал Демосфен притчу об овцах, которые выдали сторожевых собак волкам, сравнив себя и своих товарищей с собаками, бившимися за народ, а Александра Македонского назвав неслыханно лютым волком. И ещё он сказал: «Каждый видел, как купцы носят на блюде горсть пшеницы и по этому малому образцу продают весь товар, точно так же и вы — выдавая нас, незаметно выдаёте головою себя самих»^[17].

Афиняне посоветались и отправили депутацию для переговоров с Александром. Но тот отослал обратно полномочных представителей. Пришёл черёд Фокиона и Демада войти в шатёр Александра. Фокион

представил Демада, который пользовался уважением среди приближённых Александра, потому что всегда выказывал почтение Филиппу Македонскому. Фокион посоветовал Александру обратить своё оружие против варваров, а не против греков. Александр согласился умерить свои притязания и потребовал только, чтобы людей, на выдаче которых он настаивал, судили афиняне. Потом, когда Фокион вернулся в Афины и рассказал согражданам о добрых намерениях Александра, тот прислал ему крупную сумму денег, которую прямодушный Фокион отверг, чем вызвал гнев царя. Но Фокион не уступил и даже добился от правителя Македонии освобождения нескольких людей высокой учёности. Александр ограничился тем, что потребовал изгнания Харидема, который укрылся в Азии у Дария, царя персов.

Со своей стороны, Александр дал Афинам «...наказ внимательно следить за положением дел в стране: по его мысли, в том случае, если бы с ним случилась беда, именно Афинам предстояло править Грецией»^[18]. Эта лестная фраза утишила последние опасения афинян. Александр мог быть спокоен. Осенью 335 года до н. э. он вернулся в свои земли, усмирив весь полуостров, и решил готовиться к войне с Персией. «Он принёс Зевсу Олимпийскому жертву, совершать которую установлено было ещё Архелаем^[19], и учредил в Эгах праздничные состязания — их называли олимпийскими — и, по словам некоторых, установил ещё состязания в честь Муз»^[20].

Диодор Сицилийский добавляет несколько историй, связанных с возвращением Александра в свои земли. Двое его друзей посоветовали ему, прежде чем отправляться в поход на персов, жениться и обеспечить продолжение своего рода, но Александр гневно отверг это предложение.

«Стыдно, заявил он, военачальнику, поставленному всей Элладой, получившему от отца непобедимое войско, смиренно сидеть, справляя свадьбы и ожидая рождения детей. Объяснив им выгоды войны и воодушевив своими речами, он принёс великолепные жертвы богам в месяце дии и устроил театральные представления в честь Зевса и Муз (первым ввёл их Архелай, царствовавший раньше). Праздник справлялся в течение 9 дней, каждый день был посвящён той музе, чьим именем он был назван. Устроена была палатка на 100 лож, и царь пригласил на пир друзей, военачальников и посольства от городов. После роскошных приготовлений, угостив многих, он роздал всему войску жертвенное мясо и всё положенное для пира и предоставил солдатам отдых».

Всё яснее ясного: надо идти в Азию и разбить персов, чтобы завладеть

не только их огромными сокровищами, но и всеми их землями, а затем, возможно, продвинуться дальше, за границы известного мира. Александр не забывал, что происходит от Геракла и Ахилла и что в жилах его течёт кровь этих бесстрашных героев.

У Александра была мощная и хорошо организованная армия. Знать составляла конницу из полутора тысяч гетайров^[21]. За ними шли девять тысяч пехотинцев в шлемах, со щитами и поножами, каждый был вооружён мечом и сариссой — большим копьём длиной пять метров. Наступательное ядро этого войска составляла фаланга, созданная Филиппом. Она подразделялась на мелкие подвижные единицы, и каждый воин нёс на себе запас пищи, воды и всё, что могло ему пригодиться в бою. Остались неупомянутыми гипасписты — такая же подвижная пехота, как и фаланга, — в войлочных шапочках, каждый воин со щитом и с коротким копьём. Они составляли три полка по тысяче человек в каждом. В целом армия Александра насчитывала примерно 13 тысяч человек разного происхождения, которые (и в этом была одна из хитростей полководца) считали себя спутниками своего царя, а не его вооружёнными слугами. Это морально сплачивало всё войско, к которому примыкали конники и пехотинцы, набираемые в чужих краях.

Надо полагать, эта армия состояла не только из македонян: там были и фракийцы, и иллирийцы, и представители всех областей Балканского полуострова. Коринфский союз предоставил в распоряжение Александра отряды из большинства пелопоннесских городов, постепенно ряды войска пополнили и воины с Востока или из Африки.

Это войско опиралось на мощную осадную технику, которую возможно было развернуть в ходе сражения или для взятия города: передвижные осадные башни, тараны, катапульты, особые «инженерные войска», наводившие мосты, не говоря уже о лазутчиках и гонцах, снабженцах и военных лекарях, заботившихся о раненых. Это была современная, мощная, хорошо организованная армия, и Александр собирался возглавить её вместе со своим штабом, состоявшим из его лучших товарищей, чьи имена следует назвать (хотя их и трудно запомнить), поскольку мы будем их встречать целых десять лет на всех театрах военных действий: Парменион с двумя сыновьями — Филотой и Никанором; Кратер, Кен, Мелеагр и Клит Чёрный, Калат и Антигон, Арибб, Балакр, Менее и множество других — Гарпал, Селевк, Неарх Критянин, Эвмен из Кардии, Демарат из Коринфа и Стасанор Киприот, Лисимах, Птолемей, Гефестион, Пердикка, Леоннат, Пифон. Некоторые из них говорили по-персидски и могли служить переводчиками при допросах

пленных. Некоторые станут царями, как Селевк, Лисимах, Птолемей и Антигон. Надо также упомянуть и о секретарях, составлявших эфемериды^[22], и об историках вроде Каллисфена, географах и натуралистах.

Перед отъездом в Азию Александр Македонский принял великое множество глав государств и философов, явившихся его приветствовать. Он надеялся, что его посетит и знаменитый киник Диоген, но тот не удосужился сдвинуться с места и остался в Коринфе. Заинтригованный его отказом, Александр вместе со всей свитой отправился к философу домой.

«Диоген лежал и грелся на солнце. Слегка приподнявшись при виде такого множества приближающихся к нему людей, философ пристально посмотрел на Александра. Поздоровавшись, царь спросил Диогена, нет ли у него какой-нибудь просьбы. «Отступи чуть в сторону, — ответил тот, — не заслоняй мне солнца», — рассказывает Плутарх.

Эти слова облетели весь свет и ещё сегодня памятливы многим.

«Говорят, что слова Диогена произвели на Александра огромное впечатление и он был поражён гордостью и величием души этого человека, отнёсшегося к нему с таким пренебрежением. На обратном пути он сказал своим спутникам, шутившим и насмеявшимся над философом: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

Царь продолжил поездку по Пелопоннесу, чтобы привлечь нерешительных на свою сторону и показать им, что вся Греция за него. Он отправился в Дельфы, чтобы спросить Аполлона о судьбе задуманной им экспедиции в Азию. Но это был неблагоприятный день, и жрица не могла вопрошать оракула^[23].

«Сначала Александр послал за прорицательницей, но так как она, ссылаясь на закон, отказалась прийти, Александр пошёл за ней сам, чтобы силой притащить её в храм. Тогда жрица, уступая настойчивости царя, воскликнула: «Ты непобедим, сын мой!» Услышав это, Александр сказал, что он не нуждается больше в прорицании, так как уже получил оракул, который хотел получить».

В момент выступления войска в Азию в 334 году до н. э. Александр обрёл от богов несколько знамений. «В эти дни с находившейся в Либетрах деревянной статуи Орфея (она была сделана из кипарисового дерева) обильно капал пот. Все боялись этого знамения, но Аристандр призвал не терять мужества, говоря, что Александр совершит подвиги, достойные песен и сказаний, и тем заставит потеть и трудиться певцов и сочинителей гимнов».

Один из первых помощников Александра Парменион уже обосновался в Троаде в Малой Азии во главе авангарда, который должен был проверить реакцию Дария, царя персов. Он остановился в Магнесин на Меандре. Персы контратаковали и, предводительствуемые Мемноном Родосским, командовавшим войсками великого царя на западном побережье Азии, завладели Эфесом. Пармениона отозвали в Македонию к Александру, потому что его знания о персидской армии и опыт пребывания в Азии представляли собой большую ценность. Его преемника Калата разбили. Мемнон как будто перехватил инициативу во всей Малой Азии. Чересчур самоуверенные персы даже не пытались развить своё преимущество и притворялись, будто не знают, что Александр готов двинуть вперёд всё своё войско.

Весной 334 года до н. э. Александр, в самом деле, оставил Антипатра править Македонией и Грецией, а сам направился к Геллеспонту^[24]:

«...вёл он с собою пеших, легковооружённых и лучников немного больше 30 000, а всадников свыше 5000. Дорога его лежала мимо Керкинидского озера в направлении к Амфиполю и устьям реки Стримона. Перейдя через Стримон, он обогнул гору Пангей, направляя путь к Абдере и Маронее, эллинским городам, лежащим при море. Оттуда он пришёл к реке Тебру и без труда переправился через Гебр, а оттуда прошёл через Петику к реке Чёрной. Перейдя Чёрную, он прибыл в Сеет, на 20-й день всего после отправления из дому. Прибыв в Элеунт, он принёс жертву Протесилаю на его могиле: считается, что из эллинов, отправившихся с Агамемноном под Илион, он первый высадился в Азии. А цель этого жертвоприношения была такая: да будет ему эта высадка счастливее, чем Протесилаю^[25]. Пармениону было приказано переправить много пехоты и конницу из Сеста в Абидос. Переправа была совершена на 160 триерах и на множестве транспортных судов», — сообщает Арриан.

При виде берегов Азии он воздвиг богам 12 жертвенных алтарей. «Всё своё наследственное достояние, которым он владел в Македонии и в Европе, он разделил между друзьями, сказав, что для него будет достаточно и Азии», — говорит Юстин.

«Раньше чем от берега отчалил хоть один корабль, Александр закалывает жертвы, испрашивая победу в войне, в которой он избран мстителем за Грецию, столько раз подвергавшуюся нападениям персов. Уже достаточно долго пользовались они властью, близится конец её, и настало время принять её, в свою очередь, тем, кто лучше сумеет воспользоваться ею. И всё войско было настроено не иначе, чем царь: все

воины забыли о жёнах и детях, о том, что им придётся воевать далеко от родины, они уже считали своей добычей персидское золото и сокровища всего Востока, помнили не о военных опасностях, а о богатствах».

А Арриан уточняет: «Обычно рассказывают, что Александр, выйдя из Элсунта, высадился в «Ахейской гавани»: он сам правил при переезде адмиральским кораблём и, доплыв до середины Геллеспонта, заколол быка в жертву Посейдону и nereидам и совершил возлияние в море из золотой чаши».

«Когда высадились на берег, — продолжает Юстин, — Александр первым метнул своё копье как бы во вражескую землю и спрыгнул с корабля в полном вооружении, как будто исполняя военную пляску, и заклал жертвы, молясь о том, чтобы земли эти охотно приняли его, как своего царя».

Затем он отправился к Илиону, бывшей Трое — он, читавший и перечитывавший «Илиаду». Капитан его корабля Менетий возложил на чело царя золотой венок. Александр принёс жертвы Минерве, повесил свои доспехи в её храме и снял те, которые были там освящены после Троянской войны, попросив гоплитов нести их перед ним во всех сражениях. «Рассказывают, что на алтаре Зевса, покровителя домашнего очага, он принёс жертву Приаму, моля его не гневаться больше на род Неоптолема, из которого происходил и он», — добавляет Арриан.

«У надгробия Ахилла он, согласно обычаю, умастил тело и нагой состязался с друзьями в беге вокруг памятника, — пишет Плутарх, — затем, возложив венок, он сказал, что считает Ахилла счастливецом, потому что при жизни он имел преданного друга, а после смерти — великого глашатая своей славы. Когда царь проходил по Илиону и осматривал достопримечательности, кто-то спросил его, не хочет ли он увидеть лиру Александра^[26]. Царь ответил, что она его нисколько не интересуется, разыскивает же он лиру Ахилла, под звуки которой тот воспевал славу и подвиги доблестных мужей». И добавил печально: «О счастливейший юноша! Глашатаем славы твоей был ведь Гомер!»^[27]

БИТВА ПРИ ГРАНИКЕ И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Воздав почести героям Троянской войны, дабы заручиться их покровительством, Александр почувствовал себя твёрже морально и выехал в военный лагерь в Арисбе, где собралось его войско. На следующий день, окружённый лазутчиками и всадниками под предводительством Аминты — в общей сложности четырьмя отрядами «бегунов» и отрядом гетайров аполлониатов^[28], — царь медленно и осторожно направился навстречу врагу. Войска Дария и его ставка, а также греческие наёмники (были и такие) под командованием Мемнона Родосского, одного из лучших полководцев персидской армии, сосредоточились во Фригии. Узнав о том, что Александр переправился через Геллеспонт, занял Трою и уже близко, все военачальники собрались на совет.

Мемнон высказал своё мнение: он считал, что не стоит атаковать в лоб внушительную македонскую армию, обладающую численным превосходством, в особенности в плане пехоты, и ободряемой присутствием Александра, тогда как Дария здесь нет. Он рекомендовал политику выжженной земли: вытаптывать траву, лишая македонскую конницу подножного корма, сжигать урожай, чтобы армии захватчика было нечем питаться. Он зашёл ещё дальше, требуя стереть с лица земли города на побережье, чтобы воины Александра не могли найти там кров и пропитание. Но другой военачальник, Арсит, в гневе вскочил и заявил, «... что он не допустит, чтобы у его подданных сгорел хоть один дом. Персы стали на сторону Арсита; они подозревали, что Мемнон сознательно хочет затянуть войну, стремясь к почестям от царя», — пишет Арриан.

В конце мая 334 года до н. э. персидское войско выступило в поход, чтобы встретить македонян и остановить их при переправе через маленькую речушку Граник.

Тактика Александра была гениально проста, и он станет часто использовать её в последующих сражениях: «...он построил гоплитов^[29] двойной фалангой, всадников поместил с флангов, обозу же велел идти сзади. Разведкой командовал Гегелох; с ним были всадники, вооружённые сариссами, и около 5000 человек легковооружённых», — пишет Арриан.

Когда река была уже близко, разведчики примчались обратно галопом

и сообщили, что всё войско персов стоит на том берегу Граника. Александр собирался немедленно вступить в бой, но Парменион попытался его отговорить: «Мне думается, царь, что хорошо было бы в данной обстановке стать нам, как мы есть, лагерем на этом берегу реки. Я не думаю, чтобы враг, у которого пехота значительно уступает нашей, осмелился расположиться вблизи от нас; тем самым он даст нашему войску возможность легко переправиться на рассвете. И мы перейдём раньше, чем они успеют построиться. Теперь же, по-моему, опасно приступать к этому делу: нельзя ведь вести войско через реку вытянутым строем: видно, как тут много глубоких мест, а сами берега, — ты видишь, как они высоки и обрывисты. Если же воины станут переходить в беспорядке или колонной — в этом положении они всего слабее, то на них, когда они станут выходить, нападёт выстроившаяся конница врага. Первая же неудача будет тяжела и для нашего положения сейчас и сделает сомнительным исход всей войны».

Но Александр не желал ничего слышать и предпочёл атаковать сразу, в тот момент, когда персы этого не ожидали, вопреки доводам Пармениона. И он решительно ответил:

«...мне стыдно, что я без труда перешёл Геллеспонт, а этот крохотный ручей (так уничижительно назвал он Граник) помешает нам переправиться сейчас же, как мы есть. Я переправлюсь: этого требует и слава македонцев, и моё пренебрежение к опасности. Да и персы воспрянут духом, сочтя себя достойными противниками македонцев, так как ничего сейчас от македонцев они не увидели такого, что оправдывало бы страх перед ними».

Начался бой:

«...с тринадцатью илами^[30] всадников царь бросился в реку, — рассказывает Плутарх. — Он вёл войско навстречу неприятельским копьям и стрелам на обрывистые скалы, усеянные пехотой и конницей врага, через реку, которая течением сносила коней и накрывала всадников с головой, и казалось, что им руководит не разум, а безрассудство и что он действует, как безумец. Как бы то ни было, Александр упорно продолжал переправу и ценой огромного напряжения сил овладел противоположным берегом, мокрым и скользким, так как почва там была глинистая. Тотчас пришлось начать беспорядочное сражение, воины по одному вступали в рукопашный бой с наступающим противником, пока, наконец, удалось построить войско хоть в какой-то боевой порядок. Враги нападали с криком, направляя конницу против конницы; всадники пускали в ход копья, а когда копья сломались, стали биться мечами. Многие устремились на Александра, которого легко было узнать по щиту и по султану на шлеме: с обеих сторон

султана было по перу удивительной величины и белизны. Пущенный в царя дротик пробил сгиб панциря, но тела не коснулся. Тут на Александра одновременно бросились два персидских военачальника, Ресак и Спитридат. От одного царь увернулся, а на Ресака напал первым и ударил его копьём, но копье от удара о панцирь сломалось, и Александр взялся за меч. Спитридат, остановив коня сбоку от сражавшихся и быстро приподнявшись в седле, нанёс Александру удар персидской саблей. Гребень шлема с одним из перьев отлетел, и шлем едва выдержал удар, так что остриё сабли коснулось волос Александра. Спитридат снова приподнялся, но перса опередил Клит, по прозвищу Чёрный, пронзив его насквозь копьём. Одновременно упал и Ресак, поражённый мечом Александра».

Арриан продолжает рассказ об этой битве, имевшей огромное стратегическое и, главное, моральное значение, поскольку она стала первым сражением, начатым Александром Великим, и обрела силу символа:

«Персы, поражаемые отовсюду в лицо копьями (доставалось и людям, и лошадям), были отброшены всадниками; большой урон нанесли им и легковооружённые, замешавшиеся среди всадников. Они сначала отошли там, где в первых рядах сражался Александр, но когда центр их войска поддался, то конница на обоих флангах была, разумеется, прорвана, и началось повальное бегство. Около тысячи персидских всадников погибло. Преследование длилось недолго, потому что Александр обратился против наёмников-чужеземцев. Масса их осталась, — не по здравом размышлении, а скорее от ужаса перед неожиданностью. — стоять там же, где их вначале и поставили. Александр повёл на них пехоту, а всадникам велел напасть на них со всех сторон. Ворвавшись в середину, он в короткое время перебил всех; никому не удалось убежать, разве кто спрятался среди трупов; в плен было взято около 2000. Из персов-военачальников пали: Нифат, Петин, Спифридат^[31], лидийский сатрап; наместник каппадокийцев Мифробузан; Мифридат, зять Дария; Арбупал, сын Дария, внук Артаксеркса; Фар-нак, брат Дариевой жены, и Омар, предводитель чужеземцев. Арсит с поля боя бежал во Фригию и там, как говорят, покончил с собой, потому что персы считали его виновником своего тогдашнего поражения.

У македонцев пало человек 25 «друзей», погибших в первой схватке. Медные статуи их стояли в Дии; сделал их по приказу Александра Лисипп, который ваял и его статуи: только его считали достойным этой работы. Остальных всадников пало больше 60, а пехотинцев около 30. Их Александр похоронил на следующий день с оружием и почестями; с

родителей и детей снял поземельные, имущественные и прочие налоги и освободил от обязательных работ. О раненых он всячески позаботился, сам обошёл всех, осмотрел раны; расспросил, как кто был ранен, и каждому дал возможность и рассказать о том, что он сделал, и похвастаться. И персидских военачальников он похоронил; похоронил и эллинов-наёмников, которые пали, сражаясь заодно с его врагами. Тех же, кого он взял в плен, он заковал в кандалы и отправил в Македонию на работу, ибо они, эллины, пошли наперекор общему решению эллинов и сражались за варваров против Эллады».

Александр разделил честь победы с греками и отправил в Афины 300 щитов, отнятых у врага, велел на остальных трофеях выбить величавую надпись: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме лакедемонян, взяли от варваров, обитающих в Азии». Лакедемоняне же были обращены в рабство, потому что объединились с варварами против греков.

«Кубки, пурпурные ткани и другие вещи подобного рода, захваченные у персов, за небольшим исключением, Александр отослал матери», — сообщает Плутарх.

Это пангреческое мировоззрение отражает идейный настрой Александра в ходе завоевательного похода, его взгляд на Грецию как на единую страну, покончившую с прежним режимом полисов; он не упоминает о македонянах, чтобы не задеть обострённых чувств греческих городов, которые он разбил и покорил, и не доверяет лакедемонянам, то есть спартанцам; предпочтения же его ясны, поскольку военные трофеи он отправил в Афины — столицу цивилизации, влияние которой он хочет распространить на весь мир.

После победы при Гранике Александр продемонстрировал свои таланты руководителя, назначив Калата сатрапом Фригии, то есть дав ему тот же титул, каким персы наделяли правителей провинций из греков, и велел ему собирать ту же дань, какую раньше платили Дарию. Пармениона он отправил захватить город Даскилий, который открыл ему ворота без боя.

Как все хорошие полководцы, Александр намеревался воспользоваться победой и не терять времени. Он двинулся к Сардам. Правитель этого города Мифрен и вся местная знать вышли к нему навстречу, неся сокровища и ключи от крепости. Александр разбил лагерь на берегу реки Гермус, впадающей в залив Смирны, по которой проходит граница между Ионией и Эолидой. Не желая показаться захватчиком, он вернул свободу жителям Сард и всей Лидии и позволил им управлять своей страной согласно старинным обычаям и законам. Но он в некотором роде обозначил свою территорию, велел выстроить наверху великолепно укреплённой

крепости храм и алтарь, посвящённые Зевсу Олимпийскому, оставив Павсания, одного из гетайров, стеречь эти места, а Никию поручив собирать и распределять дань.

Эта политика, в которой сочетаются дипломатия, гибкость и в то же время суровость, в зависимости от обстоятельств, показывает Александра столь же одарённым и рассудительным гражданским стратегом, как и военным тактиком. Он понял, что не нужно притеснять местное население, и с уважением относился к старшинам из персов, но при этом показывал преимущества, которые несёт в себе присоединение к его грандиозному проекту всемирного эллинизма. Он пошёл на Эфес, и охранявшие его наёмники бежали на двух триремах. Во время вступления в город Александра сопровождали его сторонники, которых когда-то изгнали оттуда именно по этой причине. Он уничтожил олигархию и восстановил демократию. Он нарочито отправлял культ Артемиды, устроив в её честь парад своих войск в полном вооружении, во главе которых шёл сам, и посвятив ей дань, некогда уплачиваемую варварам. Чернь обрушилась на бывших господ и некоторых из них побила камнями. Но Александр положил конец разгулу насилия. «Он понимал, что народ, если ему позволить, убьёт вместе с виновными и невинных — одних по злобе, других грабежа ради», — пишет Арриан.

Он устроил свою ставку в Эфесе, отправив главных военачальников в соседние провинции и города. По предложению граждан Магнесии и Тралла Парменион занял два эти города с гарнизоном из двух с половиной тысяч наёмной пехоты и стольких же македонян и двухсот всадников из числа гетайров. «Алкимаха, сына Агафокла, он послал с неменьшими силами к эолийским городам и тем ионийцам, которые ещё находились под властью варваров. Он приказал всюду уничтожать олигархию, восстанавливать демократическое правление, разрешать всем жить по их законам и снять подати, которые платились варварам».

Оставался Милет, находившийся в руках Гегесистрата, который сначала написал Александру, что готов сдать ему город, но потом, приободрившись от известия о прибытии персидских подкреплений, решил оказать сопротивление царю Македонии. Александр, «...взяв остальную пехоту, лучников, агриан, фракийских всадников^[32], царскую илу «друзей» и к ней ещё три других, выступил к Милету. Так называемый внешний город, оставленный гарнизоном, он взял с ходу, расположился там лагерем и решил осаждать внутренний город, обведя его стеной».

К счастью, в этом рискованном предприятии ему помогал Никанор, командовавший эллинским флотом, которому удалось расположить свою

эскадру неподалёку от Милета, у острова Лады, до прибытия четырёхсот кораблей персов, которые были вынуждены удалиться к Микале, где они в некотором роде угодили в мешок. В этот момент состоялся спор между Александром и Парменионом о том, как лучше разбить персидский флот.

«Парменион советовал Александру завязать морское сражение: он надеялся, что эллины вообще сильны на море, а к тому же уверенность вселяло в него и божественное знамение: видели, как орёл сел на берегу около кормы Александрова корабля. Он считал, что победа принесёт великую пользу для всего дела, а поражение не нанесёт великого урона, так как персы всё равно господствуют на море. Он сказал, что сам желает взойти на корабль и принять участие в сражении. Александр ответил, что мнение Пармениона ошибочно, а его толкование знамени противно верогаию. Бессмысленно маленькому флоту вступать в сражение с гораздо большим и его неопытным морякам идти на искусившихся в морском деле киприотов и финикийцев. Он не желает, чтобы отвага и опытность македонцев оказались ни к чему в этой неверной стихии и перед лицом варваров. И поражение на море принесёт немалый вред, так как умалит славу их первых воинских дел; кроме того, и эллины заволнуются и поднимутся при известии об этой неудаче на море. Обдумав всё это, он и заявляет, что морская битва сейчас несвоевременна. Божественное же знамение он истолковал иначе: орёл послан ради него, но так как он сидел на земле, то это скорее знаменует, что он одолеет персидский флот с суши».

Александр подвёл свои катапульты к стенам Милета, разбил их и обрушил. В образовавшиеся проломы двинулись его войска — на глазах у персов, которые, находясь на кораблях, в отдалении, не могли вмешаться, тем более что Никанор занял порт и расставил свои галеры в самом узком месте, носами вперёд, преградив тем самым персам вход в гавань и лишив граждан Милета всякой надежды на спасение. Те в конце концов сдались, хотя некоторые попытались вырваться из окружения, прыгая в море и используя щиты в качестве плотов. Они добрались до соседнего острова, на который Александр направил свои корабли. Беглецы в итоге сложили оружие: им пообещали жизнь, и три сотни эллинов, наёмники персов, влились в войско Александра.

Александр пощадил выживших граждан Милета. Его милосердие, как и широта взглядов в очередной раз были оценены по достоинству, и слава о нём разлетелась по всей Азии. Тем временем персидский флот несколько раз проследовал в виду Милета, вероятно, чтобы раздражить Александра и вызвать его на морской бой. Но, испытывая недостаток питьевой воды, персидские моряки ушли на парусах к Самосу, потом вернулись к Милету,

попытались начать бой, который обернулся не в их пользу, и вынуждены были отступить. Тогда Александр решился распустить свой собственный флот, поскольку тот сильно уступал персидскому по числу кораблей, но главное, он понял, что его пехота, овладевшая приморскими городами, сама сможет закрыть порты для персидских судов.

Проведя несколько дней в Милете, где ему воздавали почести местные жители, благодарные за проявленную им человечность, он выступил с войском в Карию, надеясь быстро захватить её столицу Галикарнас, где находилась знаменитая гробница царя Мавсола. Всеми городами и посёлками, попадавшимися ему на пути, он овладевал без труда, зато осаду Галикарнаса пришлось вести по всем правилам. Тем более что этим городом и флотом Дария командовал Мемнон, правитель всего западного побережья; он велел укрепить город, уже давно, ещё при царе Мавсоле, обнесённый стенами, и собирался взять реванш за битву при Гранике. В Галикарнасе находился внушительный гарнизон, частью состоявший из наёмников царя персов. В порту было много триер^[33], защищённых от неожиданного нападения.

Александр осторожно подступил к стенам города — и осаждённые тотчас совершили вылазку, которую удалось быстро отбить. Но завоеватель понял, что жители полны решимости сражаться. Несколько дней спустя Александр во главе основного войска, состоявшего из гетайров и фаланг Аминты, Пердикки и Мелеагра, а также лучников и агриан, искал слабое место в крепостной стене. Ночью он подвёл свою фалангу к Минду и велел подрыть стену, чтобы сделать в ней пролом. Македоняне свалили одну башню, но стена устояла.

Александр велел засыпать рвы, чтобы подвести военные машины, осадные башни и наверняка пробить стены таранами. Бои шли ожесточённые. Вражеские воины устроили вылазку, чтобы сжечь осадные башни. Исход сражения оставался неясным. В последние дни вылазки продолжались, совершалось множество подвигов. С обеих сторон демонстрировались храбрость и изобретательность, но Александру не удалось сломить сопротивление галикарнасцев, несмотря на все свои военные машины, многие из которых были сожжены, пока персидские лучники осыпали фалангу дождём стрел.

Македоняне отчаянно швыряли с верхних площадок башен огромные камни на головы врагов, которые обратились в бегство. Воины Александра ворвались за ними в город, убивали их в тупиках и узких проходах; один мост через ров обвалился, не выдержав веса большого количества людей. Бегущие, смешавшиеся с македонянами, хотели вернуться в город, но их не

пустили и даже перебили их же сограждане, боявшиеся, что воины Александра воспользуются ситуацией, чтобы завладеть Галикарнасом.

Потери с обеих сторон были очень велики, и Александр решил прекратить бой, но не осаду, и подождать, пока Галикарнас сдастся сам. Он оставил под городом внушительное количество пехоты и конницы под руководством Птолемея, сына Селевка. После долгих месяцев ожидания город был взят и разрушен.

Александр ловко нашёл политическое решение не слишком славной военной победе и обратился к старой царице Карию, Аде, которая удалилась в Алинды. Этот город она сдала Александру и сказала, что он ей как сын. В благодарность завоеватель передал ей управление всей Карией вместе с Галикарнасом, наделив царицу титулом сатрапа. Поскольку настала зима, установилось краткое перемирие, и македонским воинам, женившимся перед самым походом, разрешили провести медовый месяц в Македонии. От этого знака внимания к воинам популярность Александра резко возросла. Пармениону поручили отвести конницу и обоз в Сарды, откуда он отправится во Фригию.

В ожидании весны Александр пошёл на Ликию и Памфилию, чтобы завладеть всеми приморскими городами и таким образом помешать персидскому флоту к ним подойти. Он взял с ходу Гипарны и Телмес, затем перешёл реку Ксанф. Три десятка городов без колебаний раскрыли ворота человеку, которого считали не столько захватчиком, сколько освободителем. Фаселиты^[34] поднесли ему золотой венец, а несколько городов прислали к нему депутатов, прося о союзе. Верный своему принципу — не менять форму правления — Александр назначил нового сатрапа в Ликию и Памфилию. Это был Не-арх, входивший в самый ближний круг, который потом ещё при жизни войдёт в историю рядом со своим господином, другом и царём, возглавив морской поход (путешествие Неарха) от реки Инд до Персидского залива, который не имел себе равных в Древней истории.

Дарий долго раскачивался. Через посредство перса Сисины он подкупил Александра, начальника фессалийской конницы, чтобы втянуть его в заговор с целью убийства Александра Великого, пообещав ему корону Македонии и тысячу золотых талантов. Парменион проведал о заговоре и выдал Сисину царю Македонии, который не стал задерживаться в пути из-за этого происшествия, торопясь как можно дальше продвинуться в земли Малой Азии, пока это продвижение идёт легко и усыпано победами. В самом деле, его насторожило божественное знамение;

«Однажды, ещё во время осады Галикарнаса, Александр прилёт в

полдень отдохнуть, и над головой его с громким щебетом стала виться ласточка. Она присаживалась на ложе то здесь, то там и кричала громче, чем обычно. Александр не мог совсем проснуться от усталости и только рукой слегка отгонял ласточку, которая своим щебетанием не давала ему покоя. Птичка вовсе не пугалась и не думала улетать: она села Александру на голову и слетела только тогда, когда совсем разбудила Александра. Александру поведение ласточки показалось знаменательным, и он рассказал о нём Аристандру, прорицателю из Телмесса. Аристандр сказал, что ласточка возвестила ему о том, что кто-то из друзей умышляет против него, но возвестила также, что умысел этот будет раскрыт. Птичка эта живёт ведь с человеком, расположена к нему и болтлива больше, чем какая-либо другая птица».

Сопоставив это толкование с рассказом перса, Александр велел схватить предателя, а сам двинулся дальше вдоль побережья;

«Идти здесь можно, только если дует северный ветер; при южном по побережью идти нельзя. Теперь же с южной стороны — не без божественного произволения, как решил и сам Александр и его сторонники, — задул сухой борей, и они прошли быстро и без утомления».

Плутарх и многие комментаторы и историки Античности выказывали удивление перед быстротой военного похода Александра и в особенности его лёгкостью, которая показалась им очень странной и, так сказать, невозможной без вмешательства богов или знамений:

«Недалеко от города Ксанфа, в Ликийи, есть источник, который, говорят, как раз в это время без всякой видимой причины пришёл в волнение, разлился и вынес из глубины медную таблицу со следами древних письмён. Там было начертано, что персидскому государству придёт конец и что оно будет разрушено греками».

Александр знал об этом пророчестве, и оно побуждало его идти вперёд как можно быстрее.

«Быстрое продвижение македонян через Памфилию дало многим историкам живописный материал для вымыслов и преувеличений, — отмечает Плутарх. — Как они рассказывают, море, по божественному изволению, отступило перед Александром, хотя обычно оно стремительно катило свои волны на берег, лишь изредка оставляя обнажёнными небольшие утёсы у подножия крутой, изрезанной ущельями горной цепи». Более чем скептически относясь к этому чуду, он цитирует греческого комедиографа Менандра, который высмеивает этот неправдоподобный рассказ:

Всё, совсем как Александру, удаётся мне. Когда
Отыскать хочу кого-то, сразу он найдётся сам.
Если надо мне за море, я и по морю пройду.

Александр же никогда сам не упоминал о подобном чуде. Он продолжал свой путь и пообещал жителям Аспенда не занимать их город в обмен на подати и лошадей. Поскольку те не сдержали слова, он удвоил дань. Он окружил Телмесс и выступил на Салагас, которым овладел после ожесточённых боёв, потеряв одного из своих самых верных полководцев — Клеандра и два десятка воинов. Перейдя границу Фригии, он продолжил свои завоевания, а потом отправился в Гордий, написав Пармениону, чтобы тот пришёл к нему туда вместе с войском.

«Парменион и встретил его с войском, — пишет Арриан. — Молодожёны, которые были посланы в Македонию, прибыли в Гордий, и вместе с ними пришло и набранное ими войско под командой Птолемя, сына Селевка, Кена, сына Полемократа, и Мелеагра, сына Неоптолема. Пеших македонян было 3000, всадников же около 300, фессалийских всадников 200, элейцев же полтораста, их вёл элеец Алкия. Гордий находился во Фригии, прилегающей к Геллеспонту, и расположен на реке Сангарий. Истоки Сангария находятся во Фригии; он течёт через землю вифинских фракийцев и впадает в Эвксинское море^[35]. Сюда пришло к Александру посольство из Афин с просьбой отпустить афинян, которые воевали на стороне персов, были взяты в плен при Гранике и теперь находились в Македонии среди двухтысячной толпы узников. Они ушли, ничего тогда не добившись. Александр считал, что если во время его войны с персами у эллинов, которые не побоялись наперекор Элладе стать на сторону варваров, хоть несколько ослабнет страх перед ним, то это грозит ему бедой. Он ответил послам, что пусть они приходят просить за них, когда его предприятие счастливо закончится».

Гордий всегда считался священным городом Анатолии, там находился омфал (священный камень) — пуп земли.

«Александр вошёл в Гордий и поднялся в кремль, где находился дворец Гордия и его сына Мидаса. Ему очень захотелось посмотреть тут повозку Гордия и узел на ярме этой повозки. Об этой повозке местные жители рассказывают знаменитую историю: в древности жил во Фригии бедняк Гордий; были у него клочок земли и пара волов: на одном он пахал, на другом занимался извозом. Однажды, когда он пахал, к нему на ярмо сел орёл и сидел, пока он не распряг вола. Перепуганный Гордий пошёл рассказать о божественном знамении телмесским прорицателям. Телмесцы

умеют истолковывать божественные знамения, и дар прорицания наследуют у них в роду мужчины, женщины и дети. Подходя к какой-то деревне в телмесском округе, он встретил девушку, черпавшую воду, и рассказал ей про свой случай с орлом. Девушка эта была сама из рода прорицателей; она велела ему, вернувшись на то самое место, принести жертву Зевсу-Царю. Гордый же попросил её пойти вместе с ним и объяснить, как приносить жертву. Он совершил её так, как она ему указала: сочетался с девушкой браком, и у них родился сын Мидас. Когда этот Мидас был уже красивым храбрым мужем, во Фригии разразилась междоусобица, от которой страдали все. Получено было предсказание, что к ним на повозке приедет царь, который и прекратит междоусобицу. Пока они ещё рассуждали об этом, в народном собрании появился и стал с повозкой Мидас вместе с отцом и матерью. Тут, соображаясь с предсказанием, признали в Мидасе того, о котором божество изрекло, что он приедет на повозке. Мидаса поставили царём. Мидас прекратил междоусобицу, а отцовскую повозку поставил в кремле, как благодарственное подношение Зевсу-Царю за ниспосланного орла. Об этой повозке рассказывают вот ещё что; тому, кто развяжет узел на её ярме, предсказано владеть Азией. Узел был завязан из лыка дикой вишни, и в нём не видно было ни конца ни начала. Александр не мог разгадать загадку узла, оставить же узел неразвязанным не хотел, чтобы это не вызвало волнения и толков в народе. Одни рассказывают, что он разрубил узел мечом и сказал, что вот узел и развязан. Аристокл же пишет, что он вынул из дышла загвоздку — это кольцо, который проходит через дышло насквозь и на котором держится узел, и снял ярмо. Как в действительности обстояло у Александра дело с узлом, я утверждать не могу. Во всяком случае, он и его спутники ушли от повозки в убеждении, что пророчество относительно развязывания узла сбывается на нём. В ту же ночь это подтвердили небесные знамения: гроза с громом и молниями. Поэтому на следующий день Александр принёс жертву богам, явившим знамения и указавшим ему, как развязать узел».

Так родилась поговорка, которая в ходу и поныне: «разрубить гордиев узел», то есть принять радикальное решение.

Несмотря на упорные бои и зачастую благодаря удачно складывавшимся обстоятельствам, Александр за короткое время завоевал множество земель и городов, однако он знал, что ему ещё предстоят великие битвы и скоро он столкнётся лицом к лицу с особенно упорным врагом — Мемноном, командующим персидским флотом, которого он разбил при Гранике. Возможно, захватив остров Хиос, Мемнон

намеревался перенести войну в Македонию и Элладу. Он поплыл к Лесбосу, захватил все города на этом острове и весной 333 года до н. э. вернулся, чтобы осадить Митилену, отказавшуюся открыть перед ним ворота. Но Мемнон внезапно скончался от скоротечной болезни. Эта смерть стала невосполнимой утратой для Дария и устранила одного из самых яростных врагов Александра. Два преемника Мемнона сумели захватить Митилену, проведя с её жителями переговоры о мире на выгодных условиях для осаждённых, продолжили свои вылазки на Кикладских островах и политику запугивания местного населения, которое соглашалось примкнуть к персам «более из страха, чем по доброй воле».

Александр в ответ поручил Протею, под руководством Антипатра, собрать несколько кораблей вдоль Эвбеи и Пелопоннеса, чтобы прикрыть острова и саму Грецию на случай, если опасения подтвердятся и персы устроят вторжение. Воспользовавшись эффектом неожиданности, Протей с небольшим флотом уничтожил персидскую эскадру, стоявшую у Сифноса, одного из Киклад, в Эгейском море.

БИТВА ПРИ ИССЕ: ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ ДАРИЯ

Продолжая углубляться в земли Дария, Александр вторгся в Киликию. Но тут он столкнулся с Арсамом, другом Мемнона, который проводил политику выжженной земли: «...он опустошает Киликию огнём и мечом, чтобы оставить врагу пустыню»^[36]. Такой способ ведения войны вызвал гнев народов, населявших Киликию, которые обратились к Александру как к освободителю. Армия Александра дошла до Тарса, который персы как раз в этот момент и подожгли, чтобы богатства города не достались врагу. Парменион, спешно отправленный туда с отрядом, прекратил пожар, и когда Александр увидел, что его войска обратили варваров в бегство, он вступил в город, спасённый им от разрушения.

Тутон совершил неосторожный поступок, который мог бы стать роковым, но историки превратили его в легенду:

«Река Кидн... протекает посередине города. Тогда было летнее время, и солнечный жар раскалял Киликию больше, чем какую-нибудь другую страну, и наступило самое жаркое время дня. Прозрачные воды реки соблазнили царя, покрытого потом и пылью, выкупаться, чтобы обмыть своё разгорячённое тело. Сняв одежду на виду у войска, полагая, что будет пристойно показать своим воинам, как мало нужно ему для ухода за своим телом, он вошёл в реку. Но едва он вступил в воду, как его члены, охваченные дрожью, начали цепенеть, затем он побледнел, и жизненное тепло почти покинуло тело. Слуги подхватили его на руки, полуживого и почти потерявшего сознание, отнесли в шатёр».

Все проливали слёзы и проклинали судьбу, которая пожелала избавить Дария от славнейшего противника, даже не заставив его с ним сразиться; все горевали о том, что столь молодой и крепкий мужчина погиб по нелепой случайности. Решив искупаться летом в ледяной воде, когда сам был весь в поту, Александр испытал состояние шока и потерял сознание.

Но благодаря своему крепкому телосложению он поборол смерть:

«Между тем царь стал дышать свободнее, открыл глаза и по мере того, как сознание возвращалось к нему, стал узнавать окружавших его друзей. Ослабление его болезни проявилось уже и в том, что он осознал величину несчастья. Но душевная боль вновь отняла у него силы, когда ему сообщили, что Дарий будет в Киликии на 5-й день. Александр жаловался,

что он с головой выдан Дарию и что из рук его вырвана славная победа и сам он поражён мрачной и бесславной смертью в своей палатке».

Он тотчас велел позвать друзей и лекарей и сказал им:

«Моё положение не допускает медленно действующих средств и осторожных врачей: для меня лучше сразу умереть, нежели поправиться слишком поздно. Поэтому если у врачей есть возможность и умение, то пусть они знают, что мне нужно средство не для спасения жизни, а для продолжения войны».

Это пылкое безрассудство царя внушило всем большое беспокойство. И каждый в отдельности начал уговаривать его не увеличивать опасности поспешностью, но подчиниться воле врачей. У войска, мол, есть основания опасаться неиспытанных лекарств, ибо враг может даже среди его близких подкупить кого-нибудь, чтобы погубить его. Действительно, Дарий объявил, что всякому, кто умертвит Александра, он даст тысячу талантов. Поэтому полагали, что никто не осмелится применить лекарство, которое может показаться подозрительным из-за своей новизны.

Среди знаменитых врачей, следовавших за Александром из Македонии, был арканянин Филипп, особенно преданный царю. Он был другом и хранителем здоровья царя с его детских лет и особенно любил его не только как своего царя, но и как своего воспитанника. Он обещал дать лекарство не столь быстро, сколь сильно действующее и ослабить болезнь целебным питьём. Его обещание не понравилось никому, кроме того, кому предназначалось, из-за опасности. Ведь царь согласен был претерпеть что угодно, кроме затяжной болезни. <...> В это время царь получил от самого верного из своих царедворцев, Пармениона, письмо с предупреждением не доверять своему здоровью Филиппу, которого подкупил Дарий тысячей талантов и обещанием выдать за него свою сестру».

Разумеется, это письмо повергло Александра в сомнения, и он два дня размышлял о том, стоит ли верить этому утверждению. Наконец он принял решение:

«Филипп вошёл, держа в руках чашу, в которой развёл лекарство. Увидев его, Александр, приподнявшись на постели и держа письмо Пармениона в левой руке, взял чашу и бесстрашно выпил лекарство. Затем он приказал Филиппу прочесть письмо, а сам не отрывал от него глаз, думая, что заметит признаки виновности в выражении его лица. Но Филипп, прочитав письмо, выказал больше негодования, чем страха, и, бросив перед постелью письмо и плащ, сказал: «О царь, моё дыхание всегда зависело от тебя, но теперь я убедился, что оно выходит из твоих свято почитаемых уст. Обвинение в убийстве, направленное против меня,

будет опровергнуто твоим выздоровлением, спасённый мною, ты дашь мне жизнь. Прошу и заклинаю тебя, отбрось свой страх, позволь лекарству проникнуть в твои вены, облегчи на некоторое время душу, которую твои друзья, несомненно преданные, но слишком осторожные, смущают неуместной заботливостью». Эти слова не только успокоили царя, но придали ему радостную надежду. Он сказал: «О, Филипп, если бы боги предоставили тебе испытать мои чувства наиболее угодным тебе способом, ты мог бы избрать и другой путь, но ты не мог даже пожелать более верного способа, чем тот, который ты применил. Прочитав это письмо, я всё же выпил приготовленное тобою лекарство и теперь верю, что ты беспокоишься о своей верности не меньше, чем о моём здоровье». Сказав это, он протянул Филиппу правую руку».

Однако лекарство долго не действовало^[37], и в окружении Александра стали поговаривать о том, уж не прав ли Парменион, поскольку в первое время Александр с трудом дышал, а Филипп применял разные возбуждающие средства и «психологически» поддерживал своего пациента, говоря с ним о его матери и сёстрах, а также о победах, которые его ждут, когда он поправится. Через три дня после кризиса Александр был в состоянии встать и выйти к войскам. Каждый воин с чувством пожал руку царя и «благодарил его, как посланного богом». Болезнь и боязнь лишиться вождя ещё более увеличили популярность Александра. Воины показали, насколько они к нему привязались — и по сентиментальным причинам, разумеется, но не только.

«Вещи, которым обычно не придают значения, имеют большую цену в глазах солдат: соревнование царя с солдатами в телесных упражнениях, его одежда и манера держаться, мало отличающие его от простого человека, его воинский дух. Всё это, то ли как дар природы, то ли как достижение души, сделало его в равной степени достойным уважения и любви».

Узнав о болезни царя и его неспособности командовать, Дарий решил этим воспользоваться и быстро двинулся к Евфрату, где велел навести мосты, чтобы переправить свою армию и как можно скорее достигнуть Киликии. Тогда Александр послал Пармениона с пехотой, состоявшей из греков и фракийцев, и отрядом фессалийских конников занять горные ущелья, которые ведут из Киликии в долину Исса. К Александру вернулись силы, он жаждал деятельности, уехал из Тарса и прибыл в Солы, где его приняли очень неласково, и он наложил на местных жителей штраф в 200 талантов серебром за то, что они открыто выступили на стороне персов. Он ввёл в этот город свой гарнизон и узнал добрую весть о череде побед, одержанных в сражениях с персами его военачальниками Птолемеем и

Асандром. На радостях он принёс жертвы Эскулапу, богу врачей, возглавив факельное шествие своей армии, и устроил состязания борцов и музыкантов, игравших на лире. Оттуда он пришёл в Малл. «Застав в городе усобицу, он прекратил её и отпустил горожанам подати, которые они вносили царю Дарию, потому что маллоты выселенцы из Аргоса, а он вёл свой род от аргосских Гераклидов», — уточняет Арриан.

Парменион предупредил его, что Дарий приближается во главе армии из шестисот тысяч воинов и что столкновение с великим царём неизбежно. «К тому же царя воодушевило сновидение, которое маги истолковывали, исходя из желания скорее угодить, чем раскрыть истинное его значение, — сообщает Плутарх. — Дарию приснилось, что македонская фаланга вся объята огнём и что Александр прислуживает ему, а на Александре та самая стола, которую он, Дарий, носил, ещё будучи царским гонцом; потом Александр вошёл в храм Бела и исчез. Божество, по-видимому, возвещало этим сном, что македоняне совершат блестящие подвиги...»

Чересчур уверенный в своих силах, Дарий допускал тактические ошибки и не желал слушать советов своих военачальников и перебежчиков: «В войске Дария находился бежавший со своей родины македонянин по имени Аминт^[38], хорошо знавший характер Александра. Видя, что Дарий намеревается идти на Александра узкими горными проходами, Аминт посоветовал персидскому царю оставаться на месте, чтобы дать сражение на широких, открытых равнинах и использовать своё значительное численное превосходство. Дарий ответил, что боится, как бы враги не обратились в бегство и Александр от него не ускользнул. «Этого, царь, — сказал Аминт, — ты можешь не опасаться. Александр обязательно пойдёт против тебя и, наверно, уже идёт».

Дарий не стал выслушивать замечаний Аминта; он снялся с лагеря и выступил в Киликию, в то время как Александр отправился в Сирию вперёд него. Но ночью они разминулись, и каждый вернулся обратно. Воспользовавшись этим счастливым обстоятельством, Александр поспешил захватить врага в узких горных проходах, тогда как Дарий старался занять свой прежний лагерь и вывести армию из проходов. Ибо Дарий начал понимать свою ошибку. Устремиться в эту тесную местность, зажатую между морем и горами и разделённую посередине рекой Пинаром, значило идти прямо к своему поражению. Такое поле битвы, плохо подходящее для перестроений конницы, давало нежданный шанс противнику, меньшему числом.

Две армии выстроились друг перед другом, но на расстоянии, превышающем полёт стрелы. Вот версия речи, произнесённой

Александром перед своим войском, которую приводит Арриан:

«Он сказал им, что исход прежних сражений должен внушить им мужество; что они, которые всегда были победителями, будут сражаться с теми, кто всегда бывал побеждён; что их ведёт сам бог, вложивший Дарию мысль запереть войско в теснину, где македонцам вполне хватит места развернуть пехоту, а персам большое войско окажется бесполезным; что противник не может сравниться с ними ни физически, ни нравственно: македонцы, с давних времён закалённые в военных трудах и опасностях, столкнутся с персами и мидянами, давным-давно погрязшими в роскоши, — они, свободные люди, с рабами. Что касается эллинов, которые тут встретятся с эллинами, то они ведь сражаются не за одно и то же: одни нанялись к Дарию за плату и притом небольшую; другие — те, что у них в войске, — добровольно стали на защиту Эллады. Варвары же, фракийцы, пэоны, иллирийцы и агриане, самые крепкие и мужественные из европейских варваров, сразятся с самыми слабыми и изнеженными народами Азии. К тому же сам Александр поведёт их на Дария: это будет ещё одним преимуществом. Великая награда предстоит им в этом сражении: они победят не сатрапов Дария, не конницу, выставленную при Гранике, не 20 000 чужеземных наёмников, а самый цвет персов и мидян, племена, населяющие Азию и подчинённые персам и мидянам, самого великого царя, лично присутствующего. Этим сражением завершится для них покорение Азии и положен будет конец их многочисленным трудам. Затем он вспомнил о прежних блестящих действиях всего войска, о славных подвигах отдельных удальцов, к которым он обратился, называя каждого по имени. Коснулся он и личного своего пренебрежения к опасностям, но так, чтобы никого не задеть. Он вспомнил, говорят, и Ксенофонта, и 10 000 бывших с ним, которых и сравнивать нельзя с его войском ни по числу, ни вообще по значимости: у них не было ни фессалийской, ни беотийской и пелопоннесской, ни македонской или фракийской конницы, вообще не было тех всадников, которые имеются у Александра, не было лучников и пращников, кроме малого числа критян и родосцев, да и тех Ксенофонт наспех набрал в минуту опасности; и однако они опрокинули царя со всем его войском у самого Вавилона, одолели племена, которые попадались им на возвратном пути, и пришли домой. Одним словом, он сказал всё, что в таких обстоятельствах хороший вождь говорит перед сражением хорошим солдатам. Все кинулись пожимать ему руку и, воодушевлённые его словами, требовали, чтобы он вёл их в бой».

Воодушевлённый успехом своей речи, Александр, как рассказывает Квинт Курций, обратился к воинам, взывая к их патриотическим чувствам

и пророчествуя о будущем:

«Они, мол, прошедшие по всему миру в пределах пути Геркулеса и Отца Либеры^[39], покорят себе не только персов, но и все остальные народы: Бактрия и Индия станут македонскими провинциями. Те, что они видят теперь, — это наименьшая часть их добычи; победа откроет перед ними всё. Их уделом будет не бесплодный труд на крутых скалах Иллирии и камнях Фракии, но весь Восток станет их добычей. Им почти не понадобятся мечи: всю вражескую армию, дрожащую от страха, они смогут отогнать щитами. Он призвал в свидетели своего отца Филиппа, победителя афинян, и напомнил воинам, как была покорена Беотия и сровнён с землёй её славнейший город. Он говорил то о реке Гранике, то о том, сколь много городов было ими взято или сдалось на милость победителя, и напомнил воинам, что всё находящееся позади них покорено ими и повержено к их ногам. Обращаясь к грекам, он напомнил им, что война против Греции была начата народами Персии сначала по дерзости Дария, а затем Ксеркса, потребовавших от них земли и воды, чтобы не оставить сдавшимся ни глотка из их источников, ни привычного куска хлеба. Дважды были разрушены и сожжены греческие храмы, осаждались города и нарушались все божеские и человеческие законы. Иллирийцам же и фракийцам, привыкшим жить грабежом, он приказывал смотреть на вражеское войско, сверкающее золотом и пурпуром, несущее на себе добычу, а не оружие; пусть они, как мужи, отнимут золото у этих поженски слабых народов и обменяют свои голые скалы, промёрзшие от вечного холода, на богатые поля и луга персов».

Сражение, начавшееся 12 ноября 333 года до н. э., было решающим и для Александра, поставившего на карту всю свою завоевательную политику, и для Дария, стремившегося сохранить свою империю. О нём можно рассказывать подробно, даже преподавать в военных училищах. Несмотря на то что армия Александра была меньше по численности, царь выказал себя ловким тактиком. «Александр не дал себя окружить, напротив, обойдя своим правым крылом левое крыло вражеского войска, он ударил персам во фланг и обратил стоявших против него варваров в бегство», — сообщает Плутарх. Сражение перешло в рукопашную схватку. «Тогда произошло великое кровопролитие: обе армии находились так близко одна от другой, что щиты ударялись о щиты и клинки мечей упирались во врагов. Ни слабые, ни трусы не могли уйти; все сражались лицом к лицу, как в единоборстве, твёрдо стояли на одном месте и открывали себе путь только победой. Ведь они продвигались, только опрокинув врага. Но уставшим приходилось биться всё с новыми и новыми

противниками, и раненые не могли, как это обычно бывает, уйти с поля боя, так как спереди теснил их враг, сзади наседало своё же войско», — добавляет Квинт Курций.

Все историки Древнего мира, и греки, и римляне, сходятся в одном: это была страшная резня, в армии Дария число погибших исчислялось десятками тысяч, тогда как Александр потерял всего 800 человек убитыми и ранеными. Сам Александр был ранен в бедро ударом меча, но, как он позже написал своему товарищу Антипатру, рана была несерьёзная. «Вокруг колесницы Дария лежали его самые славные полководцы, почётно погибшие на глазах своего царя, все они лежали ничком, так как пали, сражаясь и получив раны в грудь. Среди них узнали Атизия, Реомитра и правителя Египта Сабака, командиров больших армий; вокруг них грудой лежали тела неизвестных всадников и пехотинцев. У македонцев тоже были убитые, хотя и немного, очень храбрые мужи; сам Александр был легко ранен мечом в правое бедро. Кони, запряжённые в колесницу Дария, исколотые копьями и взбесившиеся от боли, рвались из упряжи, сбрасывая царя с колесницы. Тогда он, опасаясь попасть живым в руки врага, соскочил с неё и был посажен на приготовленного для такого случая коня, позорно бросив знаки царского достоинства, чтобы они не выдали его во время бегства». Увидев, что их вождь бежал, персы побросали оружие и беспорядочно отступили. Разгром персов при Иссе был сокрушительным. Македоняне проникли в их лагерь, полный богатств, и захватили всё золото и всё серебро, хотя Дарию со свитой и удалось унести часть сокровиш в Дамаск. Грабёж сопровождался жестокостью и насилием, как всегда бывает в подобных ситуациях. Дарий привёл с собой весь свой двор, включая женщин — из своей семьи и жён своих полководцев; «насилие и похоть не щадили и их тел».

Но в целом историки восхваляют великодушие Александра, который, после тщетной попытки преследовать Дария, вернулся в свой лагерь в середине ночи, совершенно без сил, мечтая лишь об омовении и наслаждениях пиршества. Между тем «Кто-то пришёл к жене Дария и к его матери и сказал им, что Александр вернулся из погони с доспехами, снятыми с Дария, — рассказывает Диодор Сицилийский. — Женщины подняли великий крик и плач; толпа пленниц разделила их скорбь, встретив громким рыданием эту весть. Царь, узнав, почему они горюют, послал Леоннату, одного из своих друзей, успокоить их смутное, утешить Сисигамбу и всех, кто с ней, сказав, что Дарий жив и что Александр позаботится о них как подобает; он желает утром навестить их и на деле показать своё дружелюбие. Пленницы, которым выпало такое необычайное

и совершенно неожиданное счастье, почтили Александра как бога и прекратили свои рыдания. Царь на рассвете вместе с самым любимым другом своим, Гефестионом, пришёл к женщинам. Оба они были одеты одинаково, но Гефестион был выше и красивее, и Сисигамба, приняв его за царя, пала перед ним ниц. Присутствовавшие стали качать головой и руками показывать на Александра. Сисигамба, устыдившись своей ошибки, простёрлась сызнова перед Александром. Но царь, подняв её, сказал: «Не волнуйся, мать! Он тоже Александр». Назвав старую женщину именем матери, самым ласковым на земле словом, он дал понять несчастным, как дружественно будет он с ними обращаться впредь. Подтвердив, что она станет для него второй матерью, он на деле доказал правдивость своих слов.

Он надел на неё царский убор; вернул прежний почёт и подобающие почести; отдал всех служанок, которые были даны Дарием, и прибавил от себя не меньшее число; заявил, что для девушек он выберет мужей лучших, чем выбрал бы Дарий, а мальчика воспитает как собственного сына и удостоит царских почестей. Он подозвал его к себе и поцеловал; видя, что тот смело глядит на него и ничуть не пугается, сказал Гефестиону и его спутникам, что этот шестилетний ребёнок смел не по летам и будет гораздо лучше своего отца. Он заявил, что позаботится о чести её сана: её окружит такой же почёт, какой окружал в дни бывшего счастья. Он ещё много говорил с женщинами, и от его слов, жалостливых и добрых, от этой великой и неожиданной радости они залились неудержимыми слезами. На прощанье он протянул каждой правую руку, и его хвалили не только благодетельствованные им — эту безграничную доброту одобрили все соратники».

Лагерь Дария был совершенно разорён, однако македоняне сохранили для Александра шатёр Дария. Передадим слово Плутарху:

«Воины предназначили для Александра наполненную драгоценностями палатку Дария со множеством прислуги и богатой утварью. Александр тотчас снял доспехи и, направившись в купальню, сказал: «Пойдём, смоем пот битвы в купальне Дария!» «Не Дария, а Александра! — воскликнул один из друзей царя. — Ведь собственность побеждённых должна не только принадлежать победителям, но и называться по их имени». Когда Александр увидел всякого рода сосуды — кувшины, тазы, флаконы для притираний, все искусно сделанные из чистого золота, когда он услышал удивительный запах пушистых трав и других благовоний, когда, наконец, он прошёл в палатку, изумлявшую своими размерами, высотой, убранством лож и столов, — царь посмотрел

на своих друзей и сказал: «Вот это, по-видимому, и значит царствовать!».

Пленным женщинам Александр разрешил «...похоронить павших в битве персов — всех, кого они пожелают, взяв для этой цели одежды и украшения из военной добычи, не лишил семью Дария почестей, которыми она пользовалась прежде, не уменьшил числа слуг, а средства на ее содержание даже увеличил.

Однако самым царственным и прекрасным благодеянием Александра было то, что этим благородным и целомудренным женщинам, оказавшимся у него в плену, не пришлось ни слышать, ни опасаться, ни ждать ничего такого, что могло бы их опозорить. Никто не имел доступа к ним, не видел их, и они вели такую жизнь, словно находились не во вражеском лагере, а в священном и чистом девичьем покое. А ведь, по рассказам, жена Дария была самой красивой из всех цариц, точно так же как и Дарий был самым красивым и рослым среди мужчин; дочери же их походили на родителей».

Захватить самого Дария не удалось, и Александр всеми способами старался завладеть его богатствами. Благодаря предательству одного приближённого Дария и правителя Дамаска, Парменион подошёл к воротам этого города и получил сокровища царя с самыми ценными вещами. За предателем следовали тысячи мужчин и женщин. «Чтобы повысить цену своего предательства, правитель готовился выдать врагу добычу дороже всяких денег: людей высокого рода, жён и детей полководцев Дария и, кроме того, посланцев греческих городов, которых Дарий оставил в руках у предателя, как в самом безопасном месте, — рассказывает Квинт Курций. — Персы называют людей, переносящих тяжести на своих плечах, «гангабами». Так вот, эти люди не смогли вынести холода, когда во время бури внезапно пошёл снег и землю сковало льдом; они надели пурпурные с золотом одежды, которые несли вместе с деньгами, и никто не посмел остановить их. так как судьба Дария освободила от страха перед ним даже людей самого низкого положения. Пармениону они показались армией, которой не стоит пренебрегать; он ободряет своих людей немногими, но особенно вескими словами, как перед настоящим сражением, и приказывает им, пришпорив коней, внезапно напасть на врага. Но носильщики, побросав свою ношу, в ужасе пускаются бежать; по этой же причине сопровождавшие их вооружённые воины стали бросать оружие и прятаться в известных им укрытиях. Префект, делая вид, что он сам в страхе, вызвал общую панику. По полям были разбросаны богатства царя, деньги, предназначенные для оплаты огромной армии, платья и украшения стольких знатных людей и благородных женщин, золотые сосуды, золотая сбруя, палатки, украшенные с царской роскошью, повозки, покинутые их

владельцами и наполненные огромными богатствами. Печальная картина даже для грабителя, если что-либо препятствует удовлетворению его алчности. Столь невероятное и несметное богатство, накопленное в течение стольких лет, теперь частью было изодрано ветвями кустарников, частью втоптанно в грязь; у грабителей не хватало рук, чтобы подобрать добычу. Наконец добрались до тех, кто бежал первыми: много женщин тащили своих детей следом за собой. Среди них были три дочери Оха, царствовавшего перед Дарием; в своё время они из-за перемены обстоятельств потеряли высокое положение, как дочери своего отца, но судьбе было угодно уготовить им ещё более жестокую участь. В этой же толпе была жена названного выше Оха, также и дочь Оксатра, брата Дария, и жена главы царских приближённых Артабаза с его сыном по имени Илионей. Были взяты в плен также жена Фарнабаза, которому Дарий поручил верховное командование на морском берегу, вместе с её сыном, три дочери Ментора и жена и сын славного полководца Мемнона; едва ли какая-нибудь семья вельможи избежала столь печальной участи. Вместе с ними были захвачены спартанцы и афиняне, которые, нарушив обязательства союзников, присоединились к персам. Всего чеканной монеты было захвачено на 2600 талантов, а серебряных изделий на 500 фунтов весом. Кроме этого, были взяты 30 тысяч пленных и 7 тысяч вьючных животных, тащивших поклажу».

Хотя воины Пармениона надругались над персиянками, Александр и его военачальник в очередной раз постарались как можно скорее прекратить насилие, как это было после битвы при Иссе.

«Я же вообще думаю, что среди множества прекрасных деяний, совершённых Александром, нет ни одного большего и более достойного памяти историка, — восклицает Диодор Сицилийский. — Осады городов, сражения и прочие воинские деяния удачно заканчиваются благодаря счастливому случаю или доблести, но только мудрый почувствует жалость к тем, кто целиком оказался в его власти. Большинство по глупости своей в счастье превозносится; благоденствие делает их гордецами, и они забывают о том, что человек — существо слабое и бессильное. Поэтому и оказывается, что для большинства счастье бывает как бы тяжкой ношей, которую они не в силах нести. Да встретит же Александр, живший за много поколений до нас, и в последующих веках суд справедливый и достойный его добродетели!»

Александр не притронулся к пленницам, однако взял в любовницы Барсину, вдову Мемнона, командовавшего персидским флотом, которая попала в плен под Дамаском. Александр, конечно, был привлечён её

красотой, но ещё и тем, что она получила греческое воспитание. Тем не менее ему казалось постыдным положение любовника женщины из племени варваров, пусть и высокого происхождения. Это Парменион уговорил его избрать Барсину в фаворитки, воздав должное её уму, а не только физическому совершенству. В том же, что касается остальных полонянок, Александр, «...желая противопоставить их привлекательности красоту своего самообладания и целомудрия, не обращал на них никакого внимания, как будто они были не живыми женщинами, а безжизненными статуями», — говорит Плутарх.

Поведение Александра сочеталось с большой внутренней дисциплиной. Он был трезвенником по своему темпераменту, хотя порой его видели подвыпившим во время пиров со своими друзьями. На самом деле он любил осушать с ними чаши не столько ради наслаждения от самого напитка, сколько для удовольствия от беседы. После каждого выпитого кубка он непременно начинал философский спор. И никогда не жертвовал своими военными подвигами ради вина, сна, игры, любви, даже самой законной, и самых прекрасных зрелищ.

Он вовсе не был неженкой. По совету Леонида, одного из своих воспитателей, он совершал каждое утро прогулку до рассвета. Отдыхая в лагере, он не забывал об этой самодисциплине, источнике его силы и выносливости. На заре он приносил жертвы богам, потом обедал сидя и весь день охотился, разбирал споры между воинами или читал, в частности своего любимого Гомера, с произведениями которого никогда не расставался. Во время военного похода, если не было спешки, он упражнялся по пути в стрельбе из лука и в управлении колесницей, пуская коня галопом. Развлекался он охотой на лис и птиц.

Вернувшись в лагерь, он всегда совершал омовение и велел умащивать своё тело. Справлялся у поваров, приготовили ли ему вкусные яства, которые он вкушал только лёжа, с наступлением ночи. Он сам следил за тем, чтобы всех его гостей обносили одинаково и чтобы никто не оказался забыт. Порой он часами предавался искусству беседы, вместо того чтобы наедаться или напиваться.

«В остальное время Александр был самым обходительным из всех царей и умел всех расположить к себе, но за пиршественным столом его хвастливость становилась тягостной, — сообщает Плутарх. — Он и сам безудержно хвастался и жадно прислушивался к словам льстецов, ставя тем самым в затруднительное положение наиболее порядочных из присутствовавших гостей, которым не хотелось ни соревноваться с льстецами, ни отставать от них в восхвалении Александра: первое казалось

позорным, а второе — чреватым опасностями. После пира Александр совершал омовение и спал нередко до полудня, а иногда проводил в постели весь последующий день.

Александр был равнодушен к лакомствам и изысканным блюдам: часто, когда ему привозили с побережья редчайшие фрукты или рыбу, он всё раздаривал друзьям, ничего не оставляя себе. Однако обеды, которые устраивал Александр, всегда были великолепны, и расходы на них росли вместе с его успехами, пока не достигли десяти тысяч драхм. Больше этого царь сам никогда не расходовал и не разрешал тратить тем, кто принимал его у себя».

ИЗ МАЛОЙ АЗИИ В ЕГИПЕТ

Эти черты характера, в целом вполне положительные, показывают, что Александр не был завоевателем и государем, почивающим на лаврах. Перед ним стояла лишь одна цель: завоевание Азии и, возможно, всего мира, и он стремился к ней всеми способами. Он мог позволить себе быть великодушным с греческими городами, многие из которых делали ставку на Дария против него, в первую очередь Афины, подталкиваемые Демосфеном, за ними Фивы, не простившие македонскому парю его грубость, и, наконец, Спарта, его заклятый враг. Победа при Иссе заставила эти города временно отказаться от своих претензий. Александр даже отпустил знатных пленников из всех трёх полисов, оставив в своей тюрьме одного дипломата, чтобы знали, что он ничего не забыл, и видели разницу в обхождении. Военачальники и правители Дария разбежались или погибли.

Александр был ничем не стеснён, но он знал меру и взвешивал разные варианты, прежде чем сделать выбор. Либо занять сердце Персии и её главные центры, либо покорить остальные города Малой Азии, а главное — уничтожить или разоружить персидский флот, ещё остававшийся опасным, поскольку ему нельзя было противопоставить достаточно многочисленную и мощную эскадру. Хотя богатое воображение македонского царя и символ разрубленного гордиева узла побуждали его сделаться владыкой мира, он всё же мудро сделал выбор в пользу второго решения.

Александр с основными силами ушёл в Сирию, реорганизовав управление завоёванными землями, которые теперь находились под надзором сатрапов у него на жалованье. Прибыв в Мараф на побережье Финикии, он получил послание от Дария, который как будто обращался к нему свысока: он упрекал его за то, что Александр вторгся в Азию во главе войска и обращался с персами как с врагами, нарушив старинный союз, подписанный между персами и Филиппом. Дарий добавлял, что был вынужден взяться за оружие, чтобы защитить свою страну и честь трона, что исход сражения был определён богами, однако он требует назад свою мать, жену и детей, томящихся в плену, и просит прислать к нему посольство с ответом. Объяснения Дария показались Александру вымученными, а претензии — завышенными. Он передал своему другу Ферсиппу не слишком любезное письмо к царю царей, составленное в следующих выражениях и донесённое до нас Аррианом:

«Ваши предки вторглись в Македонию и остальную Элладу и наделали нам много зла, хотя и не видели от нас никакой обиды. Я, предводитель эллинов, желая наказать персов, вступил в Азию, вызванный на то вами. Вы помогли Перинфу, обидевшему моего отца; во Фракию, находившуюся под нашей властью, Ох послал войско. Отец мой умер от руки заговорщиков, которых сплотили вы, о чём хвастаетесь всем в своих письмах. Ты с помощью Багоя убил Арсеса и захватил власть несправедливо и наперекор персидским законам; ты несправедлив к персам; ты разослал эллинам неподобающие письма, призывая их к войне со мной; ты отправлял деньги лакедемонянам и другим эллинам: ни один город их не принял, но лакедемоняне взяли, и твои послы подкупили моих сторонников и постарались разрушить мир, который я водворил в Элладе. Я пошёл на тебя войной, потому что враждебные действия начал ты. Я победил в сражении сначала твоих военачальников и сатрапов, а теперь и тебя и твоё войско, и владею этой землёй, потому что боги отдали её мне. Я забочусь о твоих людях, которые, уцелев в сражении, перешли ко мне; не против своей воли остаются они у меня, а добровольно пойдут воевать вместе со мной. Я теперь владыка всей Азии; приходи ко мне. Если ты боишься, что я причиню тебе какое-либо зло, то пошли кого-либо из близких тебе получить для себя гарантии безопасности. Когда ты придёшь ко мне, я верну тебе, по твоей просьбе, и мать, и жену, и детей и дам всё, что ты ещё пожелаешь. О чём ты меня ни попросишь, всё будет твоё. В дальнейшем, когда будешь писать мне, пиши как к царю Азии, а не обращай как к равному. Если тебе что нужно, скажи мне об этом как господину над всем, что было твоим. В противном случае я буду считать тебя обидчиком. Если же ты собираешься оспаривать у меня царство, то стой и борись за него, а не убегай, потому что я дойду до тебя, где бы ты ни был».

Короче, Александр считал, что Дарий низложен, что он сменил его на троне, и требовал покорности. Нельзя яснее и искреннее заявить о своих устремлениях и, некоторым образом, выказать свою дерзость.

Александр не действовал без подготовки, несмотря на весь пыл своей юности. Он не мог отправиться на новые завоевания, предварительно не умирив присоединённые к своим владениям города Малой Азии. Он проявил себя терпимым, однако хотел, чтобы в них была восстановлена демократия после правления Ахеменидов и эпохи сатрапов и тиранов, хотя порой и разрешал правителям сохранять имя сатрапов. Несколько городов, например Эфес, и островов, как Хиос, проявили неуступчивость, но Александр сумел их обуздать, не оскорбляя их чувства и в большей мере

используя дипломатию, а не принуждение. Коринфский союз послужил образцом демократии, завоёванные страны должны были равняться на неё. Александр постарался также уладить старые ссоры между городами. Гибкость его политики послужила к его пользе и позволила царю обеспечить себе крепкий тыл, прежде чем углубиться в Азию. Он был менее восприимчив к гражданским почестям, оказанным ему некоторыми городами, по сравнению с религиозными. Он стремился к священным привилегиям: его имя писали на храмах, на его средства строили святилища. Это был способ насадить религию греков в стране, долгое время находившейся под властью персов, но ещё и показать, что он избран богами для священной миссии — распространить эллинскую культуру по всему миру: божественные почести, на которые он претендовал, постепенно возводили его в ранг героя, а стремление к этому было свойственно всем античным завоевателям — и грекам, и римлянам.

Точно так же он реорганизовал финансовую систему Малой Азии, сохранив множество управлений налоговой администрации, созданных персами, например для взимания дани, однако она должна была пополнять казну Македонии. За этим присматривали финансовые интенданты из числа военных во главе с казначеем, подчинявшимся лично македонскому царю.

Можно удивляться тому; что после победы при Иссе Александр не попытался захватить Сузы, столицу Персидской империи, или по меньшей мере пленить Дария. Но Александр-завоеватель был осторожным стратегом. Зная о силе вражеского флота и слабости своего собственного, в первое время он предпочёл укрепить свой тыл и занять всё средиземноморское побережье, ещё находившееся в руках персов. Поэтому он явился в Финикию и сыграл на раздоре между Сидоном и Тиром^[40]. Первому он вернул свод законов, но второй сопротивлялся несколько месяцев, так что у Александра появились сомнения в отношении его будущего. В самом деле, он решил войти в Тир, где был храм Геракла — его предка. Но жители Тира закрыли перед ним ворота, рассчитывая, что Дарий будет им за это благодарен, поскольку тот мог выиграть время и воссоздать свою армию. Тир стоял на труднодоступном холме и ждал помощи от союзников-карфагенян. Александр был вынужден вести осаду города. Взбешённый неожиданным сопротивлением жителей Тира, отнимавшим у него драгоценное время, он созвал своих военачальников и простых воинов и изложил им тщательно продуманную стратегию. Вот как она звучит в изложении Арриана:

«Друзья и союзники, нам опасно предпринимать поход на Египет (на

море ведь господствуют персы) и преследовать Дария, оставив за собой этот город, на который нельзя положиться, а Египет и Кипр в руках персов. Это опасно вообще, а особенно для положения дел в Элладе. Если персы опять завладеют побережьем, а мы в это время будем идти с нашим войском на Вавилон и на Дария, то они, располагая ещё большими силами, перенесут войну в Элладу; лакедемоняне сразу же начнут с нами войну; Афины до сих пор удерживал от неё больше страх, чем расположение к нам. Если мы сметём Тир, то вся Финикия будет нашей и к нам, разумеется, перейдёт финикийский флот, а он у персов самый большой и сильный. Финикийские гребцы и моряки, конечно, не станут воевать за других, когда их собственные города будут у нас. Кипр при таких обстоятельствах легко присоединится к нам или будет взят запросто, при первом же появлении нашего флота. Располагая на море македонскими и финикийскими кораблями и присоединив Кипр, мы прочно утвердим наше морское господство, и тогда поход в Египет не представит для нас труда. А когда мы покорим Египет, то ни в Элладе, ни дома не останется больше ничего, что могло бы внушать подозрение, и тогда мы и пойдём на Вавилон, совершенно успокоившись насчёт наших домашних дел. А уважать нас станут ещё больше после того, как мы совсемотрежем персов от моря и ещё отберем от них земли по сую сторону Евфрата».

Эта речь произвела впечатление. К тому же новое знамение как будто повелевало вести осаду Тира В ту же самую ночь. Александру приснилось, что он стоит у городских стен, ему явился Геракл, протянул рулсу и открыл перед ним ворота города. По словам Аристандра, это видение означало, что Тир удасться взять лишь ценой великих усилий.

«В то же время многим жителям Тира приснилось, будто Аполлон сказал, что он перейдёт к Александру, так как ему не нравится то, что происходит в городе, — сообщает Плутарх. — Тогда, словно человека, пойманного с поличным при попытке перебежать к врагу, тирийцы опутали огромную статую бога верёвками и пригвоздили её к цоколю, обзывая Аполлона «александристом». Александру приснился еще один сон: он увидел сатира, который издали заигрывал с ним, но увёртывался и убегал, когда царь пытался его схватить, и дал себя поймать лишь после долгой погони и уговоров. Прорицатели убедительно истолковали этот сон, разделив слово «сатир» на две части: «Са» [твой] и «Тир».

Город представлял собой остров, окружённый высокими стенами. Морская мощь жителей Тира основывалась на множестве кораблей и поддержке персов, господствовавших на море.

Александр, как обычно, проявил изобретательность и взялся строить

мол для перехода с берега на остров. Но для македонских воинов это оказалось непосильной задачей. Лучники обстреливали их со стен, а триеры не давали покоя. Воздвигнутые башни сгорели, и жители Тира стали совершать вылазки на мол. Александр понял, что никогда не захватит город без помощи флота. Он велел собрать все корабли в городах Финикии, перешедших на его сторону, в Библе и Араде, то есть, по словам Арриана, 80 судов, не считая триер с Родоса, из Солоя, Малла, Ликеи и 120 кораблей киприотов, некогда бывших на стороне персов, но теперь примкнувших к Александру. Этот флот трижды штурмовал Тир и трижды был отброшен его жителями, пускавшими в ход выдумку и хитрость и прекрасно управлявшими своими судами.

Как всегда, когда Александр оказывался в затруднительном положении, посыпались знамения и сны, способные подать ему совет.

«Вдруг морское чудовище необычайной величины, выдаваясь спиной над волнами, приблизилось, своим огромным телом рассекая волны, к самому молу, построенному македонцами, и было видно с той и другой стороны, затем погрузилось в море у края мола и то показывалось большей своей частью над волнами, то исчезало за их гребнями, наконец, всплыло недалеко от укреплений города. Вид этого чудовища вызвал радость той и другой стороны: македонцы утверждали, что оно показало путь дальнейшему строительству, а тирийцы полагали, что Нептун, мстя за нарушение покоя, призвал это чудовище и что скоро, конечно, рухнет весь мол. Обрадовавшись такому предзнаменованию, они стали пировать и упились вином; отягощённые им, они с восходом солнца садятся на корабли, разукрасив их венками из цветов, не только поверив в предвестие победы, но уже и поздравляя себя с ней», — рассказывает Квинт Курций.

Но они рано радовались, поскольку Александру удалось потопить весь их флот своими героическими триерами.

«После этого солдатам было дано два дня отдыха. Затем, приказав подвести к городу флот и осадные орудия, чтобы стеснить напуганных осаждённых со всех сторон, сам царь поднялся на самый верх башни с тем большим мужеством, чем больше была опасность. Заметный по своим царским знакам и блестящему вооружению, он был главной мишенью для стрел. И он проявил доблесть, достойную быть зрелищем: многих защитников стен он сразил копьём, некоторых врагов отбросил, напав с мечом и щитом, ибо башня, на которой он стоял, почти соприкасалась со стеной города».

Осадные машины македонян в конце концов разрушили стены. Тирийцы пошли на попятный. Понимая, что партия проиграна, они

укрылись в храмах или заперлись в своих домах. Прочие, словно ища смерти, бросились в схватку, а другие, взобравшись на крыши домов, бросали камни в воинов Александра. Это был неравный бой, закончившийся кровавой баней. На сей раз вождь македонян не проявил милости к побеждённым:

«Александр приказывает перебить всех, кроме укrywшихся в храмах, и поджечь все постройки города. Хотя этот приказ был объявлен глашатаем, никто из вооружённых не искал защиты богов: храмы наполнились женщинами и детьми, мужчины стояли у своих домов, готовые дать отпор свирепствующему победителю. Многих спасли сидоняне, находившиеся в отрядах македонцев. Они вступили в город в числе победителей, но, помня о своём родстве с тирийцами (основателем обоих городов считался Агенор), они спасли многих из них, уводя к своим кораблям и тайно переправляя их в Сидон. Так неистовства победителей тайно избежали 15 тысяч человек. О том, сколько было пролито крови, можно судить хотя бы по тому, что внутри укреплений города было казнено 6 тысяч воинов. Печальное для победителей зрелище было подготовлено яростью царя: 2 тысячи человек, на убийство которых уже не хватило ожесточения, были пригвождены к крестам на большом расстоянии вдоль берега моря».

Во время осады Тира Александр, умевший быть повсюду, продолжал переговоры с Дарием. Последний прислал письмо, предлагая свою дочь Статиру в жёны Александру:

«В приданое ей он давал все земли между Геллеспонтom и рекой Галисом, сам же довольствовался землями, лежащими к востоку. Если, мол, Александр колеблется принять, что ему предлагается, то ведь счастье никогда не остаётся подолгу на том же месте, и насколько большей удачи достигают люди, настолько большую зависть богов к себе возбуждают. Он опасается, что Александр, подобно птицам, которых природная лёгкость влечёт к звёздам, предаётся пустому и незрелому увлечению: ведь нет ничего труднее, как в его возрасте справляться с таким счастьем. У него самого остаётся ещё очень много земель, да и не всегда можно быть застигнутым в теснинах, Александру же придётся переправляться через Евфрат, Тигр, Араке и Гидасп, великие защитные рубежи его царства. Придётся ему дойти до земель, где живёт так мало людей, что стыдно об этом говорить. Когда-то он ещё пройдёт через Мидию, Гирканию, Бактрию и достигнет индов, живущих у океана? Не говоря уже о согдийцах, арахосиях и о других племенах, населяющих Кавказ и достигающих Танаиса. Раньше состаришься, чем обойдёшь все эти земли, даже без сражений».

После заманчивого предложения Дарий перешёл к шантажу и запугиванию — плохо же он знал характер Александра, невосприимчивого к подобным аргументам. Ответ его был яснее ясного: «Если он пожелает жениться на дочери Дария, то женится и без согласия Дария. Он велит Дарию явиться к нему, если он хочет доброго к себе отношения», — передаёт Арриан.

Дарий всё понял. Александр не готов на уступки, и война между двумя царями неизбежна. Чтобы лучше доказать свою решимость, царь Македонии завоевал Сирию, захватил Дамаск, прошёл мимо Иерусалима, который в те времена не был стратегическим городом, и осадил Газу в Палестине, которой командовал чернокожий евнух по имени Бетис, располагавший многочисленными отрядами арабов-наёмников и достаточным количеством продовольствия, чтобы выдержать долгую блокаду.

Газа — стратегический город, значение которого подчёркивали греческие и римские авторы. Стоя на вершине холма под защитой крепких стен, он был воротами пустыни и ключом к Египту со стороны Финикии. Два месяца, в сентябре и октябре 332 года до н. э., Газа отражала приступы и атаки Александра, а оборонявшие её воины совершали дерзкие вылазки, сменяя ряды осаждавших. Даже осадные машины Александра не устояли. «В это время Александр в венке приступал к жертвоприношению; он собирался уже совершить положенный обряд над первым животным, как вдруг какая-то хищная птица, пролетая над алтарём, уронила ему на голову камень, который она несла в когтях. Александр спросил прорицателя Аристандра, что знаменует эта птица. Тот ответил ему: «Царь! ты возьмёшь город, но бойся сегодняшнего дня». День, в самом деле, оказался неудачным для царя Македонии: стрела, выпущенная из катапульты, пробила его щит и доспехи и вонзилась ему в плечо.

«Её вынул врач царя Филипп. Потекла обильно кровь, и все испугались; через панцирь не было видно, глубока ли рана. Сам царь, даже не побледнев, приказал остановить кровь и перевязать рану. Долго ещё после этого он оставался впереди знамён, скрывая боль или преодолевая её, как вдруг кровь, перед этим задержанная лекарством, полилась сильнее, и рана, причинявшая мало боли, пока была свежа, распухла, когда кровь стала запекаться. У царя потемнело в глазах и подкосились ноги; ближайšie воины его подхватили и принесли в лагерь; а Бетис, считая, что он убит, вернулся в город, торжествуя победу», — рассказывает Квинт Курций.

Однако Александр, невероятно стойко переносивший усталость и

боль, вовсе не собирался отступать.

Несколько раз он штурмовал стены во главе своих войск. Несколько раз ему пришлось отступить. Он снова был ранен — камнем в ногу. Воины Газы, измученные неукротимой яростью македонской фаланги, в конце концов сдались и отдали город. Израненный Бетис, сражавшийся до самого конца, был захвачен живым и приведён к Александру. Разъярённый сопротивлением Газы и храбростью Бетиса, тот отнёсся к пленнику жестоко:

«Не так ты умрёшь, как хотел; тебе придётся вынести все виды пыток, какие могут быть придуманы для пленника». Но Бетис, глядя на царя не только бесстрашным, но и надменным взором, ничего не ответил на его угрозы. Тогда Александр воскликнул: «Видите ли, как он упорно молчит? Склонил ли он колена, просит ли пощады? Но я заставлю его прервать молчание, и если не слова, то исторгну из него хотя бы стоны!» Затем он от раздражения впал в ярость; уже тогда он стал перенимать чужие нравы. Через пятки еле дышавшего Бетиса были продеты ремни, его привязали к колеснице, и кони потащили его вокруг города, а Александр хвалился тем, что, придумав такую казнь врагу, он подражает Ахиллу^[41], от которого сам вёл свой род».

Газа лишилась своих жителей, которых изгнали или обратили в рабство, однако её быстро заселили окрестные племена, и она сохранила свою роль, по-прежнему находясь на пути караванов с благовониями. Рассказывают, что в городе скопились столь большие запасы ароматических веществ, что Александр, восхищённый, словно нашёл волшебное сокровище, щедро раздал нескольким самым дорогим своим друзьям большую часть этой своеобразной добычи. Не забыл он и своего наставника Леонида и послал ему 500 талантов^[42] ладана и 100 талантов мирры в память об одном эпизоде из своего детства, о котором рассказывает Плутарх: «Некогда Леонид во время жертвоприношения упрекнул Александра, хватавшего благовония целыми пригоршнями и бросавшего их в огонь: «Ты будешь так щедро жечь благовония, когда захватишь страны, ими изобилующие. Пока же расходуй то, чем располагаешь, бережливо». Теперь Александр написал Леониду: «Я послал тебе достаточно ладана и мирры, чтобы ты впредь не скупился во время жертвоприношений!».

Материальные блага интересовали Александра лишь в той мере, в какой они способствовали увеличению его войска и росту его популярности. Для самого себя он их не искал. И вот тому доказательство:

«Однажды Александру принесли шкатулку, которая казалась разбированным захваченное у Дария имущество самой ценной вещью из всего, что попало в руки победителей. Александр спросил своих друзей, какую ценность посоветуют они положить в эту шкатулку. Одни говорили одно, другие — другое, но царь сказал, что будет хранить в ней «Илиаду», — сообщает Плутарх.

После падения Газы перед Александром раскрылись ворота Египта, который уже примкнул к нему, прислав к Иссу войска. Александр за неделю пришёл из Газы в Пелусий, куда прибыл и его флот, поднявшись вверх по течению Нила. Александр углубился в пустыню, покорил все города, оказавшиеся на его пути, подошёл к Гелиополю^[43], переправился через реку и вступил в столицу фараонов.

Тем временем его полководцы, которые должны были подавить последние очаги сопротивления на Ближнем Востоке, одерживали одну победу за другой. На сторону Александра перешли Тенед, а также Хиос, а ещё Лесбос и Митилена. Все тираны побережья были изгнаны, убиты или закованы в железа жителями городов, считавших македонян своими освободителями. Александр основал морскую базу на Крите, чтобы противостоять Лакедемону, если тот вздумает напасть. Обеспечив «прикрытие» со стороны моря, теперь он спокойно мог сосредоточиться на богатой и легендарной стране — Египте.

Александр не хотел предстать завоевателем, привлечённым исключительно богатствами этих земель. В противоположность персидским оккупантам, оставившим по себе самые плохие воспоминания, он собирался показать, что уважает древних египетских богов и обычаи фараонов. Он отправился в Мемфис, религиозную столицу Египта и город, где фараоны обычно восходили на трон. Он принёс жертвы в храме Птаха в честь бога Аписа и не побоялся взойти на трон и покрыть себе голову знаменитым пскентом — двойной тиарой, символизировавшей союз Верхнего и Нижнего Египта. Увидев, какие разрушения произвели персы, он велел восстановить святилище Тутмоса III в Карнаке и храм Аменофиса III в Луксоре.

Но Александр хотел также показать, что находится в Египте как македонянин и собиратель земель греческих и их ценностей. Поэтому он устроил празднество с гимнастическими и мусическими состязаниями, вызвав из Греции самых известных актёров и музыкантов, в частности игравших на лире.

Из Мемфиса он спустился по Нилу до самого устья, «...взяв с собой щитоносцев, лучников, агриан, а из всадников царскую илу, составленную

из «друзей», — продолжает Арриан. — Придя в Каноп, он проплыл кругом залива Мариа и вышел там, где сейчас находится город Александрия, названный по имени Александра». В самом деле, он мечтал построить новую греческую столицу, большую и многолюдную, которая носила бы его имя, как рассказывает Плутарх:

«По совету зодчих он было уже отвёл и огородил место для будущего города, но ночью увидел удивительный сон. Ему приснилось, что почтенный старец с седыми волосами, встав возле него, прочёл следующие стихи:

На море шумно-широком находится остров,
лежащий
Против Египта; его именуют нам жители Фарос^[44].

Тотчас поднявшись, Александр отправился на Фарос, расположенный несколько выше Канобского устья^[45]; в ту пору он был ещё островом, а теперь соединён с материком насыпью. Александр увидел местность, удивительно выгодно расположенную. То была полоса земли, подобная довольно широкому перешейку; она отделяла обширное озеро от моря, которое как раз в этом месте образует большую и удобную гавань. Царь воскликнул, что Гомер, достойный восхищения во всех отношениях, вдобавок ко всему — мудрейший зодчий. Тут же Александр приказал начертить план города, сообразуясь с характером местности. Под рукой не оказалось мела, и зодчие, взяв ячменной муки, наметили ею на чёрной земле большую кривую, равномерно стянутую с противоположных сторон прямыми линиями, так что образовалась фигура, напоминающая военный плащ. Царь был доволен планировкой, но вдруг, подобно туче, с озера и с реки налетело бесчисленное множество больших и маленьких птиц различных пород и склевали всю муку. Александр был встревожен этим знамением, но ободрился, когда предсказатели разъяснили, что оно значит: основанный им город, объявили они, будет процветать и кормить людей самых различных стран».

Александр понял, что этот город окажется на пересечении важных торговых путей и сможет поспорить одновременно с Пиреем, афинским портом, Родосом или даже Сиракузами на Сицилии, а также заменить собой некогда господствовавший в этих краях Тир, ныне уничтоженный. Но поскольку Александр был человеком со вкусом и эвергетом^[46], как будущие эллинские цари, он решил доверить сооружение памятников нового города известному архитектору Динократу Родосскому с

помощниками. «Приказав перевести в Александрию часть жителей соседних городов, царь наполнил новый город многочисленным населением. Есть предание, что, когда царь, по македонскому обычаю, ячменём обозначил черту будущих стен города, налетели птицы и поклевали ячмень: многими это было истолковано как дурное предзнаменование, но прорицатели разъяснили, что этот город всегда будет убежищем многим чужеземцам и будет снабжать много земель продовольствием», — сообщает Квинт Курций.

АЛЕКСАНДР И ОРАКУЛ АММОНА

Александр не мог удовлетвориться деятельностью завоевателя и строителя. Будучи всесторонне образованным, в том числе и в религиозном плане, он стремился совершить паломничество в сердце Египта, к храму Аммона. Поскольку трудностей он не боялся, то желал воздать почести этому богу не в Фивах, а в другом святилище — посреди пустыни, в оазисе Сива. Ему было просто необходимо совершить это путешествие к святыне, поскольку он знал, что Персей и, главное, Геракл вопрошали оракул Аммона и что полубог, совершивший 12 подвигов, получил повеление идти в Ливию на Антея и в Египет на Бусириса^[47]. Поэтому Александр пошёл вдоль берега до Паретония, в страшную жару, не находя источников воды. Однако он верил в свою звезду, «...ибо судьба, покровительствовавшая его устремлениям, делала его упрямым. Он не только ни разу не был побеждён врагами, но даже оказывался сильнее пространства и времени», — пишет Плутарх.

Помимо собственно песка, была и ещё одна опасность — самум, о котором упоминает Арриан: «Южный ветер в этой стране, начав дуть, почти совсем заносит дорогу песком; следы дороги исчезают и, словно в море, нельзя понять, куда идти по этому песку: признаков, указывающих дорогу, нет: нет ни горы, ни дерева, ни неподвижных холмов, по которым путники определили бы своё направление, как моряки по звёздам». Квинт Курций подтверждает: «Им не попадалось ни дерева, ни клочка возделанной земли. Не хватало уже и воды, которую везли в мехах верблюды и которой совсем не было в раскалённом песке. Кроме того, палило солнце, рты у всех были сухи и опалены».

Александр со своими людьми оказался в огромной опасности, но боги в очередной раз пришли ему на помощь. «Начать с того, что посланные Зевсом обильные и продолжительные дожди освободили людей от страха перед муками жажды. Дожди охладили раскалённый песок, сделав его влажным и твёрдым, и очистили воздух, так что стало легко дышать», — рассказывает Плутарх.

Другой подстерегавшей их опасностью была большая вероятность заблудиться. В самом деле, вехи, служившие ориентирами проводникам и путешественникам, были унесены ветром. Воины Александра разбрелись во все стороны, теряли друг друга из виду, рассеивались. Но в очередной раз боги защитили Александра, как часто случалось с героями «Илиады»:

«Вдруг появились вороны и стали указывать путь. Они быстро летели впереди, когда люди шли за ними следом, и поджидали медливших и отстававших. Самое удивительное, как рассказывает Каллисфен, заключалось в том, что ночью птицы криком призывали сбившихся с пути и каркали до тех пор, пока люди снова не находили дорогу».

Наконец они вышли к храму Аммона. Александр и его люди удивились при виде святилища посреди пустыни, скрытого за густой листвой деревьев:

«Много источников пресной воды протекает повсюду, орошая лес, — сообщает Квинт Курций. — Удивительная также там мягкость климата; он одинаково здоров здесь во все времена года и больше всего похож на весенний. Ближайшие соседи здесь с востока — эфиопы, с юга — арабы, называемые троглодитами, область которых простирается до Красного моря. А там, где она простирается на запад, живут другие эфиопы, которых называют скенитами. На севере находится сиртское племя насамонов, живущее от добычи с кораблей: они стерегут на берегу моря, и если прилив занесёт какой-нибудь корабль, они добираются до него по известным им бродам.

Обитатели самого оазиса, которых называют аммонийцами, живут в разбросанных шатрах; окружающая заросль служит им защитой, она охвачена тройной стеной. Внутренняя заключает древнюю резиденцию тиранов, в средней черте живут их жёны с детьми и наложницы; здесь же находится и оракул бога, наружные укрепления охватывают жильё сателлитов и оруженосцев. Есть и другой оазис Аммона; посредине его источник, называемый солнечной водой: перед восходом солнца она тёплая, в полдень, когда жар достигает крайней силы, она холодная, ближе к вечеру она теплеет, среди ночи становится совершенно горячей, чем ближе подходит утро, тем больше вода теряет свою ночную теплоту и перед восходом солнца становится обычной температуры. Почитаемое божество не имеет того вида, какой обыкновенно художники придают богам, оно больше всего похоже на выпуклость, украшенную смарагдами и жемчугом. Когда вопрошается оракул, жрецы вносят это изображение на позолоченном морском судне, по обоим бортам которого свисает множество серебряных кубков; за ним следуют женщины и девушки, поющие по древнему обычаю какую-то неблагозвучную песнь, которой, как они верят, они содействуют тому, чтобы Юпитер дал ясный оракул».

Таким было странное, почти фантастическое место, таинственный оазис, к которому вышли Александр и его воины. Царь приблизился к храму, и самый старший из жрецов вышел ему навстречу и назвал его

сыном, уверяя, что так называет его Зевс. Александр принял это родство, сказав, что отрекается от своего человеческого жребия, и задал несколько вопросов пророку Аммона. В частности, как говорит Квинт Курций, «...он спросил, надо всем ли миром отец его предназначил ему иметь власть. Жрец, продолжая льстить ему, объявил, что он будет правителем всех земель». Александр принёс Зевсу великолепные дары, а жрецам раздал богатые подарки. Своим друзьям он позволил также задать вопрос Зевсу-Аммону. Те желали знать лишь о том, имеют ли они право воздавать своему царю почести как богу. Жрец тотчас ответил, что Зевсу это будет крайне приятно.

В письме к матери Александр сообщал, что получил от оракула тайные ответы, которые передаст ей одной, когда вернётся.

Зачем Александр пошёл на столь большой риск, отправившись к затерянному в пустыне оазису вопрошать оракул Аммона? Латинские, греческие и современные историки долго спорили на этот счёт. Одни поддерживали идеологическую гипотезу, по которой царь Македонии искал в храме Аммона подтверждения своего божественного, героического и легендарного происхождения: так говорят большинство древних авторов. Переговорив с богом, он получил высшее подтверждение своих законных прав, наделявшее его своего рода императорским и божественным могуществом, которое не могло быть оспорено.

Другие историки утверждают, что там, где Кам-биз, сын персидского царя Кира Великого, растерял в песках всю свою армию, выступившую на завоевание Египта, Александр сумел сохранить свою, чем снискал себе новую славу.

Наконец, не следует забывать об образованности Александра, который усмотрел в оракуле Аммона, лёгшем в основание его культа, родство с оракулом Додоны, когда Зевс говорил через шум листьев дуба, и Дельфийским оракулом, через который пророчествовал Аполлон. Хорошо зная греческую литературу, он понимал, что, явившись в храм Аммона, он шёл по следам Персея и Геракла, которые тоже советовались с главным из богов. Помнил он и о строках Пиндара, воспевшего священный оазис в своих эпиникиях^[48], как знал он и то, что афиняне и спартанцы являлись в эти безлюдные места, чтобы узнать свою судьбу. Не случайно он велит отчеканить монеты, на которых он изображён с рогами Аммона на лбу, символизировавшими мощь и бессмертие. Он показал таким образом, что является носителем греческой мысли и цивилизации и отныне считает своим долгом распространять их по всему миру, оправдывая тем самым свои будущие завоевания на востоке. Но ему хватило ловкости, чтобы

почитать египетских богов, и своим преемникам в Египте и других землях он подал пример терпимости, необходимой для гражданского мира в оккупированных или присоединённых странах.

Совершив обряд почти как божественный герой, в руках которого отныне находится судьба всего мира, он вернулся через пустыню к Нилу, а потом в Мемфис. В этот момент произошёл драматический эпизод (о котором рассказывает Квинт Курций), многое говорящий о дружеских чувствах Александра, вероятно, не чуждого пресловутой «греческой любви»:

«Сын Пармениона, Гектор, юноша в цветущем возрасте, особенно дорогой Александру, желая догнать царя, спускавшегося по реке, посадил с собой на маленькое судно больше людей, чем оно могло вместить. Поэтому лодка потонула, и люди были предоставлены своим силам. Гектор долго боролся с рекой, но мокрая одежда и тяжёлая обувь мешали ему плыть; всё же он еле живой достиг берега, но как только пришёл в себя от сильнейшего напряжения и страха, не получив ни от кого помощи (другие выплыли в других местах), вскоре испустил дух. Царь был сильно опечален потерей Гектора и, найдя его тело, похоронил с пышностью».

С новой энергией Александр устроил свою ставку в Мемфисе, чтобы принимать там почести от депутаций, присылаемых к нему из главных греческих городов, в частности из Афин, с Родоса и Хиоса, которые жаловались на разметённые там гарнизоны. Уверенный в их лояльности, царь удовлетворил их просьбу. Он вознаградил жителей Митилены за преданность его делу и вернул им деньги, потраченные на его поддержку. Он щедро заплатил киприотам, покинувшим Дария и предоставившим ему флот для победы над Тиром, и поручил командиру собственного флота Амфотеру очистить море от многочисленных пиратов. Наконец, он реорганизовал свою армию. «От Антипатра прибыло войско; около 400 эллинов-наёмников под командой Монета, сына Гегесандра, и около 500 всадников из Фракии с Асклепидором, сыном Эвника, во главе», — уточняет Арриан. Чтобы придать блеску своему пребыванию в Мемфисе, «Александр совершил жертвоприношение Зевсу-Царю, устроил торжественное шествие, в котором шло и войско в полном вооружении, и учредил празднество с гимнастическими и мусическими состязаниями. Египет он устроил таким образом: назначил в Египте двух номархов египтян, Долоаспа и Петисия, и между ними и поделил египетскую землю».

Среди гетайров, составлявших его гвардию, он выбрал Панталеонта из Пидны и Полемона из Пеллы, доверив им командовать гарнизонами

соответственно в Мемфисе и в Пелусии^[49]. Последовали и другие назначения, чтобы сплотить войско на суше и на море. «Говорят, что Александр разделил власть над Египтом между многими людьми, восхищаясь природой этой страны, которая представляла собой естественную крепость: поэтому он и счёл небезопасным вручить управление всего Египта одному человеку». Римляне усвоят урок, преподанный Александром, и никогда не будут назначать наместниками в Египет сенаторов, а только людей из всаднического сословия, стоявших ниже на социальной лестнице, чтобы те не могли удовлетворять свои личные амбиции благодаря своему посту.

Квинт Курций и Диодор Сицилийский утверждают, что Дарий дважды пытался вступить с Александром в переговоры. Арриан не упоминает об этом. Но возможно, что последняя попытка действительно имела место; по меньшей мере детали, которые приводит Диодор Сицилийский, достаточно важны, чтобы уделить им внимание.

«Дарий и раньше посылал к Александру послов с переговорами о мире: он уступал ему всю землю до реки Галис и обещал к тому же дать 2 тысячи талантов. Александр пренебрёг этими предложениями, и тогда Дарий послал других послов: благодарил за хорошее обращение с матерью и другими пленными, просил стать ему другом, предлагал всю землю до Евфрата, 3 тысячи талантов серебра и одну из дочерей в жёны. Став зятем царя и заняв положение сына, он разделит с Дарием всю его власть. Александр собрал на совет всех своих друзей, сообщил о сделанных предложениях и попросил каждого откровенно высказать своё мнение».

Несмотря на мнение Пармениона, советовавшего их принять, Александр в конце концов отверг все предложения Дария, предпочитая славу мирским богатствам, и дал послам такой ответ:

«Как при двух солнцах вселенная не может сохранить своего строя и порядка, так и при двух самодержцах мир не может пребывать в мире и спокойствии. Пусть поэтому они скажут Дарию: если он стремится первенствовать, то Александр будет сражаться с ним за единовластие; если же, презрев славу, он предпочтёт свою пользу и лёгкую удобную жизнь, то пусть он служит Александру, выполняя его приказания, и царствует, получив по его милости свою власть».

Это был последний отказ, в котором гордыня смешивалась с дерзостью. Дарий должен был понять раз и навсегда, что Александр никогда не пойдёт на уступки.

В начале весны 331 года до н. э. он покинул Египет и велел навести мосты через все рукава Нила, чтобы быстро перевести через них свою

армию и направиться в Финикию. В Тире, где он устроил свою ставку, он задержался на несколько недель:

«Александр принёс жертвы богам и устроил торжественные шествия и состязания циклических и трагических хоров^[50], — рассказывает Плутарх. — Эти соревнования были замечательны не только пышностью обстановки, но и соперничеством устроителей, ибо хорегами были цари Кипра. Словно избранные жребием по филам афинские граждане, они с удивительным рвением состязались друг с другом. Особенно упорной была борьба между са-ламинием Никокреонтом и солийцем Пасикратом. По жребию им достались самые знаменитые актёры: Пасикрату — Афинодор, а Никокреонту — Фессал, в успехе которого был заинтересован сам. Александр. Однако он не обнаружил своего расположения к этому актёру, прежде чем голосование не присудило победы Афинодору, и только тогда, как сообщают, уже покидая театр, сказал, что одобряет судей, но предпочёл бы отдать часть своего царства, чтобы не видеть Фессала побеждённым. Впрочем, когда Афинодор, оштрафованный афинянами за то, что не явился на состязания в дни Дионисий, попросил царя послать письмо в его защиту, Александр хотя и не сделал этого, но заплатил за него штраф. Ликон Скарфийский, со славою игравший на сцене, добавил к своей роли в какой-то комедии строку, в которой заключалась просьба о десяти талантах. Александр засмеялся и подарил их актёру».

Прежде чем продолжить путь, который должен был привести его к новому столкновению с Дарием, Александр, как и в Египте, реорганизовал управление Финикией. Так Гарпал получил в своё ведение царскую казну. Один из гетайров, Менандр, был назначен сатрапом в Лидию, а Клеарх сменил его на посту командующего иноземными наёмниками. Асклепиодор был послан в Дамаск, чтобы заменить Аримна, который был снят с поста правителя Сирии.

Делегация от Афин, возглавляемая Диофантом и Ахиллом, поднялась на борт личного корабля Александра, где собрались депутаты от приморских городов. Проявляя великодушие, царь уступил их мольбам и вернул афинянам их сограждан, примкнувших к Дарию и взятых в плен в битве при Гранике. Целью этого дипломатического хода было расстроить козни спартанцев, пытавшихся восстановить Пелопоннесский союз. Чтобы помешать им, Александр повелел финикийцам и киприотам снарядить флот в 100 кораблей, который Амфотер поведёт к берегам Пелопоннеса для демонстрации силы.

Можно лишь восхищаться мастерством Александра, который, несмотря на свой юный возраст, уже проявил себя как выдающийся и

зрелый стратег. Он никогда не устремлялся в военную авантюру, не продумав всё предварительно, не оценив все угрозы, не взвесив политические и военные факторы. Он никогда не выказывал дерзкой запальчивости и безрассудства. Он никогда не полагался на авось, а, напротив, был расчётлив и тщательно изучал всю полученную информацию. Он умел сделать правильный выбор. Он понял, что не может себе позволить покинуть неусмирённые земли, которые могли бы выступить против него, как только он углубится на территории, занимаемые Дарием. Его военный ум наверняка был воспитан всей историей Эллады, события которой были ему хорошо известны, а «Илиада» стала его учебником тактики, использовавшейся воинственными героями Гомера. К моменту великого противостояния с Дарием он сочетал в себе миф и реальность, человека и героя, военачальника и обожествлённое существо.

Дарий, естественно, знал через своих лазутчиков и перебежчиков о воинственном настрое Александра и готовился к бою:

«Дарий приказал собраться всем военным силам отдалённых народов в Вавилон. Сначала собрались бактрийцы, скифы и инды, затем и от других народов прибыли военные отряды. Впрочем, поскольку войска собралось в полтора раза больше, чем было в Киликии, многим не хватало оружия; его собирали с большим трудом. Покрытием всадников и коней служили панцири из железных пластинок, рядами скреплённых между собой; тем, кому прежде не давалось ничего, кроме дротиков, теперь добавлялись щиты и мечи. Кроме того, пехотинцам были даны табуны необъезженных лошадей, чтобы и конницы было больше прежнего; к этому для устрашения врагов было добавлено 200 серпоносных колесниц, единственная надежда всех этих племён. На конце дышла торчали копья с железными наконечниками, с обеих сторон ярма направлены были против врагов по три меча; со спиц колёс торчало помногу острых ножей, другие были прикреплены к ободьям колёс или (под кузовом) направлены остриями вниз, чтобы подсекать всё, что только попадётся на пути скачущих коней», — пишет Квинт Курций.

Александр с основными войсками вышел на берег Евфрата. Бывший сатрап Киликии Мазей удерживал берега реки для Дария с мощной конницей из трёх тысяч всадников, причём две тысячи были эллинскими наёмниками. Чтобы произвести впечатление на врага, Парменион навёл два понтона с помощью своих воинов, уже набивших на этом руку. Мазей обратился в бегство, поскольку его план удался: он завлёл армию Александра туда, где Дарий хотел дать сражение. Но царь Македонии также

намеревался сразиться с правителем Персии именно в этих местах.

Александр переправился через Евфрат и оказался в Междуречье. «Евфрат и горы Армении остались слева, — сообщает Арриан. — От Евфрата он не пошёл прямо на Вавилон, потому что по другой дороге войско могло в изобилии достать всё: тут была и трава для лошадей, и съестные припасы для солдат; к тому же и зной здесь был не таким жгучим. В пути было захвачено несколько Дариевых воинов, которых послали в разных направлениях на разведку; они сообщили, что Дарий стоит у реки Тигра и что он решил не допустить Александра к переправе. Войска у него гораздо больше, чем было, когда он сражался в Киликии». Получив исчерпывающие сведения из допросов пленных, Александр быстро двинулся к Тигру и вышел на его правый берег. Удивительно! Ни Дарий, ни какой-либо другой персидский военачальник не попытался его остановить! Царь персов совершил грубейшую тактическую ошибку. Александр готовился форсировать реку, но столкнулся с двумя трудностями: глубиной русла и силой течения:

«Он послал вперёд несколько всадников найти броды через реку. Глубина воды в ней была сначала по грудь лошади, а на середине русла — по шею. Во всех восточных странах нет, конечно, другой такой реки, несущей в себе не только огромные потоки воды, но и камни. Из-за быстроты течения и название ей дано Тигр, что на персидском языке означает стрела. Итак, пехотинцы, разделившись на небольшие отряды, в окружении своих всадников, подняв оружие над головой, без большого труда достигли глубины русла. Царь, вышедший первым среди пехотинцев на берег, показывал солдатам брод рукой, если не хватало голоса. Всё же нельзя было идти твёрдым шагом: то камни выскальзывали из-под ног, то подхватывало сильное течение. Особенно тяжело было тем, кто нёс груз на плечах: не твёрдо шагая, они не могли сопротивляться быстринам из-за неудобной ноши, и так как каждый берёт свой багаж, то им приходилось бороться между собой даже больше, чем с потоками; много грузов, уносимых водой, сбивало с ног людей. Царь убеждал их беречь хотя бы оружие, обещая возместить остальные утраты; но никто не мог услышать ни его советов, ни приказаний; все были охвачены страхом, и стоял большой шум от общих криков плывущих. Наконец они выплыли на те места, где течение было слабое, и ничего не пропало, кроме некоторого количества багажа», — рассказывает Квинт Курпий.

Войско Александра могло спокойно разбить лагерь на левом берегу реки. Но тут, 20 сентября 331 года до н. э., произошло полное лунное затмение, встревожившее армию Александра, всегда готовую прислушаться

к дурным предзнаменованиям. Её вождь превосходно умел всё обращать в свою пользу; он принёс жертвы Луне, Земле и, естественно, Солнцу, главному виновнику затмения. Аристандр, у которого в очередной раз запросили толкование, воскликнул, что это добрый знак, возвещающий победу оружия Александра. Он утверждал, что нужно немедленно вступить в бой и тогда победа обеспечена.

Ободрённый этим пророчеством и не желая терять времени, Александр пересёк Ассирию, оставив справа Тигр, а слева — Гордиейские горы^[51]. На четвёртый день разведчики, высланные вперёд, вернулись и сообщили, что в поле выстроена вражеская конница, точное число которой им определить не удалось. Нимало не встревоженный, но осторожный, Александр выстроил свою армию в боевой порядок. Снова разведчики примчались галопом назад: то, что они приняли за вражескую конницу, на самом деле всего лишь отряд в тысячу всадников, возглавляемый, естественно, Мазеем. Взяв с собой агему^[52], отряд гетайров и небольшой отряд пеонов под командованием Аристона, Александр устремился навстречу персидским всадникам, приказав войску потихоньку следовать за ним. При приближении Александра вражеская конница рассыпалась; он погнался за ней, но многим удалось убежать. Некоторые попадали с испуганных лошадей и были убиты. Аристон ранил Сатропата, командира персидских конных отрядов, копьём в горло. Преследуя его в рядах врага, Аристон опрокинул его своим конём и, поскольку тот сопротивлялся, отрубил ему голову и, вернувшись со славой, положил её к ногам Александра.

Взятых в плен персов допросили. Они утверждали, что Дарий близко и идёт во главе мощного войска:

«На помощь Дарию пришли инды, соседи бактрийцев, сами бактрийцы и согдиане. Предводительствовал ими всеми Бесс, сатрап бактрийской земли. Шли с ними и саки, — это скифское племя из тех скифов, которые живут в Азии, — они не подчинялись Бессу, а были непосредственными союзниками Дария. Предводительствовал ими Мавак; были это наездники, стрелявшие из лука. Барсаент, сатрап Арахозии, привёл арахотов и так называемых горных индов; Сатибарзан, сатрап Арии, привёл ариев. Парфян, гирканов итапуров — это всё конники — привёл Фратаферн. Мидянами командовал Атропат; с мидянами вместе были кадусии, албаны и сакесины. Людьми с побережья Красного моря распоряжались Оронтобат, Ариобарзан и Орксин. У сусианов и уксиев командиром был Оксафр, сын Абулита. Бупар вёл вавилонян; с

вавилонянами были вместе «выселенцы», карийцы и ситакены. Над армянами начальствовали Оронт и Мифравст, над каппадокийцами — Ариак. Сирийцев из Келесирии и Междуречья вёл Мазей».

Огромная армия, но, конечно, она не достигала чудовищной величины в миллион воинов, как утверждает Арриан, желая, наверное, возвеличить таким образом решимость и бесстрашие Александра Великого. Войско казалось внушительным, но его разношёрстность стала его слабым местом, лишая монолитности. Это была не столько армия, сколько бесчисленная толпа, как писал историк Густав Глотц. Там были знаменитые серпоносные колесницы и полтора десятка слонов. Дарий приказал опустошить и спалить земли, по которым предстояло идти Александру. Но политика выжженной земли нисколько не помешала македонянину. Дарий прошёл через Арбелы^[53], оставив там часть провианта и обоза, навёл мост через реку Лик и переправил свою армию. От места переправы прошёл чуть дальше и стал лагерем на берегах другой реки — Бумела.

Это была обширная равнина, идеально подходящая для конного сражения: там не росло ни дерева, ни кустика. Ничто не заслоняло горизонта, видно было даже самые отдалённые предметы. Дарий повелел скрыть маленькие холмики и выровнять поверхность, дабы ничто не помешало манёврам его колесниц и конницы. Это поле осталось в истории под названием Гавгамелы.

Узнав о тактике Дария, Александр велел своим воинам отдыхать четыре дня в укрепленном лагере и оставил там больных, раненых и пленных. Среди последних были члены семьи Дария, в том числе его жена. Вернувшись из очередной рекогносцировки, Александр получил неприятное известие. «Один из пленных евнухов, сопровождавший жену Дария, сообщил, что она заболела и чуть жива. Измученная непрерывными трудностями пути и подавленная горестным состоянием духа, она лишилась сил и тут же умерла на руках свекрови и её дочерей-девушек. С таким известием прибыл и второй вестник. И царь предался стенаниям, как если бы ему сообщили о смерти его собственной матери, и обливался слезами, какие мог бы пролить и Дарий, пришёл в палатку матери Дария, где она находилась при теле умершей. Увидев простёртую на земле, он поддался новому приливу скорби, а мать Дария, в которой новое горе освежило воспоминание о прежнем, обнимала своих взрослых дочерей, которые были утешением в общем горе и для которых сама мать должна была в свою очередь быть утешением. Тут же был и её маленький внук, особенно вызывавший жалость тем, что не сознавал несчастья, которое должно было отразиться больше всего на нём самом. Можно было бы

подумать, что Александр находится среди своих близких и не утешает их, а сам требует утешения. Он воздерживался от пищи, и при погребении им были соблюдены все почести, предписанные обычаями персов», — рассказывает Квинт Курций.

Один из евнухов, бывших при царице, воспользовался смятением и скорбью, вызванными её смертью, и сбежал в лагерь Дария. Заливаясь слезами, в изодранной одежде, он предстал перед царём и возвестил ему о кончине его супруги. «Тогда весь лагерь огласился не только стонами, но воплями, ибо Дарий не сомневался, что она была убита, не соглашаясь на позор».

Однако евнух растолковал ему, что на честь царицы никто не покушался и что Александр даже оплакивал её смерть, проливая столь же обильные слёзы, что и сам Дарий. Чтобы увериться в том, что евнух не лжёт, Дарий велел подвергнуть его пытке, но верный слуга твердил одно и то же, и в конце концов Дарий поверил ему.

Квинт Курций, который, как все историки, хочет в очередной раз показать чувствительность Александра и его великодушие в назидание народам и своим читателям, утверждает, будто Дарий так растрогался, что воскликнул: «О боги отцов, прежде всего укрепите моё царство, а затем, если уж судьба моя решена, то, молю, пусть будет царём Азии не кто другой, как этот столь справедливый враг, столь милосердный победитель».

Эта сцена слишком поучительна, чтобы принимать её на веру, однако о ней стоит упомянуть как об одном из фактов, которые мало-помалу сделали из Александра почти легендарного героя, приписав ему все превосходные качества, какие только мог иметь царь.

БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛАХ

Тем временем армия Александра выступила в поход, чтобы начать сражение на рассвете. Дарий был об этом предупреждён и готовился к бою. Александр, шедший во главе армии, которая вскоре должна была столкнуться с врагом, сделал остановку и собрал своих военачальников. Перед ним стояла альтернатива: либо немедленно пустить в ход фалангу, либо, по совету Пармениона, разбить лагерь и ждать благоприятного момента. После обсуждения с командирами, которые в большинстве своём предпочитали первый вариант, Александр выбрал второй.

«Александр, взяв с собой легковооружённых и всадников-«друзей», объехал кругом и осмотрел всё место будущего сражения, — повествует Арриан. — Вернувшись, он опять созвал своих военачальников и сказал им, что ему нечего воодушевлять их перед сражением: они давно уже воодушевлены собственной доблестью и многократно совершёнными блестящими подвигами. Он просит только их всех ободрить своих подчинённых: пусть лохаг скажет солдатам своего лоха, иларх своей иле, таксиар-хи своим полкам, начальники пехоты каждый своей фаланге, что в этом сражении они будут сражаться не за Келесирию, Финикию или Египет, как раньше, а за всю Азию; решаться будет, кто должен ею править. Не надо ободрять их на подвиги длинными речами: доблесть у них прирождённая; надо только внушить им, чтобы каждый в опасности помнил о порядке в строю, соблюдал строгое молчание, когда надо продвигаться молча; звонко кричал, когда понадобится кричать; издал самый грозный клич, когда придёт время. Пусть сами начальники стремительно выполняют приказания, стремительно передавая их по рядам, и пусть сейчас каждый запомнит, что промах одного подвергает опасности всех, а беда выправляется ревностью о долге».

Он приказал своим войскам хорошо подкрепиться и выспаться и не стал слушать Пармениона, который советовал ему напасть на персов под покровом ночи. Он был слишком горд, чтобы использовать подобную тактику — застигнуть врага врасплох, и сказал ему, «...что стыдно Александру красть победу: ему надлежит победить в открытую, без хитростей». В самом деле, мало того что ночью македоняне рисковали перебить друг друга, не узнав своих, но и победа над Дарием при таких обстоятельствах не стала бы для того публичным унижением.

Дарий воспользовался несколькими часами передышки, которые у

него оставались, чтобы выстроить свои войска в боевой порядок. Левое крыло составляли конница и смешанные войска всадников и лучников. Впереди стояли скифские конники и колесницы с косами. По центру, под командованием Дария — конная гвардия и пешая гвардия с колесницами и слонами, а также все наёмники и прочие, служащие персидскому царю за деньги. Правое крыло — пехота из различных азиатских народов, с конниками и колесницами впереди. «Короче, — пишет Глотц, — пехотинцы чередовались с всадниками и возничими, а по краям была масса лёгкой кавалерии».

Александр располагал менее многочисленным войском, как пешим, так и конным. Поэтому строй имел основное значение. Справа находилась самая боевая часть его армии с конными гетайрами. В центре стояли гипасписты («щитоносцы») — пешая гвардия, пять отрядов (таксисов^[54]) фаланги, на левом фланге, которым командовал Парменион, находились пеший полк Кратера и отряды конницы. Александр укрепил правый фланг лучниками и наёмниками, а левый — конниками-иноземцами, например фракийцами. Весь этот порядок он усилил конными разведчиками (продромами), всадниками-наёмниками, лучниками и метателями дротиков. Расстановка сил была весьма изобретательной: Александр, проигрывая в числе, как мы уже сказали, пустил в ход выдумку, чтобы компенсировать свою слабость, например, за счёт подвижного резерва, который, в случае если враг обойдёт армию с фланга, должен был развернуться и превратить армию в каре, замкнутое со всех сторон.

На рассвете Александр обратился к своим воинам с речью, содержание которой передаёт Квинт Курций:

«Он говорил, что перед ними, прошедшими столько земель в надежде на победу, за которую стоило бороться, осталось это последнее препятствие. Сражение на реке Гранике, преодоление гор Киликии, захват Сирии и Египта вызывают надежды на славу. Персы будут сражаться, так как им воспрепятствовали бежать. Уже третий день они стоят на одном месте, обессиленные страхом, отягчённые своим вооружением. Верным доказательством их отчаяния служит то, что они сжигают свои города и поля, будучи уверены, что всё, что они не уничтожат, достанется победителю. Нет основания бояться пустых имён неизвестных народов. Ничего не значит для решения спора в войне, кого называют скифами, а кого кадусиями. Раз они неизвестны, значит, они недостойны славы. Храбрые никогда не остаются в неизвестности, а люди невоинственные, вытасенные из закоулков, это только пустые названия. Македонцы своим мужеством достигли того, что нет на земле места, где бы о них не знали.

Пусть они только посмотрят на неустройство персидского войска: у одних нет ничего, кроме дротика, другие мечут камни из пращей, лишь у немногих есть полное вооружение. Итак: там больше людей, у нас больше способных сражаться. Он не требует, чтобы они храбро бросились в бой, если сам не будет подавать другим пример мужества. Он будет сражаться впереди всех знамён. Он обещает, что каждая его рана будет знаком отличия на его теле; они сами знают, что только он не участвует в разделе общей добычи и что всё добываемое победами расходуется на их награды, на их потребности. Он знает, что говорит это мужественным воинам. Иначе он сказал бы им, что они зашли туда, откуда уже нельзя бежать. Отмерив столько пространств земли, оставив позади себя столько рек и гор, они должны теперь проложить себе путь на родину, к пенатам своею собственной рукой».

Эта речь, какова бы ни была в ней доля вымысла или неточностей, интересна имперской идеологией, которую она обнаруживает у Александра, тем, как македонский царь воодушевляет своих воинов, делая их в некотором роде сообщниками и единомышленниками, желая приобщить их к своим собственным устремлениям и маня их богатой добычей. Это действительно речь командира к своей армии, но в то же время и поворотный момент: Александр больше не хочет быть просто царём, желающим сразить заклятого врага, но жаждет стать властителем мира, колонизованного Элладой. Это первые намётки эллинистической цивилизации.

Со своей стороны Дарий тоже обратился к своей армии перед сражением. Он тоже произнёс показательную речь, более встревоженную, поскольку, несмотря на мощь своего оружия, знал, что, имея дело с Александром и его войском, он противостоит завоевателю, а не просто царю, решившему положить конец династии Ахеменидов и разрушить Персидское государство. Это была патетическая речь, Дарий произнёс её, стоя на своей колеснице, обводя взглядом свои полчища и простирая к ним руки. Он знал, что предстоящее сражение будет решающим. И он взывал к славному прошлому персов, чтобы возбудить в войсках спасительный приступ гордости и боевой дух. Персы прижаты к стене. Он это знает. Это сражение — их последний шанс:

«Вы незадолго до этого были господами всех земель, которые с одной стороны омывает океан, а с другой замыкает Геллеспонт, теперь вам приходится сражаться не за славу, а за спасение или за то, что для вас дороже жизни, — за свободу. Сегодняшний день или восстановит царство, обширнее которого не видал ещё никакой век, или покончит с ним. На

Гранике мы сражались с врагом лишь небольшой частью наших сил, после поражения в Киликии нас могла принять Сирия, прочной защитой царству служили реки Тигр и Евфрат. Ныне мы пришли туда, откуда в случае поражения некуда даже бежать — всё у нас в тылу разорено продолжительной войной: в городах не осталось жителей, в полях — земледельцев. Жёны и дети сопровождают наше войско — готовая добыча для врагов, если мы телом своим не прикроем дорогие нам существа. Что касается моего долга, я собрал такое войско, что его едва вместила на себе обширнейшая равнина, я дал коней, оружие, предусмотрел, чтобы такое множество людей не осталось без продовольствия; я выбрал место, где всё войско смогло бы развернуться. Остальное зависит от вас: найдите в себе только силы стать победителями и презирайте молву — самое слабое оружие против мужественных людей.

Безрассудством оказалось то, что вы считали мужеством у врага и чего боялись: враг слабеет после первого выпада, как животные, потерявшие своё жало. На здешних просторах видно, как малочисленно неприятельское войско, горы Киликии скрывали это. Вы видите редкие ряды, растянутые фланги, центр пустой, истощённый, задние ряды повернуты так, что уже открывают тыл. Клянусь богами, их можно затоптать лошадьми, если я пошлю только серпоносные колесницы. Если мы победим в этом бою, мы выиграем и всю войну; ведь им и бежать некуда: их запирают с одной стороны Евфрат, с другой — Тигр. Всё, что раньше было за них, теперь против них. Наше войско лёгкое и подвижное, у них отягощённое добычей. Мы перебьём их, заваленных нашим добром, и это будет основанием и плодом нашей победы. Если кого из вас смущает имя этого народа, то знайте, что македонским осталось оружие, а не люди, вы взаимно пролили много крови, а при малочисленности потери всегда тяжелее. Ведь Александр, как бы он ни казался страшен трусам и малодушным, всё же только человек и, поверьте мне, безрассудный и неразумный, удачливый до сих пор не по своей доблести, а из-за нашей паники. Но ничего не бывает долговечно, если не основано на разуме. Допустим, что ему улыбается счастье, но это ещё не покрывает его безрассудства. Кроме того, удачи и несчастья часто чередуются и судьба никогда не бывает неизменна. Может быть, боги определили не губить Персидское царство, которое они в течение 230 лет вели по пути удач и подняли на величайшую высоту, а скорее испытать нас и напомнить нам о непрочности человеческого бытия, о чём при удаче все мало думают. Ещё недавно мы ходили войной против Греции, а теперь отражаем войну, угрожающую нашим домам. Так играет нами судьба. Ясно, что кто-то из противников не сохранит своего царства,

раз мы взаимно этого добиваемся. Впрочем, если бы даже не оставалось никаких надежд, к действию принуждает необходимость: мы дошли до крайности. Мою мать, двух дочерей, сына Оха, рождённого с надеждой на это царство, первого отпрыска нашего царского рода, вождей ваших, словно преступников, враг держит у себя в оковах. Если бы не связь с вами, я и сам чувствовал бы себя тоже в плену. Освободите моё сердце от оков, верните мне залог, за который вы сами готовы умереть: мою мать, моих дочерей, ибо супругу я уже потерял в неволе.

Верьте, ныне все они протягивают к вам руки, молят родных богов, ждут от вас помощи, милосердия, верности, чтобы вы освободили их от оков рабства, от жалкого их положения. Или вы думаете, легко прислуживать тем, над кем и царствовать гнушаешься? Я вижу, как приближается строй врагов, но чем я ближе к решительному бою, тем меньше я могу удовлетвориться тем, что уже сказал. Заклинаю вас отечественными богами, неугасимым огнём, пылающим на алтарях, блеском солнца, восходящего в пределах моего царства, вечной памятью Кира — первого, кто передал Персии царства, отнятые им у мидийцев и лидийцев, — спасите от крайнего позора народ персидский и его имя. Идите в бой бодрые и полные надежд, чтобы передать потомкам славу, унаследованную от предков. В ваших руках свобода, сила, надежды на всё будущее время. Избегает смерти тот, кто её презирает; и она поражает всех трепещущих. Сам я еду на колеснице не только согласно нашему обычаю, но и для того, чтобы вы могли меня видеть и подражать мне, буду ли я вам давать пример мужества или малодушия».

Туп напрашиваются два комментария. Дарий играет на чувствительной струне своих воинов, говоря о своей семье, находящейся в плену у Александра, и это хороший аргумент. Зато он совершает недопустимую ошибку для главнокомандующего, недооценивая противника и уверяя своих воинов, что того будет легко победить. Это очень плохой аргумент.

Само сражение Арриан описывает кратко, Квинт Курций — подробно, а Диодор Сицилийский — несколько путано. Как только вражеские армии сошлись, тотчас завязался жаркий бой. Главной заботой Александра было по возможности избегать пресловутых серпоносных колесниц Дария, представлявших собой грозную опасность для его пехоты. Александр произвёл манёвр и бросил свои передовые части, вооружённые пиками, на правый фланг, чтобы встретить колесничих. Персы повторили это перестроение на левом фланге. Чтобы помешать хитрости Александра, из-за которой колесницы оказались бы бесполезны в силу неровностей местности, Дарий пустил вперёд свою скифскую конницу и бактрийцев.

Часть македонской армии устремилась на них, потеряла много людей, но сумела опрокинуть врага. Тогда-то и вступили в бой грозные колесницы, смяв первые ряды армии Александра, однако их вскоре отбросила фаланга, которая раскрылась, поглотив их, и снова сомкнулась, словно стена.

«Они сомкнули свои копья и с обоих боков прокалывали животы напиравших на них лошадей, потом они окружили колесницы и сбрасывали с них колесничих. Строй заполнился упавшими лошадьми и возничими, они не могли больше управлять напуганными лошадьми: частыми рывками головой не только рвали упряжь, но и опрокидывали колесницы, раненые тащили за собой убитых, взбесившиеся не могли остановиться, истощённые — двигаться. Лишь немного колесниц достигло последних рядов строя, неся ужасную смерть тем, на кого налетали: иссечённые людские тела лежали на земле», — повествует Квинт Курций.

За колесницами шли основные силы пехоты Дария. Началось что-то неопишечное. Пока оба царя приближались друг к другу, македоняне и их союзники, оставленные в тылу, должны были сражаться с персами. Их ряды сильно поредели, они начали отступать. Одержимые мыслью ворваться в лагерь Александра, разграбить обоз и провиант и освободить пленников, персидские конники не воспользовались ситуацией, которая обеспечила бы Дарию победу. Зато фаланга использовала длительный момент передышки, чтобы перестроиться и, с помощью конницы Симмии, броситься на вражеских всадников, которым пришлось отступить.

В это время Александр и Дарий продолжали сражение во главе своих отборных дружин; «...каждый домогался чести убить царя своих врагов. Впрочем, был ли это обман зрения или истинное явление, но люди, окружавшие Александра, утверждали, что видели невысоко над головой царя спокойно летающего орла, не пугающегося ни звона оружия, ни стонов умирающих; долгое время он не столько летал, сколько парил над конём Александра. Прорицатель Аристандр, одетый в белые одежды, с лавровой ветвью в руке, указал жарко сражавшимся воинам на птицу — несомненное предсказание победы».

Воинов Александра обуяла радость, тем более что возничего колесницы Дария только что убило копьём, которое, как говорят, бросил сам Александр. Какое-то время думали, что и царя персов постигла та же участь! Но Дарий, как и при Иссе, обратился в бегство, пока его войско избивали, и исчез в пыли, поднятой его колесницей и его спутниками. Однако сражение ещё далеко не было закончено. Парменион, которого теснило правое крыло персидской армии, ещё не знавшей, что Дарий сбежал, умолял Александра оказать ему помощь. Тот прекратил погоню за

царём «...и, повернув с конницей «друзей», вскачь понёсся к правому крылу варваров. Сначала он напал на бегущую вражескую конницу, на парфиев, часть индов и на самые многочисленные и сильные отряды персов. Начался конный бой, самое жаркое дело во всей этой битве. Варвары, построенные в глубину отрядами, повернулись и напали на воинов Александра, стоя против них лицом к лицу; они не брались за дротики, не кружились, как это обычно в конном бою; каждый поражал того, кто был перед ним, видя в этом единственное для себя спасение. Второпях поражали они и падали сами; жалости не было ни у тех, ни у других: сражались уже не ради чужой победы, а ради собственного спасения», — пишет Арриан. Одни гетайры погибли, другие были ранены, но Александр одержал победу и сохранил поле битвы за собой 1 октября 331 года до н. э.

Персидская конница Мазея обратилась в бегство последней. Она переправилась через Тигр, а затем вместе с остатками разбитой армии вошла в Вавилон. В это время Дарий переправился через реку Лик, но не разрушил мост, как намеревался раньше, чтобы остатки его армии могли преодолеть водную преграду. Посреди ночи он прибыл в Арбелы. Александр следовал за ним по пятам. Он погнался за ним со своей армией и конницей. Его воины набрасывались на измождённых беглецов и убивали их во множестве. Он остановился только ночью, за ним следовал Парменион, продолжавший рубить персов. Александр переправился через Лик и встал лагерем, чтобы дать отдохнуть лошадям и людям, пока Парменион захватывал лагерь варваров, весь их обоз, слонов и верблюдов.

«Александр, дав передохнуть до полуночи своим всадникам, спешно двинулся опять вперёд к Арбелам, чтобы захватить там Дария, деньги и всё царское имущество. Он прибыл в Арбелы на следующий день, проделав в общем сразу после сражения стадий 600^[55]. Дария в Арбелах он не захватил; ни минуты здесь не задерживаясь, Дарий бежал дальше; деньги и всё имущество были захвачены победителями; захвачена была опять и колесница Дария; забрал Александр опять и его щит, и его лук».

Дарий бежал в горы Армении с бактрийцами, своими родственниками и несколькими меллофорами^[56] (воинами), а также иноземными наёмниками. Он собирался укрыться в Мидии, рассчитывая, что Александр направится в Сузы и Вавилон, где мог найти провиант, да и дорога там была легче.

Он добрался до города Эктабаны, столицы Мидии.

Битва при Гавгамелах (под таким названием она вошла в историю)

открыла перед Александром широчайшее поле для реализации его честолюбивых замыслов, поскольку персидская армия была уничтожена. Но у завоевателя были другие заботы, в частности на Пелопоннесе, где спартанцы по-прежнему бунтовали.

Чтобы подавить поплзновения к расколу и «...стремясь заслужить уважение греков, Александр написал им, что власть тиранов должна быть повсюду уничтожена и все государства становятся свободными и независимыми. Платейцам же он отправил особое послание, обещая заново отстроить их город, ибо предки их некогда предоставили свою землю для сражения за свободу Греции. Часть военной добычи царь послал в Италию жителям Кротона, желая почтить доблесть и усердие атлета Фаилла, который во время персидских войн, несмотря на то, что все остальные италийцы уже отчаялись в победе греков, снарядил на собственный счёт корабль и поплыл к Саламину, желая разделить опасность со всеми».

Эти великодушные поступки имели целью привязать к себе греческие города, уточняет Плутарх. Затем Александр направился к двум крупным персидским городам — Вавилону и Сузам, и даже в Персеполь и Пасаргады, священные города династии Ахеменидов. По дороге он «... более всего был поражён пропастью... из которой, словно из некоего источника, непрерывно вырывался огонь, и обильным потоком нефти, образовавшим озеро недалеко от пропасти». Говорят, что этим битумом обмазывали для прочности городские укрепления и жилища в Вавилоне.

Явившись в конце октября 331 года до н. э. под стены этого легендарного города, длиной 90 километров, Александр поостерёгся их штурмовать, зная, что Мазей укрылся за ними с несколькими вооружёнными отрядами, уцелевшими после сражения при Гавгамелах. Но город тотчас сдался, едва увидев, что вражеская армия выстраивается в боевой порядок, и встретил Александра как освободителя. Мазей «... смиренно вышел к нему со взрослыми своими сыновьями и сдал ему на милость город и самого себя. Приход его был приятен царю... Поэтому царь благосклонно принимает его с детьми», — пишет Квинт Курций. Затем Александр, поднявшись на колесницу, вступил в город во главе своего войска. Жители толпами высыпали на стены, любопытствуя узреть своего нового господина. Прочие вышли ему навстречу; правитель города даже велел усыпать цветами и венками дорогу, по которой шёл Александр, и установил серебряные жертвенники, на которых курились ладан и тысяча других благовоний. За правителем следовали подарки: стада мелкого скота, табуны лошадей; в клетках везли львов и леопардов. Позади них выступали маги, прорицатели и поэты Вавилона и музыканты, которые пели хвалы

новому царю, аккомпанируя себе на лирах, в то время как звездочёты-халдеи предсказывали Александру самую необыкновенную судьбу. Замыкали шествие вавилонские всадники в роскошных нарядах верхом на конях с пышной сбруей. Александр, которого окружали гетайры, пожелал, чтобы толпа народа шла позади его пехоты, чем хотел показать, что все боевые действия прекращены и отныне македоняне и вавилоняне братья. Он вошёл во дворец Дария, но, по своему обыкновению, не сделал ничего, способного оскорбить или обидеть. Завоеватель уважал обычаи, традиции и религию своих новых подданных.

Его превосходное образование и знание других цивилизаций наделили его широтой и глубиной взглядов, небывалых для его времени. Поэтому он совершил обряд, по которому Мардук^[57] признал его царём — по древней традиции, соблюдавшейся ещё Ксерксом. Он пробыл в Вавилоне больше месяца вместе со своим войском, настолько его обворожили красота и величие этого уже легендарного города. Однако военная дисциплина сильно пострадала от соприкосновения с восточными нравами. Как пишет Квинт Курций, «...нет другого города с такими испорченными нравами, со столькими соблазнами, возбуждающими неудержимые страсти. Родители и мужья разрешают здесь своим дочерям и жёнам вступать в связь с пришельцами, лишь бы им заплатили за их позор. Пиршества и забавы по душе царям и их придворным во всей Персиде; вавилоняне же особенно преданы вину и всему, что следует за опьянением. Вначале вид у пирующих женщин бывает скромный, потом снимается верхняя одежда, понемногу обнажая тело, а под конец — не знаешь, как и сказать — они сбрасывают с себя и нижние одежды. И этот позор в обычае не только у распутниц, но у матрон и девушек; предоставление своего тела считается у них любезностью».

Легко понять, что армия Александра больше месяца наслаждалась этой роскошью и всеми доступными удовольствиями, по сравнению с которыми наслаждения Капуи — вообще ничто. Воины, сражавшиеся уже три года подряд, без удержу предавались оргиям и разврату, к большой досаде Александра, который утратил над ними контроль, и это настолько его тревожило, что он как можно чаще обновлял состав войска. Он вовсе не желал, чтобы его армия погрязла в праздности и пьянстве, зная, что борьба ещё не закончена. Но он был и достаточно мудр, чтобы не мешать своим воинам наслаждаться и предаваться беспутству и непристойностям — справедливой награде за многочисленные победы и изнурительные военные походы. Нет сомнений, что греки вступали в связь с местными женщинами, и от этого потом родились дети.

Плутарх описывает жизнь Александра и его военачальников во время этих остановок и моментов отдыха:

«Александр видел, что его приближённые изнежились вконец, что их роскошь превысила всякую меру: теосец Гагنون носил башмаки с серебряными гвоздями; Леоннату для гимнасия привозили на верблюдах песок из Египта; у Филоты скопилось так много сетей для охоты, что их можно было растянуть на сто стадиев; при купании и натирании друзья царя чаще пользовались благовонной мазью, чем оливковым маслом, повсюду возили с собой банщиков и спальников. За всё это царь мягко и разумно упрекал своих приближённых. Александр высказывал удивление, как это они, побывавшие в стольких жестоких боях, не помнят о том, что потрудившиеся и победившие спят слаще побеждённых. Разве не видят они, сравнивая свой образ жизни с образом жизни персов, что нет ничего более рабского, чем роскошь и нега, и ничего более царственного, чем труд? «Сможет ли кто-либо из вас, — говорил он, — сам ухаживать за конём, чистить своё копьё или свой шлем, если вы отвыкли прикасаться руками к тому, что всего дороже, — к собственному телу? Разве вы не знаете, что конечная цель победы заключается для нас в том, чтобы не делать того, что делают побеждённые?» Сам он ещё больше, чем прежде, подвергал себя лишениям и опасностям в походах и на охоте. Однажды лаконский посол, видевший, как Александр убил большого льва, воскликнул: «Александр, ты прекрасно сражался со львом за царскую власть». Изображение этой охоты Кратер пожертвовал в Дельфы. Медные статуи льва, собак, царя, вступившего в борьбу со львом, и самого Кратера, бегущего на помощь, созданы частью Лисиппом, частью Леохаром».

Более того (и это было революцией в менталитете), Александр уже не относился к персам как к варварам, любовался утончённостью их обычаев, великолепием их городов, храбростью их военачальников, в которой мог убедиться на поле битвы. Его горизонты расширились, выйдя за пределы греческого мира, и он понял, что другие народы нельзя считать неполноценными. Он подтвердил это, оставив в Вавилоне прежнее правление и сохранив за Мазеем роль сатрапа, хотя и приставил к нему одного гетайра в качестве командира гарнизона. «Александр, вступив в Вавилон, приказал вавилонянам восстановить храмы, которые Ксеркс велел разрушить, в том числе и храм Бела, бога, особенно чтимого вавилонянами, — сообщает Арриан. — В Вавилоне встречался он, конечно, с халдеями, выполнил все пожелания халдеев относительно вавилонских храмов и принёс, между прочим, жертву Белу по их указаниям». Короче, он был македонянином, эллином, но отнюдь не презирал чужеземных богов и даже

побуждал своих наместников-греков и вчерашних врагов (если те были сведущи в своей области) к искреннему сотрудничеству.

Конечно, такие отношения поддерживались на самом высоком уровне, но они служили образцом для подражания и символом. Меры, принимаемые Александром, были настолько необычны, что казались странными, а то и неосторожными множеству его воинов и военачальников. Но, устанавливая связи с высокопоставленными персами, Александр занимался пропагандой в свою пользу и представал в глазах восточных народов не сеятелем раздора, а объединителем.

КОНЕЦ ДАРИЯ И ЕГО ИМПЕРИИ

Александр не торопясь выступил к Сузам. На протяжении двадцати дней пути он всячески старался возродить боевой дух своей армии, размякшей после приятного и сладострастного пребывания в Вавилоне. Он устраивал состязания для своих воинов, самые отважные из которых получали награды от командиров. Он укрепил дисциплину и сплочённость конницы, уничтожив различия между корпусами, сформированными разными племенами.

Когда он уже подходил к Сузам, Оксафр, сын местного правителя Абулита, явился к нему с выражениями покорности своего отца, так что Александр в декабре 331 года до н. э. без боя вступил в Сузы — город, о котором Гомер говорит, что он был родиной Мемнона, погибшего в поединке с Ахиллом. Александр завладел всеми сокровищами (50 тысяч талантов) и раздал их самым храбрым своим воинам, а также ценной мебелью и, что самое главное, несколькими предметами, «...увезёнными Ксерксом из Эллады, между прочим, медными статуями Гармония и Аристокитона^[58]. Александр отправил их обратно афинянам», — сообщает Арриан.

Квинт Курций так повествует об этом событии:

«Затем Александр сел на царский трон, слишком высокий по его росту, и так как ноги его не доставали до нижней ступеньки, то кто-то из царских слуг подставил под его ноги столик. Услыхав при этом, как один из евнухов Дария застонал, он спросил о причине его горя. Тот сказал, что не может смотреть без слёз, как столик, священный в его глазах, потому что Дарий обычно вкушал с него пищу, подвергается такому унижению. Царь устыдился такого оскорбления богов гостеприимства и приказал было унести столик, но Филота сказал: «Не делай этого, о царь, но прими за предзнаменование: столик, за которым пировал враг, подставлен под твои ноги!».

По обычаю греков Александр устроил бег с факелами и празднество с гимнастическими состязаниями. Как и в Вавилоне, сатрапом Суз он назначил перса Абулита, приставив к нему одного из гетайров и македонянина, ведавших казной и обороной.

«Мать Дария и его детей он оставил в этом городе. При этом он велит передать Сисигамбис, к которой он относился с сыновним почтением и любовью, македонские одежды и пурпурную краску, присланные ему в

большом количестве в подарок из Македонии, а также мастериц, их изготовивших. Он поручил сказать ей также, чтобы она, если одежда ей понравится, приучила своих внучек изготавливать подобные; он ведь дарит ей также мастериц, которые могут их научить этому. При этих словах у царицы выступили слёзы, и она отклонила подарок, выдав тем свою обиду; ничто не кажется персидским женщинам столь обидным, как работа с шерстью. Вручившие подарок сообщили, что царица опечалилась, но что это ей простительно, и она достойна утешения. Царь пошёл сам к ней и сказал: «О мать, смотри, одежда, в которую я одет, — не только подарок мне от сестёр, но и работа их рук. Я введён в заблуждение моими родными обычаями. Прошу тебя, не принимай за обиду моё незнание. Твои обычаи, которые мне стали известны, я, надеюсь, во всём соблюдал. Я знаю, что у вас не разрешается без позволения сыну сидеть перед лицом матери; каждый раз, как я приходил к тебе, я стоял, пока ты не давала мне знака сесть. Ты часто хотела пасть передо мною в знак уважения, я противился. Я называю тебя именем матери, которое принадлежит моей дражайшей матери Олимпиаде».

Это сыновнее почитание явно не было наигранным: мы помним, что Олимпиада покинула дом своего супруга, когда Александр был ещё ребёнком, и мальчик, воспитанный суровым отцом, сильно переживал из-за отсутствия матери. В лице Сисигамбис он нашёл своего рода замену матери и прислал к ней наставников, чтобы обучить её, а также её дочерей и сына, греческому языку, прежде чем выступить из Суз в новый поход в январе 330 года до н. э.

Сначала он без затруднений перебрался через реку Паситигр^[59], но вскоре перед ним выросли горы, изрезанные многочисленными ущельями, где хозяйничали уксии — народ, не терпевший над собой ничьей власти. Они потребовали у Александра уплатить пошлину за проход через их земли, которую взимали и с царя персов. Ответ македонянина не заставил себя ждать и содержал в себе скрытую угрозу. «Александр отослал их, велел идти к теснинам, господство над которыми позволяет им думать, что проход в Персию находится в их власти: там они от него получают установленную плату», — пишет Арриан. Понятно, что эта плата будет внесена стрелами и различным оружием:

«Он взял царских телохранителей, щитоносцев, и около 8000 остальных солдат и ночью пошёл, но не по известной дороге: проводниками ему были люди из Суз. Пройдя по каменистой тяжёлой дороге, он на рассвете напал на деревни уксиев, взял большую добычу и перебил много людей, захватив их ещё в постелях. Другие бежали в горы.

Сам он спешно пошёл к теснинам, где уксии рассчитывали встретить его всем народом, чтобы получить установленную плату; Кратера же ещё раньше он отправил занять те высоты, куда, как он думал, отступят теснимые уксии».

Уксии бежали без боя, преследуемые македонянами, которые многих из них убили или сбросили в пропасть, на уцелевших же напал Кратер. Разбитые уксии всё жедобились, благодаря дипломатическому посредничеству Сисигамбис, матери Дария, что Александр оставил им их землю в обмен на уплату ежегодной дани в 100 лошадей, 500 вьючных животных и 30 тысяч голов скота — единственное, чем они были богаты, поскольку этот кочевой народ не знал ни земледелия, ни денег и жил за счёт обмена.

Но трудности только начинались. Александру предстояло преодолеть вместе с армией горную преграду — Ворота Персии, и вскоре он столкнулся с Ариобарзаном, персидским сатрапом, который занял позицию, перегородив эти Ворота с сорока тысячами пеших воинов и семьями конниками. Укрывшись в ущелье, он велел выстроить перед ним стену.

Александр неосторожно углубился вместе с армией в узкие проходы, остававшиеся открытыми. Персы, сидевшие в засаде, «...стали скатывать с высот огромные камни, которые, натыкаясь на другие, катились дальше с ещё большей силой и давили не только отдельных людей, но и целые отряды. Летели в них также со всех сторон камни из пращей и стрелы», — рассказывает Квинт Курций. Воины Александра оказались в ловушке и тщетно пытались сопротивляться, карабкаясь по отвесным горам, что было совершенно невозможно. Они даже не могли построиться «черепашей» — тактический приём македонской фаланги, впоследствии усвоенный римскими легионами, — такой урон наносили им огромные валуны, скатывавшиеся со склонов. Александр был вынужден вывести из ущелья воинов, защищавших, насколько это было возможно, головы щитами.

Однако он был скор на выдумку и решил применить хитрость. Взяв себе в помощь пленников, многие из которых были пастухами, хорошо знавшими местность, он оставил основные силы в лагере под командованием Кратера. Встав во главе лёгкого отряда из нескольких лучников и пятисот всадников, он пробрался крутыми, извилистыми и заснеженными тропами и неожиданно обрушился на тылы Ариобарзана. Завидев перса, он велел трубить условный сигнал, чтобы Кратер выступил вместе с армией и атаковал в лоб противника, зажатою между македонскими войсками. Победа была полной, персидское войско было

порублено на куски, большинство персов бежали вместе со своим командиром, хотя для этого им пришлось сразиться с македонянами, преграждавшими им дорогу. Ариобарзан мог теперь отправиться в Персеполь и попытаться его оборонять.

Но Александр не дал ему на это время. Он продолжил путь, перерезал варваров на первой заставе и на второй, а третья застава бежала, чтобы укрыться в Персеполе. Александр неожиданно напал на лагерь Ариобарзана, который остался без защиты. Под звуки боевой трубы Кратер лично устремился в сражение. Враг снова бежал без боя, очутился перед Птолемеем и пал под его ударами. Разбитый Ариобарзан бежал в горы с несколькими людьми и лошадьми.

Александр прибавил ходу, особенно после того как получил письмо от Тиридата, хранителя царской казны из Персеполя, который предупреждал, что жители города, узнав о его приближении, хотят разграбить казну, и просил спешить, чтобы самому завладеть этими богатствами. Александр бросил пехоту, всю ночь провёл в пути вместе с конницей, вышел на берег Аракса и построил мост через эту реку из брёвен и камней, велел разрушить дома в окрестных селениях.

«Царь уже был недалеко от города, когда навстречу ему вышел жалкий отряд людей, достойный упоминания как редкое явление, — это были греческие пленники числом до четырёх тысяч, которых персы мучили всякими пытками. У одних они отрезали ноги, у других руки и уши, на теле других выжгли буквы варварского своего языка и долго держали для издевательства, а когда увидели, что сами подпали под чужую власть, не воспрепятствовали пожелавшим выйти навстречу царю. При таком необычном облике они не были похожи на людей; человеческим в них можно было признать только голос, и больше слёз проливали смотрящие на них, чем они сами».

Это зрелище одновременно взволновало и разгневало Александра. Он пообещал грекам, что они вновь увидят своих жён и детей. Но эти мученики и калеки не собирались возвращаться в свои родные города, проведя столько времени вдали от близких. Конечно, некоторые хотели вернуться на родину, но большинство просило Александра отвести им земли, чтобы там поселиться. Царь «...приказал выдать каждому по 3 тысячи денариев, прибавил к этому по десяти одежд, а также крупный и мелкий скот и семена, чтобы отведённая им земля могла быть обработана и засеяна».

Эта сцена произвела глубокое впечатление на Александра, и гнев его был страшен. На следующий день он созвал военачальников и гетайров и

сказал им, «...что нет ненавистнее для греков города, чем столица древних царей Персии». Он уже принял решение разграбить Персеполь и разрушить его.

«Сюда варвары свезли богатства со всей Персии, золото и серебро лежало горами, одежд было великое множество, утварь была предназначена не только для употребления, но и для роскоши. Поэтому вооружённые столкновения происходили и между самими победителями: кто захватил более ценную добычу, считался врагом, и так как они не могли унести всего, вещи брались какие подороже. Царские одежды они разрывали на части, мечами разбивали дорогие художественные сосуды, ничего не оставляли нетронутым, не уносили в целости: тащили отломанные от статуй части, кто что ухватил. Не только алчность проявлялась в городе, но и жестокость: отягощённые золотом и серебром, победители убивали пленных, с которых нечего было взять, все попадавшиеся им навстречу умерщвлялись, если казались ничтожными по своей стоимости. Многие из неприятелей своими руками подготавливали себе добровольную смерть: одевшись в дорогие одежды, с жёнами и детьми бросались со стен. Некоторые подкладывали под свои дома огонь, предполагая, что это будет делать в скором времени и враг, и заживо сгорали со своим имуществом».

Царь лично участвовал в разграблении города, завладев сокровищницей крепости. «Александр, празднуя победу, принёс роскошные жертвы богам и устроил для друзей богатое пиршество. Товарищи его походов щедро угощались, и чем дальше шла пирушка, тем больше люди пьянели, и наконец длительное безумие охватило души упившихся».

Плутарх приводит те же факты, что и Диодор Сицилийский:

«В общем веселье вместе со своими возлюбленными принимали участие и женщины. Среди них особенно выделялась Файда, родом из Аттики, подруга будущего царя Птолемея. То умно прославляя Александра, то подшучивая над ним, она, во власти хмеля, решилась произнести слова, вполне соответствующие нравам и обычаям её родины, но слишком возвышенные для неё самой. Файда сказала, что в этот день, глумясь над надменными чертогами персидских царей, она чувствует себя вознаграждённой за все лишения, испытанные ею в скитаниях по Азии. Но ещё приятнее было бы для неё теперь же с весёлой гурьбой пирующих пойти и собственной рукой на глазах у царя поджечь дворец Ксеркса, предавшего Афины губительному огню. Пусть говорят люди, что женщины, сопровождавшие Александра, сумели отомстить персам за

Грецию лучше, чем знаменитые предводители войска и флота».

Эта речь была встречена гулом одобрения и рукоплесканиями. Сам Александр, подбадриваемый этим предложением и настояниями друзей, выскочил из-за стола с цветочным венком на голове и факелом в руке и пошёл ко дворцу, сопровождаемый всеми пирующими, которые пританцовывали и издавали громкие вопли. Узнав о том, что он хочет сделать, прочие македоняне прибежали с факелами, без ума от радости, надеясь, что Александр помышляет вернуться в Македонию и более не желает оставаться среди варваров, раз он своими руками сжигает и разрушает царские дворцы. Вот как произошёл этот пожар. Диодор Сицилийский пишет:

«Зачинщицей всего была гетера Файда. Она после царя первая метнула во дворец зажжённый факел; то же самое сделали и другие, а скоро дворец и всё вокруг было охвачено огромным пламенем. Самое удивительное, что за кощунство, совершённое Ксерксом, царём персидским, на афинском акрополе, оплатила той же монетой много лет спустя женщина, согражданка тех, кто был обижен ещё в детстве».

И Квинт Курций:

«Такую судьбу претерпела царская столица всего Востока: здесь столько народов раньше искало правосудия, здесь была родина столько царей — некогда предмет исключительного страха для Греции; отсюда посылался флот в тысячу кораблей и полчища, наводнявшие Европу».

Историки, в том числе современные, задавались вопросом о причинах такого поведения Александра, столь разнящегося с милосердием, проявленным им в Сузах. Они не были шокированы тем, что сокровища персов перешли в его руки, что было совершенно нормально, однако их удивило, что, несмотря на свои обещания, Александр поджёг дворец в Персеполе, хотя жители этого города не оказали ему сопротивления и он не мог опасаться никакого восстания. Одновременно он узнал, что в октябре 331 года до н. э. его войска одержали в Греции решающую победу над спартанцами.

Что он хотел доказать — другим или себе? Хотел ли он угодить греческим богам, которых осквернили персы во время оккупации Эллады? Утратил ли он своё хладнокровие после пира с чересчур большими возлияниями? Помутилось ли у него в голове, так что он устроил вакханалию на улицах Персеполя и превратился в поджигателя? О несдержанности Александра, пусть даже временной, говорят все древние авторы. Порой из-за неё он даже совершал преступления против собственных друзей. Прискорбно, что полководец такого размаха и столь

исключительных способностей часто проявлял жестокость и предавался во время военных походов бессмысленным избиениям. По мере того как он шёл дальше на восток, случаи этих проявлений только множились.

Плутарх — историк, склонный к морализаторству, — сообщает нам несколько многозначительных историй о пристрастии к роскоши и расточительству, которое понемногу заставило замолчать голос совести Александра во время его походов и побуждало его к поступкам, капризам и даже шуткам, недостойным государя такой обширной страны. Од, нако всё это выявляло его человеческую природу и низводило до уровня простого завоевателя, а не живого бога:

«Аристон, предводитель пеонийцев, убил как-то вражеского воина и, показав его голову Александру, сказал: «Такой дар считается у нас достойным золотого кубка». «Всего лишь пустого кубка, — ответил Александр, смеясь, — и я подарю тебе кубок, но сначала наполню его вином и выпью за твоё здоровье». Один македонянин из рядовых воинов гнал однажды мула, нагруженного царским золотом. Животное устало, и воин, взвалив груз на себя, сам понёс его дальше. Когда царь увидел его мучения и разузнал, в чём дело, он сказал македонянину, намеревавшемуся снять с себя ношу: «Не поддавайся усталости, пройди остаток пути и отнеси это к себе в палатку». Вообще же он больше сердился на тех, кто отказывался от его даров, чем на тех, кто выпрашивал их. Так, Александр написал однажды в письме Фокиону, что не будет более считать его своим другом, если он и впредь будет отклонять его благодеяния. Серапиону, одному из тех юношей, с которыми он играл в мяч, он не дал ничего, так как тот ни о чём его и не просил. Однажды во время игры Серапион ни разу не бросил мяч Александру. Царь спросил его: «Почему ты не бросаешь мяч мне?» Серапион ответил: «Так ты ведь не просишь». Тогда Александр рассмеялся и щедро одарил юношу. Протей, один из тех, кто умел развлекать царя шутками за вином, казалось, впал у Александра в немилость. Когда друзья стали просить за него и сам он заплакал, Александр сказал, что прощает его. «О царь, — попросил Протей, — дай же мне какой-нибудь залог твоего расположения». В ответ на это Александр приказал выдать ему пять талантов».

Александр с войском пробыл в Персеполе четыре месяца, до весны 330 года до н. э. Его воины, отягощённые сокровищами и насытившиеся, наверняка помышляли о возвращении на родину, поскольку легендарная столица их извечного врага была разрушена, но Александр хотел найти Дария и окончательно разбить его.

Он узнал, что Дарий скрывается в Мидии и, возможно, ждёт, что

завоеватель его империи столкнётся с какими-нибудь трудностями, чтобы перехватить инициативу. Если бы Александр попытался преследовать его в Мидии, Дарий мог бы сбежать к парфянам. Он также мог проводить политику выжженной земли и опустошить Гирканию и даже Бактрию, чтобы лишить Александра материальных средств для его преследования. Чтобы сделать свою армию более подвижной, он отправил к Каспийским воротам женщин и обоз, которые ему мешали, и остановился в Экбатанах с несколькими отрядами, какие мог собрать.

Обратившись с речью к своим близким, правителям и последней когорте верных ему людей, Дарий попытался успокоить сам себя по поводу своей судьбы и шансов вернуть своё царство:

«Если бы судьба связала меня с людьми трусливыми, для которых какая угодно жизнь дороже, чем почётная смерть, я бы скорее молчал и не расточал понапрасну слов. Но я испытал вашу доблесть и преданность на более серьёзном, чем бы хотелось, деле, так что должен сам стараться быть достойным таких друзей, а не сомневаться, остались ли они верны самим себе. Из стольких тысяч, бывших под моим командованием, только вы следуете за мной, дважды разбитым, дважды обращённым в бегство. Ваша преданность и стойкость внушают мне уверенность, что я ещё царь. Предатели и перебежчики царствуют в моих городах; и не потому, клянусь богами, что они достойны этого, но с тем, чтобы своими наградами смущать ваши души. Но вы, о верные мои друзья, предпочли разделить судьбу со мной, а не с победителем, и если я не смогу наградить вас, то за меня пусть наградят вас боги. И, клянусь вам, они вас наградят! Не может быть настолько глухо потомство, так неблагодарна молва, чтобы не вознести вас заслуженными похвалами до небес.

Итак, хотя раньше я помышлял о бегстве, от которого отвращается моя душа, теперь, опираясь на вашу доблесть, я хотел бы выступить против врага. Доколе же я буду изгнанником в своём собственном царстве и в пределах его буду убегать от царя, выходца из чужой земли, когда я могу, испытав судьбу войны, или вернуть то, что потерял, или умереть почётной смертью? Или лучше ожидать решения победителя и по примеру Мазея и Митрена принять в виде выпрошенной подачки царство над каким-нибудь одним племенем, поскольку враг предпочитает добиваться славы, а не удовлетворять свой гнев? Да не допустят боги, чтобы кто-нибудь мог снять с моей головы знаки моего сана или даровать мне их; живым я не откажусь от власти, но её конец будет и концом моей жизни. Если вы сохраните свой дух и свой закон, то никто из вас не лишится свободы: никто не будет принуждён терпеть высокомерие и надменность македонян. Каждый своей

собственной рукой или отомстит за такое зло, или пресечёт его. Моя судьба показывает, как изменчиво счастье. И не без основания ожидаю я поворота судьбы в лучшую сторону. Если же боги откажут нам в справедливой и благочестивой войне, доблестные мужи всегда смогут умереть честно. Заклинаю вас славой предков, которые так доблестно владели всем Востоком, теми героями, которым когда-то Македония платила дань, флотами из стольких кораблей, которые посылались в Грецию, столькими трофеями ваших царей. Проявите мужество, достойное вашей славы и вашего племени, чтобы мы могли испытать с такою же твёрдостью духа, с какой перенесли всё прошлое, и то, что принесёт нам дальнейшая наша судьба. Меня, несомненно, прославит на все века или выдающаяся победа, или славная смерть».

Пессимистичная речь, которая не могла возродить мужество в близких ему людях и пробудить в них надежду на то, что положение в корне изменится. Дарий был достаточно умён, чтобы понимать: с его империей покончено, да и ему самому жить осталось недолго.

Со своей стороны Александр получил достаточно подробные сведения и знал, что Дарий находится в Экбатанах. Он вышел из Персеполя примерно в мае 330 года до н. э., овладел землями паретакинов и поручил их сатрапу Оксафру, который исполнял те же обязанности в Сузах. Он бросил весь ненужный обоз и налегке двинулся с войсками в Мидию, куда добрался за 12 дней. Когда он был за три перехода от Экбатан, к нему явился Бисфан — государь, чей отец правил Персией прежде Дария, — и сообщил ему, что Дарий только что ушёл из Экбатан с девятью тысячами воинов и шестью тысячами пехотинцев, забрав также семь тысяч талантов.

Явившись в Экбатаны, Александр избавился от фессалийской конницы и прочих союзников, служивших ему заложниками в продолжение войны со Спартой. Поскольку Спарта была побеждена, Александру более не требовались эти заложники, которых он отправил обратно в Эвбею, щедро им заплатив, на кораблях Менеса. Кое-кто из этих воинов предпочёл остаться и служить царю, который отблагодарил их крупной суммой денег.

Это расставание символично. Оставшись без греческих воинов, Александр как будто отказался от идеи отомстить Персии за Грецию и от насаждения эллинизма, который заменит собой цивилизацию варваров. Он перешёл на личности: война превратилась в поединок между ним и Дарием, он не скрывал, что собирается занять место своего врага и стать государем всех азиатских народов. Он приказал Пармениону собрать все сокровища Персии в крепости Экбатан, под охраной Гарпала, шести тысяч македонян и нескольких всадников. Тот ушёл в Гирканию через земли

кадусиев вместе с иноземными наёмниками, фракийцами и остатками конницы, за исключением гетайров.

Александр написал Клиту, командовавшему царскими дружинами, который находился в Сузах из-за болезни, чтобы тот пришёл к нему в Парфию, захватив по дороге македонян, оставленных в Экбатанах. Сам же он бросился преследовать Дария во главе конных гетайров, лёгкой кавалерии, наёмников, македонской фаланги, часть которой осталась охранять казну, лучников и агриан. Он так спешил настигнуть царя персов, что оставлял на дороге пеших и конных воинов, изнурённых слишком быстрыми переходами. Через 11 дней, делая более чем по 30 километров в день, он вышел к городу Рага (Рей), неподалёку от современного Тегерана. Но там он с досадой узнал, что Дарий прошёл через Каспийские ворота. Часть войск покинула его, воины разошлись по домам. Другая часть сдалась Александру, который, не в силах угнаться за Дарием, был вынужден остаться в Раге на пять дней, чтобы его люди могли наконец отдохнуть.

В этом городе Александр и узнал трагические известия о возможной судьбе Дария, армия которого раскололась на верных ему людей, готовых идти за ним до конца, включая греческих наёмников, и на сатрапов и военачальников, которые, чувствуя, что конец правления их государя близок, были готовы его предать. Несмотря на уверенные речи, обращаемые Дарием к войску, и на то, что в первое время его действия встречали одобрение Набарзана, тот уже некоторое время плёл сети заговора вместе с Бессом. «Они рассуждали так: если Александр их настигнет, они, передав ему царя живым, заслужат большую благодарность победителя и назначат высокую цену за то, что захватили Дария; если же удастся избежать встречи с Александром, то, убив Дария, они захватят власть и возобновят войну», — поясняет Квинт Курций.

Набарзан частично раскрыл свои карты, выступив с пораженческой речью перед Дарием и его штабом. Он посоветовал царю персов отречься от престола, раз боги к нему не расположены, и передать бразды правления одному из своих военачальников, пока тот наконец не одержит победу и не вернёт ему корону. Более того, он рекомендовал укрыться вместе с армией в Бактриане, которая ещё не захвачена врагом. Это явно была ловушка, и Дарий возмутился:

«Презреннейший раб, нашёл же ты время для своего гнусного преступления!» Обнажив акинак, он, казалось, готов был его заколоть, если бы его не окружили со смиренным видом бактрийцы с Бессом, готовые, впрочем, и к насилию, если бы царь продолжал горячиться».

Тем временем Набарзан ускользнул, а Бесс примкнул к нему после этой сцены, не имевшей немедленных последствий. Оба приказали войскам, находившимся под их командованием, отделиться от остальной армии. Артабаз попытался утишить гнев царя, объясняя, что его лучшие военачальники утратили самообладание из-за сложной ситуации, в которую они все попали. Дарий послушал Артабаза и не стал преследовать предателей; в печали и отчаянии он уединился в своём шатре.

После этого разброд и шатания в его армии стали ещё большими. Бесс побуждал бактрийцев и персов бежать в Бактрию, ещё не опустошённую войной. Со своей стороны Артабаз, принявший высшее командование, обходил шатры персов, уговаривая их не покидать своего царя. Он также пытался подбодрить Дария, побуждая его принимать пищу и напоминая, что он по-прежнему законный царь персов. Затем Артабаз отправился к Бессу и Набарзану, чтобы убедить их сохранить верность своему царю, и пообещал им передать Дарию их жалобы.

Дарий приказал войску выступить и поднялся на свою колесницу. Бесс и Набарзан сделали вид, будто покорились ему, и даже проливали слёзы. Пока армия продвигалась вперёд, командир греческих наёмников Патрон, постигший коварные замыслы двух заговорщиков, пытался поговорить с Дарием, но за ним зорко следил Бесс. Однако тот добился своего и сказал по-гречески (царь персов прекрасно знал этот язык): «Умоляю тебя во имя нашей нерушимой верности, поставь свой шатёр в нашем лагере, позволь нам быть твоими телохранителями. Мы потеряли Грецию, нет у нас никакой Бактрии, вся наша надежда на тебя; о если бы можно было положиться и на других! Больше сказать я не могу. Я, чужеземец, не просил бы доверить мне твою охрану, если бы был уверен, что другие её хорошо выполняют».

Намёк на возможное предательство военачальников Дария был ясен. Царь потребовал у Патрона подробностей, и тот не счёл нужным скрывать правду: «Бесс и Набарзан, пользуясь твоим несчастьем, строят козни против твоей жизни. Сегодняшний день будет последним для твоих убийц или для тебя». Дарий ответил как человек, утративший последние силы: он даже не пытался покарать предателей и словно покорился судьбе. Бесс продолжал разыгрывать верного слугу, хотя Дарий не строил иллюзий на его счёт. С наступлением вечера царь позвал Артабаза в свой шатёр и сообщил ему о том, что сказал ему Патрон. Артабаз подтвердил, что единственный выход — отдать себя под защиту греческих наёмников. Но Дарий не решился на это и «смирился со своей судьбой».

Его телохранители, считавшие, что не справятся с попыткой

вооружённого переворота, бежали, и Дарий остался один с несколькими евнухами.

«Наконец уединение, которого он перед этим искал как облегчения для себя, стало ему в тягость, и он призывает к себе Бубака. Взглянув на него, он сказал: «Идите и позаботьтесь о себе сами; вы, как и следовало, до конца исполнили свой долг перед вашим царём. Я же буду ждать своей судьбы здесь. Ты, может быть, удивляешься, что я не кончаю сам своей жизни: но лучше я умру от чужой и преступной руки, а не от своей!» После этих слов евнух огласил стенами не только шатёр царя, но весь лагерь. Прибежали другие и, раздирая на себе одежды, стали по варварскому обычаю оплакивать царя. Когда эти стоны достигли до слуха персов, они в страхе не решались ни взяться за оружие, чтобы не натолкнуться на бактрийцев, ни оставаться спокойными, чтобы не показалось, что они нечестиво покинули царя. Разноголосые крики наполнили весь лагерь, лишившийся вождя и управления.

Бессу и Набарзану их люди сообщили, что царь покончил с собой: их ввёл в заблуждение плач. Итак, они скачут, погоняя коней, за ними следуют избранные ими помощники в их преступлении. Войдя в шатёр царя и узнав от евнухов, что царь жив, они его хватают и заковывают. И царь, ещё недавно ехавший на колеснице, хранимый благословением богов и святостью своего сана, стал без вмешательства враждебной силы пленником своих рабов, его сажают на грязную повозку, закрытую со всех сторон шкурами. Деньги и имущество царя разграбляются как бы по праву войны, и преступники, отягчённые добычей, захваченной по-разбойничьи, бросаются бежать. Артабаз с преданными царю людьми и с греческими воинами направился в Парфию, считая, что везде он будет в безопасности, только не на глазах убийц. Персы под влиянием обещаний Бесса, а главным образом потому, что не за кем им было пойти, присоединились к бактрийцам и на третий день догнали их отряд. А судьба между тем изобрела новую забаву: чтобы не лишить царя должного почёта, Дария заковывают в золотые кандалы. А чтобы никто его случайно не признал по этим царским признакам, повозку его покрыли грязными шкурами; вьючных животных вели незнакомые люди, которые ни на какие вопросы в пути ничего не могли ответить. Охрана шла на некотором расстоянии».

Александр, разумеется, быстро узнал о том, что случилось с Дарием, и поскольку его намерением по-прежнему было захватить царя живым, он заставил свою армию совершать непривычно длинные переходы, до 70 километров в день, достиг Каспийских ворот, легко преодолел их и оказался в Парфии, куда к нему явились два военачальника Дария, которые,

отказавшись участвовать в заговоре Бесса, отдали себя под покровительство Александра. Тот сразу понял опасность и намерения Бесса: либо Бесс, который, как следует помнить, был родственником Дария и сатрапом Бактрии, сдаёт Александру царя персов и такой ценой получает помилование для себя и заговорщиков, либо те собирают войска и делят империю между собой.

Александр, чувствуя, что Дарий может ускользнуть из его рук, созвал своих военачальников:

«Перед нами великая задача, требующая быстрого выполнения: Дарий, вероятно, покинут своими или в поругании у них. Захватить его живым — вот венец нашей победы, но это требует быстроты действия». Все согласно закричали, что готовы следовать за ним; пусть он не щадит их сил и не боится опасностей. Итак, он сразу же повёл свой отряд скорее бегом, чем обычным маршем, не давая и ночью отдохнуть от усталости за день».

Александр, его конница и воины устремились в адскую погоню, чтобы попытаться захватить Дария, прежде чем его убьют персидские заговорщики. Узнав, что варвары будут, по всей видимости, идти ночью, Александр прикинул, что сможет преградить им путь, если срежет дорогу. Правда, там нет источников воды; не важно, он всё равно пойдёт. Пехота не поспевала за конницей, шедшей рысью. 500 всадников уступили своих лошадей элитным пехотинцам и их командирам, которые взобрались на них, не переменяв вооружения. Командир гипаспистов Никанор и вождь агриан Аттал, а также несколько других легковооружённых воинов устремились вперёд вслед за беглецами. Остальная пехота шла сзади, построившись в каре. Александр выехал вечером, пустил Букефала галопом и в один дух проскакал 74 километра. На рассвете он увидел беспорядочно бегущих варваров. Он подождал свои войска, которые шли следом и только что проделали 400 километров за шесть дней, и ринулся на персов, совершенно не сопротивлявшихся, обратившихся в бегство без боя или погибавших под его ударами, безоружных, обуянных страхом, словно перед ними вырос призрак мести, бог гнева — Александр Великий.

Бесс и его сообщники, которые находились впереди, пришли к повозке Дария и потребовали, чтобы тот для быстроты сел на коня и бежал вместе с ними. Дарий, сохранявший достоинство, даже не думал выказывать чувство страха, бывшее ему чуждым, и заявил, что это боги явились отомстить за него. Уверенный в порядочности Александра, он отказался следовать за предателями, которые сковали его и смеют отдавать ему приказания.

Разъярённые Бесс, Набарзан и их сообщники забросали Дария

копьями и бросили умирать от ран. Они также покалечили лошадей, вёзших повозку, чтобы те не могли идти, и убили рабов, служивших персидскому царю. Набарзан отправился в Гирканию, а Бесс в Бактриану, с небольшой свитой из всадников. Лишившись вождей, персидская армия, гонимая страхом, рассеялась, надеясь ускользнуть от Александра.

Тем временем воины Александра ворвались в брошенный лагерь. «Не обратив внимания на разбросанное повсюду в изобилии серебро и золото, проскакав мимо многочисленных повозок, которые были переполнены детьми и женщинами и катились без цели и направления, лишённые возничих, македоняне устремились за теми, кто бежал впереди, полагая, что Дарий находится среди них, — рассказывает Плутарх. — Наконец они нашли лежащего на колеснице Дария, пронзённого множеством копий и уже умирающего. Дарий попросил пить, и Полистрат принёс холодной воды; Дарий, утолив жажду, сказал: «То, что я не могу воздать благодарность за оказанное мне благодеяние, — вершина моего несчастья, но Александр вознаградит тебя, а Александра вознаградят боги за ту доброту, которую он проявил к моей матери, моей жене и моим детям. Передай ему моё рукопожатие». С этими словами он взял Полистрата за руку и тотчас скончался.

Александр подошёл к трупу и с нескрываемой скорбью снял с себя плащ и покрыл тело Дария <...>. Тело Дария, убранное по-царски, Александр отослал его матери...», чтобы похоронить в царской усыпальнице в Пасаргадах, в июле 330 года до н. э.

Так окончилась жизнь Дария III Кодомана, погибшего в возрасте пятидесяти лет, а вместе с ней пресеклась династия Ахеменидов, которая со времён Кира правила огромной империей. Александр, трижды победивший Дария, — разрубив гордиев узел, при Иссе и при Гавгамелах, — чувствовал себя его прямым наследником и, наверное, в уме уже сменил титул царя на титул императора или, во всяком случае, государя, намеревавшегося править всем миром.

АЛЕКСАНДР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Все воины Александра думали, что со смертью Дария настал конец их испытаниям и начинается неизбежное и желанное возвращение домой. Но Александр совершенно иначе представлял себе свою судьбу, он уже стремился к некоему всемирному царству, которое объяло бы все известные миры — и на Востоке, и на Западе. Войско роптало, но Александр, обладавший даром убеждения, собрал своих воинов и обратился к ним с речами, призывая остаться, чтобы укрепить ещё хрупкую победу.

Видя, что его слова не слишком доходчивы, он решил отпустить греческих наёмников, выдав каждому всаднику по таланту и каждому пехотинцу по десять мин^[60], помимо платы за оказанные услуги, чтобы они могли вернуться на родину. Тем же, кто пожелает остаться с ним, он пообещал по три таланта, доставая эти деньги, а также золотые и серебряные сосуды, как можно догадываться, из несметных сокровищ Дария. Таким образом, он поступил либерально и предоставил самим воинам сделать выбор: продолжить завоевания или вернуться домой. Эти меры были восприняты положительно, и Александр отныне мог рассчитывать на войско, которое последует за ним без принуждения в новые походы.

И тем не менее (все историки с этим согласны) даже самые верные из воинов или те, кого привлекала жажда наживы, больше не испытывали к своему вождю прежнего восхищения, хотя, будучи дисциплинированными, не пытались бунтовать. Только единицы из полководцев Александра открыто выражали своё недовольство или восставали, за что впоследствии пострадали от гнева вождя. Александр, имевший крайне высокое представление о собственной власти, намеревался объединить все страны и государства, а также племена в лоне единой эллинистической цивилизации, превосходство которой он доказал с оружием в руках.

Кроме того, подобно всем полководцам Древнего мира, он верил в своё легендарное происхождение. Потомок Ахилла и Геракла не может отказаться от своих запредельных устремлений, не предав тем самым память предков. Эту идеологическую позицию также стоит учитывать, говоря об амбициозных планах Александра, который собирался появиться на Востоке там, где ещё не ступала нога ни одного эллина. Не может быть сомнений в том, что, завоевав неведомые земли, он с той же решимостью повернёт обратно на Запад, чтобы установить и здесь повсеместно

эллинистическое господство.

Дерзость человека, который, как и все его современники, по большей части даже не имел представления о географии земель, которые собирался пройти со своим войском, просто ошеломляет. Он не испытывал страха: это приключение было для него своего рода вызовом, а главное — способом превзойти самого себя и показать, что он не уступает герою Гомера и полубогу из мифов, от которых ведёт свой род.

По словам историков, Александр, убедившись в своём происхождении, а главное, в том, что он — герой, которому суждено исполнить предназначение мирового масштаба, счёл себя вправе после смерти Дария в корне изменить своё поведение.

«Здесь он открыто дал волю своим страстям и сменил умеренность и сдержанность, прекрасные качества при высоком его положении, на высокомерие и распутство, — пишет Квинт Курций. — Обычаи своей родины, умеренность македонских царей и их гражданский облик он считал неподходящими для своего величия, равного величию персидских царей, и соперничал по своей власти с богами. Он требовал, чтобы победители стольких народов, приветствуя его, падали ниц, постепенно приучая их к обязанностям рабов, обращаясь с ними, как с пленниками. Итак, он надел на голову пурпурную с белым диадему, какую носил Дарий, оделся в наряды персов, не боясь дурного предзнаменования от того, что заменяет знаки отличия победителя на одежду побеждённого. Он говорил, что носит персидские доспехи, но вместе с ними перенял и персидские обычаи, а за великолепием одежды последовало и высокомерие духа. Письма, посылавшиеся в Европу, он запечатывал своим прежним перстнем, а те, которые отправлял в Азию, — перстнем Дария, но было очевидно, что один человек не может охватить судьбы двоих. Мало того, он одел своих друзей и всадников (ибо они первенствовали в войсках) против их воли в персидские одежды, и те не решались протестовать. В его дворце было 360 наложниц, как и у Дария, окружённых толпами евнухов, также привыкших испытывать женскую долю. Всё это в соединении с роскошью и чужеземными привычками вызывало открытое недовольство не искушённых в разврате старых воинов Филиппа, и во всём лагере были одни думы и речи, что с победой они потеряли больше, чем захватили на войне; что, покорившись чужеземным обычаям, они сами оказались побеждёнными. С какими, наконец, глазами явятся они домой, как бы в одежде пленников. Им стыдно за себя; а царь их, более похожий на побеждённого, чем на победителя, из македонского повелителя превратился в сатрапа Дария».

Александр, конечно же, знал о недовольстве своих ближайших друзей и своей армии и хотел избежать бунта, всегда возможного в обстановке праздности, в какой пребывало его войско. Вот почему в первое время борьба с Бессом показалась ему необходимым отвлекающим моментом.

Бесс и Набарзан убили Дария и этим кровавым поступком дерзко лишили Александра удовольствия проявить милосердие и терпимость к побеждённому царю, а тем самым обманули оказанное им доверие и выказали своё стремление освободиться от власти царя Македонии — преступное оскорбление величия.

Александр выступил в Гирканию со стороны Каспийского моря, чтобы как можно скорее нагнать Набарзана, укрепившегося на горе Эльбрус. Он разделил своё войско на множество маленьких, очень подвижных отрядов и расставил сторожевые посты, которые, продвигаясь всё дальше, понемногу истребляли силы предателя и его наёмников, по большей части греков. Зажатый в угол, Набарзан вскоре сам явился в лагерь Александра, чтобы сдаться на его милость. Царь Македонии помиловал бунтовщика, который мог бы привлечь на его сторону некоторое число крупных персидских военачальников и сатрапов, вроде Ариобарзана и Автофрадата, а также Артабаза и трёх его сыновей. Зато он отказался принять греческих наёмников, «...потому что, воюя вместе с варварами против Эллады, они нанесли ей великую обиду и нарушили постановления эллинов. Пусть они все явятся и сдадутся на волю Александра или ищут спастись как могут. Послы ответили, что они отдают себя и всех остальных на волю Александра; они просят дать их отряду командира, который беспрепятственно сопроводит их к Александру: в отряде их будет тысячи полторы», — рассказывает Арриан. Прочие отказались покориться, и Александр захватил большое число пленных и убил всех, кто выступил против него с оружием в руках, а затем укрылся у мардов. Полторы же тысячи пленных были освобождены, как и эллинские наёмники, служившие Дарию. Многие из них поступили в македонскую армию под начало Андроника.

Наверное, именно во время этого похода в Гирканию и страну мардов и произошёл эпизод с кражей Букефала, о котором рассказывает Диодор Сицилийский. Александр не испытывал жалости к тем, кто не желал ему покориться, и пожёг их дома, а самих прогнал в горы.

«Однажды, когда конюхи, ведшие царских лошадей, несколько отделились от царя, варвары напали на них и увели лучшего коня. Его подарил Демарат-коринфянин, и он служил царю во всех сражениях в Азии. Неосёдланный, он позволял садиться на себя только учителю

верховой езды, но когда на него надевали царскую сбрую, он не подпускал к себе и его; только Александру соглашался он служить и приседал к земле, чтобы ему легче было сесть верхом. Царь, огорчённый потерей такого благородного животного, велел рубить леса и объявить жителям на их языке, что если они не вернут коня, то увидят свою землю вконец опустошённой, население же будет перебито до одного человека. Угрозы эти стали стремительно приводиться в исполнение; перепуганные варвары отдали коня, прислали драгоценнейшие дары и ещё отправили 50 человек просить прощения. Александр взял заложниками наиболее видных людей».

Когда Александр собирался отправиться в поход против Сатибарзана, сатрапа Арэи, к нему явилась Фалестрида — царица амазонок, легендарных женщин-воительниц, которых Александр вовсе не считал мифическими, поскольку с детства читал о них в поэмах Гомера и греческих преданиях, не подвергая сомнению их реальность.

Передадим слово двум историкам: Диодору Сицилийскому и Квинту Курцию Руфу. Первый пишет:

«Когда он вернулся в Гирканию, к нему явилась царица амазонок, по имени Фалестрида; царствовала она в земле, лежавшей между Фасидой и Фермодонтом. Она отличалась красотой и физической силой и славилась среди своего племени мужеством. Оставив войско у границ Гиркании, она прибыла с 300 амазонками в воинском вооружении».

И второй:

«Желая видеть царя, она выступила за пределы своего царства и с недалёкого уже расстояния послала Александру известие, что прибыла царица, страстно желающая видеть его и познакомиться с ним. Она сейчас же получила позволение прибыть. Приказав остальной части своей свиты остановиться и ждать её, она приблизилась в сопровождении 300 женщин; увидев царя, она соскочила с коня, держа в правой руке 2 пики. Одежда амазонок не полностью покрывает тело; левая половина груди обнажена; всё остальное закрыто, но одежда, подол которой они связывают узлом, не опускается ниже колен. Они оставляют только одну грудь, которой кормят детей женского пола, правую же грудь они выжигают, чтобы было удобнее натягивать лук и бросать копье»^[61].

Александр очень быстро привёл к покорности сатрапа Сатибарзана, который тоже сложил оружие, и в обмен на это македонский царь вернул ему правление Арэией, приставив, однако, к нему Анакסיппа, одного из гетайров, с четырьмя десятками гиппаконтистов (конных дротикометателей) для охраны этой страны. Этот милосердный поступок преследовал не только политическую или пропагандистскую цель, но и был

необходим ввиду амбиций второго убийцы Дария — Бесса, который, как сообщили Александру некие персы, «...надел высокую тиару и персидскую столу^[62], называет себя не Бессом, а Артаксерксом и говорит, что он царь Азии. К нему собрались персы, бежавшие в Бактрию, много бактрийцев, и он поджидает прихода скифов-союзников» — так рассказывает Арриан.

Это уже был не мятеж, а узурпация власти. Почуввав опасность и боясь, как бы другие вожди из его штаба не последовали этому дурному примеру, Александр выступил в поход, тем более что он только что узнал об измене сатрапа Сатибарзана.

Преследуя Бесса, который отступал перед бывшим своим господином, Александр всё дальше углублялся в неведомые земли. Стояла осень 330 года до н. э. Александр основал Александрию Арийскую (нынешний Герат в Афганистане), направился к Гиндукушу, покорил Белуджистан, столкнулся с индийскими племенами в ужасных климатических условиях, когда кругом были снег и холод, и к середине декабря достиг Кандагара, где остановился, чтобы перезимовать. Сатибарзан этим воспользовался, чтобы взбунтовать Арейю, усмирённую наместниками Александра. Сатибарзан был убит, его войска разбежались. Бесс остался без важного союзника, в полном одиночестве.

В начале весны 329 года до н. э. Александр со своей армией вошёл в Кабульскую равнину в современном Афганистане и стал подниматься выше в горы, где повсюду лежал снег, было холодно и практически нечего есть. Преследование продолжалось, Бесс убегал, скрываясь в долине Окса (Амударьи). Эта борьба продлилась два года и помешала Александру развить наступление на восток, чтобы завоевать Индию. Бактрия была усмирена, но Александру требовалось любой ценой перейти через Окс, если он хотел захватить Бесса.

«Окс течёт с горы Кавказ; это самая большая река в Азии из тех, до которых доходил Александр со своим войском, кроме индийских: в Индии реки вообще самые большие, — сообщает Арриан. — Впадает Окс в большое море в Гиркании. Александр собирался приступить к переправе и увидел, что переправиться через эту реку нигде невозможно: шириной она была по крайней мере в 6 стадий, а глубина её не соответствовала ширине; она была гораздо глубже, с песчанистым дном и таким сильным течением, что оно легко выворачивало колья, которые загоняли в дно, тем более что они некрепко сидели в песке. Положение особенно затруднял недостаток леса, а подвоз его издалека для сооружения моста потребовал бы очень долгого времени. Александр велел собрать шкуры, из которых были сделаны палатки, набить их самой сухой травой, завязать и зашить так

тщательно, чтобы вода не могла проникнуть внутрь. Эти набитые и зашитые меха оказались вполне пригодными для переправы, и за пять дней войско перебралось с ними на тот берег».

Известие о столь быстрой переправе подорвало боевой дух военачальников Бесса, и два из них, Спитамен и Датаферн, решили сдать его Александру, предварительно сообщив об этом македонскому царю. Но оба заговорщика ещё колебались, и Александр отправил к ним верного Птолемея, который нашёл Бесса в глухом селении, пленённого и под охраной.

Послали гонцов к Александру, чтобы сообщить добрую весть и спросить, в каком виде Бесс должен предстать перед ним. Решив унижить своего врага, Александр «...приказал вести его голым, в ошейнике и поставить справа от дороги, по которой Александр должен был пройти с войском. Птолемей так и сделал».

«Александр, увидев Бесса, остановил свою колесницу и спросил его, почему он Дария, своего царя и к тому же родственника и благодетеля, сначала арестовал и вёз в цепях, а затем убил. Бесс ответил, что поступить так решила вся свита Дария — не он один, рассчитывая таким образом войти в милость у Александра. После этих слов Александр велел бичевать его, а глашатаю разгласить те обвинения, которые он предъявил Бессу в своём допросе. Бесса после этого бичевания отослали в Бактры на казнь».

Эта казнь была изощрённо жестокой: как сообщает Плутарх, «...два прямых дерева были согнуты и соединены вершинами, к вершинам привязали Бесса, а затем деревья отпустили, и, с силою выпрямившись, они разорвали его».

Александр Великий продолжил своё победное шествие по Среднему Востоку в направлении Мараканды (Самарканда). У него засела в голове идея о строительстве грандиозных городов, которые увековечат его имя. Но он столкнулся с военными трудностями, необыкновенно суровыми в горной стране, где в любой момент можно было опасаться смертельной засады. Так и случилось. Как пишет Арриан, «...варвары, живущие по соседству с рекой^[63], захватили и перебили гарнизоны македонских солдат, стоявших по их городам, а города эти стали укреплять ещё больше. В этом восстании приняли участие и многие согдийцы, которых подняли те, кто захватил Бесса; они же привлекли на свою сторону и часть бактрийцев».

Опасаясь всеобщего восстания, Александр приказал своим военачальникам как можно быстрее захватить семь крепостей варваров. Сам он намеревался сломить сопротивление одной из них — Газы, а

Кратеру приказал взять Кирополь^[64], самый крупный город в Согдиане, посоветовав «...разбить лагерь вблизи города, окопать его вокруг, обвести валом и сколотить потребное количество машин; пусть городское население будет поглощено мыслями о войне с Кратером и окажется не в состоянии подать помощь другим городам».

Александр же, «...подойдя к Газе, приказал с ходу брать город приступом, приставив повсюду кругом к его стенам, невысоким и сбитым из глины, заранее изготовленные лестницы. В то время как пехота шла на приступ, пращники, стрелки из лука и дротикометатели сбивали со стен бойцов; летели в них и стрелы с машин. Очень скоро град стрел согнал со стены её защитников; македонцы быстро приставили лестницы и взошли на стену. Всех мужчин перебили — это был приказ Александра, — женщин, детей и прочую добычу забрали себе солдаты. Отсюда он сразу же пошёл на второй, соседний город, который и взял таким же образом и в тот же день; побеждённых ждала та же участь. Александр пошёл к третьему городу и взял его с первого же приступа на следующий день. В это же самое время, пока он занимался со своей пехотой этими городами, он отправил конницу к двум другим соседним городам, приказав никого оттуда не выпускать, чтобы никто не узнал о взятии соседних городов, а также о его скором прибытии, и чтобы, обратившись в бегство, жители от него не ускользнули».

Александр предугадал намерения противника, что говорит о нём как о великом полководце: он умел заглядывать вперёд и становиться на место неприятеля, воображая его будущие планы. Жители ещё нетронутых городов заметили дым пожаров в местах, захваченных македонянами, но когда они пустились бежать, их встретила македонская конница и многих из них перебила.

Александр решил помочь Кратеру под Кипоролем; этот город получил своё название в честь знаменитого Кира, бывшего его основателем. Он мог выдержать осаду, поскольку его стены были не из обожжённой глины, а из камня или других крепких материалов, а крепостные валы поднимались очень высоко. Проницательный Александр увидел, что русло реки, текущей через город, пересохло — готовый путь, ведущий в крепость. Он пробрался этим узким естественным коридором вместе с несколькими воинами, пока основные войска отвлекали на себя внимание жителей, делая вид, будто собираются штурмовать валы.

После этого Александр неожиданно взорвал городские ворота, и его воины смогли войти в город, не встречая сопротивления. Жители Кирополя, видя, что их одурачили, помышляли теперь только об одном:

захватить Александра или, ещё лучше, убить его. Царя Македонии окружала лишь небольшая свита; на него обрушился град камней, бросаемых варварами.

«Один камень с такой силой поразил его в шею, что его глаза застлал туман и он упал, лишившись чувств; войско, конечно, стало его оплакивать, думая, что он погиб, — рассказывает Квинт Курций. — Но будучи непобедимым в том, что устрашает остальных, он, не залечив раны, повёл осаду с ещё большим ожесточением, так как свойственный ему пыл разгорался от гнева».

Зато Кратер и его соратники были ранены дротиками более серьёзно. Однако бой был неравным, и не в пользу жителей Кирополя, которые оказались окружены и массово погибали. Арриан приводит цифру в восемь тысяч варваров, погибших в бою, в то время как ещё десять тысяч укрылись в крепости, осаждённой Александром. Не имея воды, осаждённые были вынуждены сдаться.

Однако положение оставалось опасным для Александра, поскольку осада семи городов, хотя и увенчавшаяся победой, задержала македонян в пути. Скифы этим воспользовались и дошли до Танаиса. Со своей стороны Спитамен осадил Мараканду, и македонский гарнизон этого города оказался в опасности. Александр послал ему на помощь войска, которые его освободили. Успокоившись, Александр решил построить город на берегу Яксарта^[65], который служил бы символической границей между известным и практически неизвестным Востоком, то есть в каком-то смысле обозначал восточный край света.

«Между тем Александр вернулся к берегам реки Танаис и обвёл стенами всё пространство, занятое лагерем, — пишет Квинт Курций. — Стены имели в длину 60 стадиев, этот город он также велел назвать Александрией. Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на семнадцатый день после возведения укреплений были отстроены городские дома. Воины упорно соревновались друг с другом, кто первый кончит работу, ибо каждый имел свою. В новом городе поселили пленников, которых Александр выкупил у их господ». А Арриан добавляет: «Александр занялся задуманным городом; за 20 дней он обвёл его стеной и поселил там эллинских наёмников, тех из соседей-варваров, которые пожелали там поселиться, и тех македонских солдат, которые уже не годились для военной службы. Принеся, как было у него в обычае, жертву богам, он установил празднество с гимнастическими и конными состязаниями».

С другой стороны реки по-прежнему стояли скифы: они дразнили

греков, переходя от провокаций к оскорблениям, и кричали, «...что со скифами он схватиться не посмеет, а то придётся ему узнать, какая разница между скифами и азиатскими варварами».

Раздражённый этими насмешками, Александр решил ответить варварским провокаторам и перебраться через реку. Однако небеса, казалось, были неблагоприятны к этим планам. Александр был недоволен тем, что боги не за него, но в первое время покорился их воле. Скифы, очень довольные его поведением, которое они приняли за трусость, продолжали осыпать воинов Александра градом насмешек и стрел. Всё больше разъярясь, Александр вновь обратился за предсказанием, но знамения по-прежнему были неблагоприятны, и когда Аристандр призвал его к осторожности, тот, не сдержавшись, ответил, что он, победитель почти всей Азии, не потерпит подобных оскорблений от скифов.

Переправа через реку, хотя и не слишком широкую, обернулась настоящей эпопеей:

«Машины по данному знаку стали метать стрелы в скифов, скакавших на лошадях по берегу. Некоторые были ранены; одному стрела пробила насквозь щит и панцирь, и он упал с лошади. Скифы испугались стрел, летящих на такое большое расстояние, и того, что богатырь их убит, и отошли немного от берега. Александр, видя их смятение, начал переправу под звуки труб; он шёл впереди, войско за ним следовало. Он распорядился, чтобы первыми на берег вышли лучники и пращники: они должны были камнями и стрелами удерживать скифов и не давать им приблизиться к выходящим на берег пехотинцам до тех пор, пока не переправится вся конница. Когда все оказались на берегу, он пустил на скифов сначала одну гиппархию чужеземцев и четыре илы солдат, вооружённых сариссами. Скифы встретили их, окружили на своих лошадях, поразили — многие немногих — и скрылись беспрепятственно. Александр ввёл между рядами всадников лучников, агриан и прочих легковооружённых воинов, которыми командовал Балакр, и повёл их на скифов. Когда они сблизились, он приказал трём гиппархиям гетайров и всем конным дротикометателям броситься на скифов. Сам он поспешно повёл остальную конницу, построив её глубокими рядами; теперь взять её в окружение, как раньше, скифы уже не могли: одновременно с нападением конницы, легковооружённые воины, перемешанные со всадниками, не давали скифам возможности увернуться и напасть снова. И тут у скифов началось поголовное бегство. Их пало около тысячи, в том числе один из их предводителей, Сатрак; в плен взято было человек полтора ста. Врага преследовали стремительно, и воины замучились от сильной жары; всё

войско терпело жажду, и сам Александр на скаку пил воду, какая там была. А была эта вода плохой, и у него началось сильное расстройство. Поэтому и не удалось догнать всех скифов; я думаю, что если бы Александр не заболел, то их всех бы перебили во время их бегства. Он же в чрезвычайно тяжёлом состоянии был отнесён обратно в лагерь. Так исполнилось предсказание Аристандра».

Неудавшееся преследование не имело досадных последствий. Царь скифов прислал к Александру послов, чтобы извиниться за поведение шаек разбойников. Александр, озабоченный тем, что происходило под Маракандой, принял извинения варварского правителя и обошёлся с его депутатами благосклонно.

Узнав о подходе греков на помощь гарнизону Мараканды, Спитамен отступил к границам Согдианы и сумел разбить Фарнуха с шестью сотнями конников из числа скифских кочевников на реке Политимет (Зарафшан) и отбить атаку других македонян, явившихся на выручку этому отряду. Александр узнал о череде небольших катастроф, которые могли поставить под угрозу всю его завоевательную стратегию, и форсированным маршем, по своему обыкновению, двинулся вперёд, чтобы застигнуть врасплох Спитамена, вновь осадившего Мараканду. При приближении царя военачальник варваров обратился в бегство. Александр явился на места сражений и поражения своих людей, велел спешно похоронить убитых и отбросил скифов в их пустынные степи: «Повернув оттуда обратно, он опустошил страну, а варваров, скрывшихся в свои крепостцы, перебил, потому что, как ему сообщили, и они участвовали в нападении на македонцев. Он прошёл по всей стране, которую орошает река Политимет <...>. Покончив со здешними делами, Александр прибыл в Зариаспы. Здесь он оставался, пока зима не сломалась». Там и произошла казнь Бесса, о которой мы упоминали выше. Говорят, что перед тем как четвертовать Бесса, ему отрубили нос и уши. В связи с этим Арриан восклицает: «Ни физическая крепость, ни знатность рода, ни военное счастье, даже большее, чем у Александра, ни присоединение Ливии к Азии (Александр думал объехать их вокруг по морю и овладеть ими), ни обладание Европой, Азией и Ливией — ничто не даёт человеку счастья, если этот человек, совершая великие, как кажется, дела, не обладает в то же время умением себя обуздывать».

Можно понять, что Александр, вынужденный на целый год (329) отложить новые завоевания из-за бесславных сражений и битв, из которых он не всегда выходил победителем, был раздражён тем, что его планы оказались сорванными или скомканными.

Зимуя в Бактре (Зариаспе) в 329–328 годах до н. э., он реорганизовал свою армию и привлёк на свою сторону нескольких союзников из местных. Пока его главные военачальники вербовали туземцев, Александр со своей стороны привлекал к себе и умирал людей довольно странным способом, говорящим о широте его взглядов. Вот что пишет Квинт Курций:

«Из числа согдийских пленников к царю были приведены 30 знатнейших, отличавшихся физической силой; лишь только они узнали через переводчика, что по приказанию царя их ведут на казнь, как стали петь весёлую песню и проявлять какую-то душевную радость пляской и весьма причудливыми телодвижениями. Царь, удивившись мужеству, с каким они встречали смерть, велел их вернуть и спросил о причине столь чрезмерного ликования перед казнью. Те ответили, что если бы их казнил кто-нибудь другой, они умирали бы в печали, но, направленные к своим предкам столь великим царём, победителем всех племён, они, распевая свои родные песни и веселясь, празднуют свою почётную смерть, предмет желаний всех храбрецов. Тогда царь спросил: «А не хотите ли вы продолжать жизнь, если я ее вам подарю, но уже не как мои враги?» Те ответили, что никогда не были ему врагами, но стали ими, будучи втянуты в войну. Если кто-либо захотел бы испытать их милостью, а не несправедливостью, то они никому не дали бы превзойти себя в преданности. На вопрос, что будет залогом их верности, они ответили: жизнь, которую они получают из рук Александра и вернут ему, когда бы он её ни потребовал. И они сдержали своё слово. Те из них, кто вернулся домой, удерживали в повиновении народ; четверо, зачисленные в телохранители царя, не уступали в верности царю никому из македонцев».

Во время этой вынужденной остановки в Бактре Александр всеми силами пытался успокоить своё нетерпение. В этом ему сильно помогли его наместники, как всегда, выбранные с умом: «Птолемей и Менид привели наёмников: 3 тысячи пехотинцев и тысячу всадников. Из Ликии пришёл также Александр с таким же числом пехотинцев и с 500 всадниками. Столько же пришло из Сирии с Асклепидором; Антипатр послал 8 тысяч греков, среди них 500 всадников» (Квинт Курций).

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ ОБУСТРАИВАЕТ СВОЮ ИМПЕРИЮ

Главной целью Александра было завоевать Индию, и он не скрывал этого от соратников. Но чтобы продвигаться дальше на восток, он должен был быть уверен в только что покорённых северных провинциях и племенах, проживающих по берегам Окса. За четыре дня он вышел к этой илистой реке. Чтобы не пить грязную воду, воины рыли колодцы — всё напрасно. Зато в самом шатре царя обнаружился источник; утверждают, что он забил внезапно. Не один Александр говорил, что это благодеяние бога...

На самом деле, как подчёркивают многочисленные историки, Александр совершил важнейшее открытие, последствия которого стали понятны только сейчас. Как пишет Плутарх, «Начальник царских спальников, македонянин по имени Проксен, готовя у реки Окс место для палатки Александра, обнаружил источник густой и жирной жидкости. Когда вычерпали то, что находилось на поверхности, из источника забила чистая и светлая струя, ни по запаху, ни по вкусу не отличавшаяся от оливкового масла, такая же прозрачная и жирная. Это было особенно удивительным потому, что в тех местах не растут оливковые деревья. Рассказывают, что в самом Оксе вода очень мягкая, и у купающихся в этой реке кожа покрывается жиром. Как обрадовался Александр этому предзнаменованию, можно видеть из его письма к Антипатру. Он пишет, что это одно из величайших предзнаменований, когда-либо полученных им от божества. Прорицатели же утверждали, что оно предвещает поход славный, но тяжкий и суровый, ибо божество дало людям оливковое масло для того, чтобы облегчить их труды».

Понятно, что бьющее ключом масло — не что иное, как нефть, которая и сегодня составляет главное богатство прикаспийских стран и объект вожделений великих держав начиная с XX века.

Вынужденный совершить новый поход в Бактрию, Александр легко покорил города, занятые восставшими варварами. Тем временем, узнав, что Александр ушёл из Бактрии, Спитамен и «...несколько согдиан, бежавших с ним вместе в землю скифов-массагетов, набрали конный отряд в 600 массагетов и подошли к одной крепостце в Бактрии. Ни фрурарх, ни его сторожевой отряд не ожидали вражеского нападения; солдат перебили; фрурарха взяли в плен и держали под стражей. Ободрённые захватом

крепостцы, они через несколько дней подошли к Зариаспам, но на город напасть не решились и ушли, захватив большую добычу», — сообщает Арриан.

За стенами Зариаспы остались больные и калеки, а также всадники-гетайры. Все выздоравливающие собрались, вооружились, сели верхом и с помощью бактрийских наёмников погнались за массагетами: «Напав на ничего не подозревавших скифов, они в первой же стычке отняли у них всю добычу и перебили немало число похитителей. Возвращаясь в беспорядке обратно, так как предводителя у них не было, они попали в засаду, устроенную Спитаменом и скифами, и потеряли 7 «друзей» и 60 наёмных всадников <...>. Кратер, узнав о случившемся, стремительно пошёл на массагетов. Они, узнав о его приближении, кинулись что было сил бежать в пустыню. Кратер, идя по пятам за отрядом Спитамена, достиг его недалеко от пустыни; с ним было теперь ещё с тысячу всадников-массагетов. Между македонцами и скифами завязалась жаркая схватка; победили македонцы. У скифов пало полтораста всадников. Остальные легко укрылись в пустыне, где македонцы не могли уже их преследовать».

Александр понял, что Артабаз, сатрап Бактрии, уже слишком стар и не может выдерживать натиск врага. Он заменил его Аминтой, приставив к последнему Кена и Мелеагра, а также большое число конников, чтобы обуздать неуёмного Спитамена.

Подкупив скифских конников, Спитамен начал сражение против Кена — страшное, кровавое, но окончившееся победой македонян.

С постоянно ускользающим Спитаменом пора было кончать. Александр пустился за ним в погоню и вскоре оказался неподалёку от его лагеря. В падении Спитамена своеобразную роль сыграла его жена.

«Спитамен пылал безмерной любовью к жене, и она делила с ним все невзгоды, хотя ей трудно было переносить постоянное бегство и изгнание, — рассказывает Квинт Курций. — Измучившись от такой жизни, она непрерывно пускала в ход все женские ухищрения, чтобы заставить мужа прекратить наконец бегство и снискать прощение у победителя-Александра, от которого всё равно нельзя убежать. У неё было от мужа трое взрослых сыновей. Велев им припасть к груди отца, она стала умолять его сжалиться хотя бы над ними, обращаясь с тем более убедительными мольбами, что Александр был близко. Но думая, что жена предаёт его, а не уговаривает и, рассчитывая на свою красоту, хочет при первой возможности отдаться Александру, Спитамен обнажил свой акинак, чтобы заколоть жену, но прибежавшие её братья помешали ему. Как бы то ни было, он приказывает ей уйти с глаз долой, пригрозив убить, если снова

увидит её. Для удовлетворения своей страсти он стал проводить ночи с распутницами, однако отвращение к этим женщинам усилило его прежнюю любовь».

Вернувшись к жене, при условии, что она больше не будет давать ему советов, поскольку «смерть ему легче сдачи», Спитамен устроил пир примирения. Он пил как бочка, много ел и совершенно осовел, так что его, полусонного, пришлось перенести в его покои.

«Жена, убедившись, что он погрузился в глубокий сон, обнажает скрытый под его одеждой меч и обезглавливает мужа; обагрённая кровью, она отдаёт голову своему рабу — сообщнику в преступлении.

В сопровождении его она, как и была в окровавленной одежде, приходит в македонский лагерь и велит сообщить Александру, что принесла известие, которое царь должен узнать от неё лично. Тот сразу приказывает впустить варварку. Увидев её, забрызганную кровью, он подумал, что она пришла жаловаться на насилие, и позволил ей сказать то, что она хотела. Она попросила ввести раба, которому приказала стоять в дверях. Раб, державший под полой голову Спитамена, вызвал подозрение. При обыске он показал, что скрывал. Бескровная бледность так исказила черты Спитамена, что нельзя было достоверно узнать, чья это голова. Итак, царь, услышав, что ему принесли человеческую голову, вышел из покоев, расспросил раба, в чём дело, и всё узнал из его показаний. Разные соображения одно за другим приходили ему в голову. Он понимал значение оказанной ему услуги — убийства перебежчика и изменника, который, если бы остался жив, был бы помехой в его делах. С другой стороны, ему внушало отвращение то, что женщина коварно убила человека, проявлявшего к ней такую любовь, отца их детей. Омерзение, вызванное этим преступлением, взяло всё же верх над благодарностью, и царь приказал сказать ей, чтобы она удалилась из лагеря; он опасался, как бы пример варварской жестокости не повлиял на нравы и податливые характеры греков».

Шёл 328 год до н. э. Историки Древнего мира молчат об этом периоде, узнать, что происходило в это время, невозможно. Выдвигались две гипотезы: либо Александр, прежде чем двинуться к Индии, решил дать своим войскам долгий отдых в Наутаке (Дербент)^[66], либо он почувствовал, что его военачальники, многие из которых были его друзьями детства, начинают плести заговоры против него, и он установил за ними слежку, чтобы нанести удар, как только их козни обнаружатся. Не случайно, что он, не ведя войны, занялся перестановками в административном аппарате, заменив Оксиарта, сатрапа Мидии,

Атропатом, исполнявшим эти обязанности при Дарии. Наверное, он не доверял Оксиарту и больше не верил в его преданность. В Вавилоне скончался Мазей, и его заменил Стамен.

Весной 328 года до н. э. Александр осадил горное гнездо Паратакен (Хисар) и Согдийскую скалу (крепость близ Дербента), которая слыла неодолимой из-за своих неприступных укреплений.

«Говорили, что на эту Скалу бежали жена бактрийца Оксиарта и дочери Оксиарта: Оксиарт спрятал их в этом, как казалось, неприступном месте, потому что и он отпал от Александра, — пишет Арриан. — Если бы эта Скала была взята, то у согдиан, желавших восстать, отнято было бы последнее убежище.

Когда Александр подошёл к Скале, он увидел отвесные, недоступные для штурма стены; варвары навезли туда съестных припасов с расчётом на длительную осаду. Нападал глубокий снег; это затрудняло подступ македонцам и обеспечивало варварам обилие воды. Тем не менее Александр решил брать это место приступом. Высокомерные слова варваров разгневали Александра и подстрекнули его честолюбие. Он предложил им начать переговоры и обещал, что они вернутся домой здоровыми и невредимыми, если сдадут это место. Те с хохотом, на варварский лад, посоветовали Александру поискать крылатых воинов, которые и возьмут ему эту гору: обыкновенным людям об этом и думать нечего. Тогда Александр велел объявить, что первый, кто взойдёт на Скалу, получит в награду 12 талантов, второй получит вторую награду, третий — третью, и так подряд; взошедшему последним причитается и награда последняя: 300 дариков^[67]. Это заявление ещё больше подстрекнуло македонцев, которые и так рвались в бой.

Собраны были солдаты, привыкшие во время осад карабкаться по скалам, числом около 300. Они заготовили небольшие железные костыли, которыми укрепляли в земле палатки; их они должны были вколачивать в снег по тем местам, где снег слежался и превратился в лёд, а там, где снега не было, прямо в землю. К ним привязали прочные верёвки из льна и за ночь подобрались к самой отвесной и потому вовсе не охраняемой скале. Вбивая эти костыли или в землю, где она была видна, или в совершенно отвердевший снег, они подтянулись на скалу, кто в одном месте, кто в другом. Во время этого восхождения погибло около 30 человек, и даже тел их не нашли для погребения: они утонули в снегу. Остальные уже на рассвете заняли верхушку горы; взобравшись туда, они стали размахивать платками в сторону македонского лагеря: так им было приказано Александром. Он выслал глашатая и велел ему крикнуть варварской

страже, чтобы они не тянули дальше, а сдавались, потому что крылатые люди нашлись и уже заняли вершину их горы. И глашатай тут же показал воинов на вершине.

Варвары, потрясённые неожиданным зрелищем, решили, что гора занята гораздо большим числом вполне вооружённых людей, и сдались: так перепугались они при виде этой кучки македонцев. В плен было взято много женщин и детей, в том числе жена Оксиарта и его дети. У Оксиарта была дочь, девушка на выданье, по имени Роксана. Воины Александра говорили, что после жены Дария они не видели в Азии женщины красивее. Александр увидел её и влюбился. Он не захотел обидеть её как пленницу и счёл её достойной имени жены».

Извещённый обо всех этих добрых намерениях, Оксиарт явился к Александру, который принял его со всевозможными почестями и стал его союзником и зятем. Согдиана была почти покорена, а ведь многие годы она была самой мятежной из варварских стран. Но оставалась ещё Скала (крепость) Хориена, находившаяся в руках непримиримых. Эта укреплённая скала была высотой в 20 стадий и окружностью в 60. Александр велел срубить ели и сделать из них лестницы, чтобы спуститься в пропасти, окружавшие крепость. Оттуда, с помощью плетёнок и фашин, соорудили мост, покрыли его землёй и по этому настилу пошли на приступ вершины.

В первое время варвары насмехались над манёврами Александра, но вскоре в них полетели стрелы и дротики, пускаемые македонянами, которые находились в укрытии. Хориен перепугался и отправил гонца к Оксиарту, который посоветовал ему сдаться столь милостивому врагу. Какое-то время продолжались переговоры, но Александр сумел завладеть крепостью и встретиться лицом к лицу Хориена, которому, не держа на него зла, он вернул управление цитаделью и окрестностями. Хориен, накопивший большие запасы провианта, обязался два месяца поставлять армии Александра хлеб, вино и солонину.

Некоторое время спустя Кратер разбил последних упрямец, и Согдиана была покорена навсегда; множество варваров мечтали вступить в войско Александра, который вернулся в Бактрию, чтобы наконец серьёзно заняться подготовкой своего похода в Индию — мечты всей своей жизни.

Однако, как уже говорилось, Александр знал, что его друзья и соратники порой были уязвлены тем, что он, как им казалось, превратился в восточного владыку и милостиво обходится с презренными варварами. Они не понимали этого либеральничанья и политики ассимиляции, брака с Роксаной и представления о мире, установленном на всей земле благодаря

смешению народов и языков, варваров и греков. Всё это вместе образовало бы новую расу и новую цивилизацию, замешенную на эллинизме. Друзья стали выразителями мнения воинов, уставших после стольких битв и побед и тревожащихся оттого, что всё больше и больше удаляются от родины после трёх лет военных походов. Наконец, они были недовольны тем, что их уподобляют царедворцам, лишив права давать Александру советы.

Один заговор сложился осенью 330 года во Фра-де, вскоре после смерти Дария, которая ознаменовала собой поворотный момент в планах Александра, по-прежнему стремившегося завоёвывать земли, лежащие дальше и дальше к востоку, несмотря на колебания его командиров. Полководец Фи-лота, сын Пармениона, гиппарх, то есть состоявший в самом ближнем кругу, уже высмеивал в Египте культ Аммона, отправляемый царём, которого провозгласили там сыном Зевса, и не скрывал своей враждебности к этим обрядам. Соратники разнесли нелюбезные слова Филоты, дошедшие и до ушей Александра.

Дело с этим заговором довольно запутанное. Один из гетайров, Димн, решил убить Александра. Раскрывшие заговор немедленно попросили Филоту предупредить царя. Однако тот не стал этого делать. Димна схватили, он покончил с собой, а Александр примчался в шатёр Филоты, чтобы укорить его за молчание. Тот заявил, что не стал придавать значения тому, что считал пустыми слухами. Александр поверил ему и пригласил вечером на пир. Это не помешало ему созвать совет из своих друзей, среди которых был Кратер. Извечный соперник Филоты в борьбе за благорасположение царя, он уверил Александра, что Филота не раскрыл ему заговор потому, что был его главарём или соучастником. По окончании совета все решили схватить Филоту. На следующий день Александр пригласил его на пир, чтобы тот ничего не заподозрил. Но ещё через день, среди ночи, стража заполонила лагерь, предотвратив всякое сообщение с внешним миром, то есть с Парменионом, отцом Филоты, который мог бы прийти на помощь своему сыну. Передадим слово Квинту Курцию:

«Атаррий с 300 воинов был послан за Филотом и стал ломать запертый вход в его жилище с помощью полсотни храбрейших своих молодцов, остальных он расставил вокруг дома, чтобы Филот не мог уйти через тайный ход. Филот, в сознании своей безопасности или от большой усталости, крепко спал: Атаррий схватил его ещё сонного. Когда он полностью пробудился и был закован в цепи, он сказал: «Жестокость врагов моих победила, о царь, твоё милосердие!» И пока его с закрытой головой вели к шатру царя, он не сказал больше ни слова. На другой день царь приказал всем собраться с оружием в руках. Собралось около 6 тысяч

солдат, кроме того, толпа маркитантов и обозной прислуги наполнила царский шатёр. Вооружённые воины закрывали собой Филота, чтобы толпа не увидела его, пока царь не обратится с речью к солдатам. По древним обычаям Македонии, приговор по уголовным преступлениям выносило войско, в мирное время это было право народа и власть царей не имела значения, если раньше не выявилось мнение масс. Итак, сначала принесли тело Димна, но большинство собравшихся не знало, что он сделал и каким образом погиб».

Александр вышел вперёд, разыграл перед своими воинами комедию горя и ошеломления и произнёс патетическую речь, обличая заговор, жертвой которого он чуть было не стал. Он назвал Пармениона душой этого заговора, а его сына Филоту — главным исполнителем. Эта речь вызвала сопереживание и гнев войска.

Каждый свидетельствовал против Филоты, и Александр заключил: «Несомненно, его молчание скрывает преступные замыслы; страстная жажда царской власти толкнула его на величайшее нечестье. Его отец правит Мидией; сам он имеет благодаря мне большое влияние среди моих полководцев, но домогается большего, чем может охватить. Он смеётся даже над моей бездетностью. Но ошибается Фил от, ибо вы мои дети, родичи и кровные братья; с вами и я не могу быть одинок».

Затем Александр привёл другие, малоубедительные доказательства заговора и добавил: «Вы обычно просите меня, воины, беречь свою жизнь. И вы можете сохранить мне её, посоветовать, что мне делать. К вам и вашему оружию прибегаю я за спасением; я не хочу жить против вашей воли, если же вы хотите этого, то я должен быть отомщён».

Перед этим импровизированным военно-полевым судом предстал Филота со связанными руками, в изношенном плаще, что вызвало у воинов некоторое сочувствие к нему. Кен, женатый на его сестре, громче всех обвинял его. Это было слишком для Филоты, который на какое-то время даже лишился чувств, но потом взял себя в руки и произнёс речь в свою защиту — уже в отсутствие Александра, который незаметно ушёл, что было дополнительным оскорблением для обвиняемого. Вот что он сказал:

«Отсутствует лучший мой судья; я не знаю, почему он сам не захотел выслушать меня, ибо, клянусь богами, выслушав обе стороны, он может как осудить, так и оправдать меня; но не будучи выслушан, я не могу быть заочно и оправдан, раз я уже осуждён им лично <...>. Я должен вернуться к единственному правдивому обвинению, почему я умолчал о сказанном мне. Почему выслушал так беззаботно? Как бы то ни было, но этот проступок, когда я сознался; в нём, ты, Александр, простил, ты дал мне правую руку в

знак примирения, и я был на твоём пиру. Если ты поверил мне, что я очищен от подозрений, если ты пощадил меня, так не меняй же своего решения! Что я сделал прошлой ночью, когда ушёл от твоего стола? Какое новое преступление, сообщённое тебе, заставило тебя изменить решение? Я крепко спал, когда меня, измученного моими несчастиями, разбудили мои враги, чтобы заковать меня. Когда приходил такой глубокий сон к заговорщику и убийце? Преступники не могут спать спокойно, их мучают угрызения совести и терзают фурии, не только когда преступление совершено, но и когда оно ещё только задумано. Меня освободила от страха как моя невиновность, так и твоя правая рука; я не боялся, что ты больше подчинишься жестокости других, чем своему милосердию <...>.

Меня обвиняют даже в том, что я презираю свой родной язык и обычаи Македонии. Итак, я домогаюсь власти над тем, кого презираю! Уже давно мой родной язык вышел из употребления в общении с другими народами: и победителям и побеждённым приходится изучать чужой язык <...>. Я действительно написал, что жалею людей, вынужденных жить под скипетром считающего себя сыном Юпитера <...>. Я признаю, что написал это, но самому царю, а не о царе. Я не хотел возбудить ненависть к нему, а боялся за него. Мне казалось более достойным Александра молча признавать в себе семя Юпитера, чем объявлять о нём во всеуслышание. Но так как все верят оракулу, пусть бог будет свидетелем в моём деле; держите меня в оковах, пока не спросите Аммона, замышлял ли я тайно преступление <...>.

Обвинённые в таких преступлениях обычно приводят на суд родственников. Я потерял недавно обоих братьев, своего отца я не могу привести и не смею даже обратиться к нему, раз он сам обвинён в том же преступлении. Неужели мало того, что он, бывший отцом стольких сыновей, а теперь имеющий в утешение только одного, потеряет и этого последнего, разве только и его положат на мой погребальный костёр? Итак, дорогой отец, ты умрёшь из-за меня и вместе со мной; это я отнимаю у тебя жизнь, я обрываю твои годы. Зачем, скажи, породил ты меня, несчастного, против воли богов? Для того ли, чтобы узнать по моей судьбе и ожидающей тебя? Не знаю, что более достойно сожаления: моя юность или твоя старость. Я погибаю в расцвете сил, у тебя же палач возьмёт жизнь, которую, даже если бы судьба хотела ждать, уже требует от тебя природа <...>.

Парменион, узнав, что врач Филипп приготовил для царя яд, написал ему письмо, чтобы предостеречь его не принимать лекарства, которое медик решил ему дать. Разве поверили моему отцу? Разве это письмо

имело какое-либо значение? Как часто и я сам, сообщая о том, что услышал, подвергался насмешкам за своё легкоеверие. Если нами обоими недовольны, когда мы предупреждаем, и подозревают нас, когда мы молчим, что же нам делать?» И когда один из стоявших поблизости воскликнул: «Не устраивать заговоров против своих благодетелей», Филота ответил: «Ты говоришь правду, кто бы ты ни был. Итак, если я заговорщик, я не прошу избавить меня от наказания и кончаю свою речь, раз мои последние слова показались вам неприятными». И сторожившие его люди его увели.

Суд посовещался и ополчился на Филоту, его требовали предать смерти немедленно, но вернувшийся Александр перенёс собрание на завтра и созвал своих ближайших соратников.

«Почти все предлагали побить Филота камнями по старому обычаю македонцев, но Гестеион, Кратер и Кен настаивали, чтобы от него добились правды пытками, и те, которые раньше советовали другое, склонились к их мнению <...>.

Кратер потребовал, чтобы он подтвердил сказанное под пыткой. Затем его схватили, и пока завязывали ему глаза и срывали с него одежду, он напрасно призывал богов своей отчизны и законы всех народов, обращаясь к тем, кто не хотел слушать. Затем его стали терзать изощрённейшими пытками, ибо он был осуждён на это и его пытали его враги в угоду царю. Сначала, когда его терзали то бичами, то огнём и не для того, чтобы добиться правды, но чтобы наказать его, он не только не издал ни звука, но сдерживал и стоны. Но когда его тело, распухшее от множества ран, не могло больше выдержать ударов бича по обнажённым костям, он обещал, если умерят его страдания, сказать то, что они хотят <...>.

Между тем всадники, все благородного происхождения и особенно близкие родственники Пармениона, как только распространился слух о пытках, которым подвергается Филот, опасаясь древнего македонского закона, по которому родственники замышлявшего убийство царя подлежат казни вместе с виновным, частью покончили с собой, частью бежали в горы и пустыни. Весь лагерь был охвачен ужасом, пока царь, узнав об этом волнении, не объявил, что отменяет закон о казни родственников виновного».

Филоту снова подвергли пытке, и тот был готов сознаться в чём угодно: он заявил, что идея заговора восходит к некоему Гегелоху, другу его отца, и признал, что сам он состоял в заговоре Димна.

Во время последнего заседания военного суда Александр зачитал признания, вырванные у Филоты, и приговорил его к смерти. Несчастливого,

и так уже полумёртвого, доби́ли камнями и дротиками. Александр мог быть спокоен: если бы Фило́та не сознался, армия наверняка восстала бы против такой несправедливости. Македоняне не были глупцами и притворились, будто поверили в виновность Фило́ты. Но они сочувствовали ему и не могли забыть, что Фило́та, участвуя во всех сражениях, проложил царю дорогу в Азию. Они начали задавать себе всё больше вопросов о виновности друга — столь храброго и столь близкого к царю. По лагерю поползли «прелестные» слухи, и Александр, предупреждённый о них, решил положить им конец чудовищной инсценировкой: собрав всё войско, он повелел казнить Александра Линкеста, о котором говорили, будто бы он хотел убить царя. Затем призвали Аминту и Сирмия, поскольку младший из трёх братьев, Полемон, бежал, как только узнал, что Фило́та, подвергнутый пытке, мог оговорить их всех.

Аминта очень умело повёл свою защиту, а два его брата, Атгал и Сирмий, играли на чувствительной струне, напоминая, как они преданно шли за Александром во всех его походах, несмотря на удалённость от родного дома и превратности, связанные с длительными военными кампаниями. Они не отрицали, что были друзьями Фило́ты, заметив при этом царю, что и он был его другом. Тут привели Полемона, сбежавшего брата, и между собравшимися началась дискуссия, причём беглец не пытался уклониться от ответственности. В конце концов воины стали плакать о своих друзьях, чья казнь казалась им близка, и просить царя пощадить «невиновных храбрых мужей». Сами царедворцы поднялись со своих мест и со слезами на глазах умоляли царя о прощении.

«Когда наступило молчание, тот сказал: «Я также своим приговором снимаю обвинение с Аминты и его братьев. Для вас же, юноши, я желаю, чтобы вы скорее забыли об оказанной мною милости, чем помнили о пережитой опасности. Вернитесь ко мне с тем же доверием, с каким я снова принимаю вас».

Затем Александр велел позвать Полидаманта, одного из гетайров. Тот был в полной уверенности, что пришёл его последний час. Но когда Александр велел ему отправиться к Пармениону, чьим близким другом он являлся, и отвезти послание к военачальникам Экбатан — Клеандру, Ситалку и Мениду, чтобы убить отца Фило́ты, тот вздохнул с облегчением, тотчас позабыв, что должен предать друга. Злодеяние свершилось, Клеандр убил Пармениона копьём, которое пронзило ему шею и бок, а остальные растерзали его труп.

Это убийство вызвало ярость в войсках Пармениона, начался бунт. Пришлось им объяснить, что Парменион был умерщвлён по приказу царя,

поскольку был одним из вдохновителей заговора; тогда они успокоились. Но потребовали, чтобы их товарища по меньшей мере погребли как подобает. Клеандр какое-то время этому противился, но, опасаясь их гнева, позволил им похоронить тело, однако отсёк от него голову, чтобы отправить Александру.

Такие казни и суды, предрешённые заранее, случались в царствование всех тиранов. Суд над Филотой сильно напоминает процесс Николя Фуке при Людовике XIV^[68] или знаменитые сталинские процессы, когда подсудимые не имели адвокатов для своей защиты. Он отражает перемену в характере Александра: гуманист, культурный человек, в свою очередь, скатился к мании заговоров, свойственной всем диктаторам, и подозревал даже (и в первую очередь) своих друзей. Он запятнал свою славу позорным кровавым пятном на последующие столетия. Он тоже погряз в самых отвратительных пороках, которыми без удержу злоупотребляют власть имущие. Носитель милосердия в первый и наверняка не в последний раз стал носителем мести, злополучной и ничем не оправданной. Он также попался в когти своры военачальников, которые питали друг к другу взаимную ревность и ненависть и пытались, устраняя порой воображаемых соперников, выглядеть первейшими царскими любимцами. Он угодил в сети царедворцев, которые льстили ему и всеми, даже самыми недостойными, способами старались свалить своих конкурентов. В этом он ничуть не отличался от великих полководцев, завоевателей и диктаторов всех времён и народов, которые тоже проявляли несправедливость из страха перед мнимыми заговорами и из-за психологической изоляции, поскольку власть отрезает обладающего ею от действительности и ослепляет его.

Убийства Филоты и Пармениона не успокоили подозрительность Александра, наоборот, приохотили его к бессмысленной жестокости. В 327 году до н. э. он столкнулся с ещё одним старым другом — Клитом и в очередной раз совершил непоправимое. Вот что рассказывает Плутарх:

«Какие-то люди, приехавшие из-за моря, принесли Александру плоды из Греции. Восхищаясь красотой и свежестью плодов, царь позвал Клита, чтобы показать ему фрукты и дать часть из них.

Клит в это время как раз приносил жертвы, но, услышав приказ царя, приостановил жертвоприношение и сразу же отправился к Александру, а три овцы, над которыми были уже совершены возлияния, побежали за ним. Узнав об этом, царь обратился за разъяснением к прорицателям — Аристандру и лакедемонянину Аристомену. Они сказали, что это дурной знак, и Александр велел как можно скорее принести умиловительную

жертву за Клита. (Дело в том, что за три дня до этого Александр видел странный сон. Ему приснилось, что Клит вместе с сыновьями Пармениона сидит в чёрных одеждах и все они мертвы.) Но Клит не дождался конца жертвоприношения и отправился на пир к царю, который только что принёс жертвы Диоскурам.

В разгаре весёлого пиршества кто-то стал петь песенки некоего Праниха, — или, по словам других писателей, Пиериона, — в которых высмеивались полководцы, недавно потерпевшие поражение от варваров. Старшие из присутствовавших сердились и бранили сочинителя и певца, но Александр и окружавшие его молодые люди слушали с удовольствием и велели певцу продолжать. Клит, уже пьяный и к тому же от природы несдержанный и своевольный, негодовал больше всех. Он говорил, что недостойно среди варваров и врагов оскорблять македонян, которые, хотя и попали в беду, всё же много лучше тех, кто над ними смеётся. Когда Александр заметил, что Клит, должно быть, хочет оправдать самого себя, называя трусость бедою, Клит вскочил с места и воскликнул: «Но эта самая трусость спасла тебя, рождённый богами, когда ты уже подставил свою спину мечу Спифридата! Ведь благодаря крови македонян и этим вот ранам ты столь вознёсся, что, отрёкшись от Филиппа, называешь себя сыном Аммона!»

С гневом Александр отвечал: «Долго ли ещё, негодяй, думаешь ты радоваться, понося нас при каждом удобном случае и призывая македонян к неповиновению?» — «Да мы и теперь не радуемся, Александр, вкушая такие «сладкие» плоды наших трудов, — возразил Клит. — Мы считаем счастливыми тех, кто умер ещё до того, как македонян начали сечь мидийскими розгами, до того, как македоняне оказались в таком положении, что вынуждены обращаться к персам, чтобы получить доступ к царю. В ответ на эти дерзкие речи поднялись друзья Александра и стали бранить Клита, а люди постарше пытались уговорить спорящих. Александр же, обратившись к Ксенодоху Кардийскому и Артемию Колофонскому, сказал: «Не кажется ли вам, что греки прогуливаются среди македонян, словно полубоги среди диких зверей?» Клит не унимался, он требовал, чтобы Александр при всех высказал то, что думает, или же чтобы он больше не приглашал к себе на пир людей свободных, привыкших говорить откровенно, а жил среди варваров и рабов, которые будут поклоняться его персидскому поясу и белому хитону.

Александр уже не мог сдержать гнева: схватив лежавшее около него яблоко, он бросил им в Клита и стал искать свой кинжал. Но так как один из телохранителей, Аристофан, успел вовремя убрать кинжал, а все

остальные окружили Александра и умоляли его успокоиться, он вскочил с места, по-македонски кликнул царскую стражу (это был условный знак крайней опасности), велел трубачу подать сигнал тревоги и ударил его кулаком, заметив, что тот медлит. Впоследствии этот трубач пользовался большим уважением за то, что благодаря его самообладанию весь лагерь не был приведён в смятение. Клита, не желавшего уступить, друзья с трудом вытолкали из пиршественного зала, но он снова вошёл через другие двери, с превеликой дерзостью читая ямбы из «Андромахи» Еврипида:

Какой плохой обычай есть у эллинов...^[69]

Тут Александр выхватил копьё у одного из телохранителей и, метнув его в Клита, который отбросил дверную завесу и шёл навстречу царю, пронзил дерзкого насквозь. Клит, громко застонав, упал, и гнев Александра сразу же угас. Опомившись и увидев друзей, безмолвно стоявших вокруг, Александр вытащил из трупа копьё и попытался вонзить его себе в шею, но ему помешали — телохранители схватили его за руки и насильно унесли в спальню.

Проведя всю ночь в рыданиях, он настолько изнемог от крика и плача, что на следующий день лежал безмолвно, испуская лишь тяжкие стоны. Друзья, напуганные его молчанием, без разрешения вошли в спальню. Но речи их не тронули Александра. Только когда прорицатель Аристандр, напомнив царю о сновидении, в котором ему явился Клит, и о дурном знамении при жертвоприношении, сказал, что всё случившееся было уже давно определено судьбою, Александр, казалось, несколько успокоился.

Затем к нему привели Анаксарха из Абдер и философа Каллисфена — родственника Аристотеля. Каллисфен пытался кроткой и ласковой речью смягчить горе царя, а Анаксарх, который с самого начала пошёл в философии особым путём и был известен своим презрительным отношением к общепринятым взглядам, подойдя к Александру, воскликнул: «И это Александр, на которого смотрит теперь весь мир! Вот он лежит, рыдая, словно раб, страшись закона и порицания людей, хотя он сам должен быть для них и законом и мерою справедливости, если только он победил для того, чтобы править и повелевать, а не для того, чтобы быть прислужником пустой молвы. Разве ты не знаешь, — продолжал он, — что Зевс для того посадил с собой рядом Справедливость и Правосудие, дабы всё, что ни совершается повелителем, было правым и справедливым?» Такими речами Анаксарх несколько успокоил царя, но зато на будущее время внушил ему ещё большую надменность и пренебрежение к законам».

Эта трагедия, произошедшая в Мараканде, совершенно ошеломила македонян, которые с трудом узнавали своего царя, понемногу превращавшегося в жестокого восточного деспота; к тому же вслед за ней произошёл эпизод, вновь посеявший смятение в армии Александра. Конечной целью последнего было вызвать слияние всех завоёванных народов и их ассимиляцию в лоне эллинистической цивилизации. Разумеется, этот революционный проект был непонятен воинам, которые совершили невероятно долгие и трудные военные походы, а теперь должны были относиться к вчерашним врагам как к себе подобным!

С течением времени власть Александра всё более «овосточивалась», а его честолюбивые устремления встать во главе всемирной империи с каждым днём становились всё очевиднее. Он стал фанатиком египетского бога Аммона, которому совершал жертвоприношения в Египте, а теперь чувствовал с ним духовное и религиозное родство. Он намеревался назваться его сыном, позабыв, что его отец был царём Филиппом Македонским и что отказ от него оскорбит чувства многих воинов, крайне привязанных к этому государю и служивших ему: «Восхищаясь обычаями персов и мидян, он сменил одежду и переделал чин дворцового этикета. Тут не требовалось ни льстецов, толкавших его на этот путь, ни таких софистов, как Анаксарх или Агис, эпический поэт, аргивянин», — пишет Арриан.

Один лишь Каллисфен возражал против воздаяния Александру божественных почестей, каких тот требовал. Раздражённый Александр позвал на пир цвет своих друзей и военачальников, не позабыв Анаксарха, который постоянно льстил ему и даже утверждал, что Александр имеет больше прав на божественные почести, чем Геракл и Дионис, поскольку превзошёл их подвиги. Большее подхалимство трудно себе представить.

Самые угодливые из друзей Александра тогда простёрлись перед ним в знак поклонения и совершили особый ритуал, который у греков называется проскинезой^[70]: его полагалось выполнять только перед статуями богов и героев, но не в отношении живых людей. Большинство присутствовавших при этом македонян неодобрительно молчали. Тогда Каллисфен произнёс речь, осудив эту практику:

«Люди <...> провели строгую границу между почестями, которые воздаются людям, и теми, которые воздают богам <...> Александр ведь не вынес бы, если бы частному человеку присвоены были поднятием рук или неправильным голосованием царские почести. Ещё справедливее будут боги в своём гневе на тех людей, которые присваивают себе божеские почести или соглашаются на их присвоение <...>. И самому Гераклу при

жизни его эллины не воздавали божеских почестей и стали чтить его как бога не сразу после смерти, а только потом, по приказу дельфийского бога».

В другой раз Александр, наполнив золотую чашу, пустил её по кругу, передав сначала тем, с кем стоваривался относительно поклонов. Первый царедворец, отпив из чаши, встал, простёрся у ног царя и получил от него поцелуй. Его примеру последовали другие, до того момента, когда Каллисфен подошёл, чтобы поцеловать царя, но не простёрся перед ним. Александр оттолкнул его, и Каллисфен отошёл, сказав, что «потерял лишь поцелуй», но на самом деле он потерял гораздо больше. С тех пор его ненавистники всеми способами старались погубить софиста и обвинили его в том, что он — душа заговора, вошедшего в историю под названием «заговора юношей».

«Ещё Филиппом было заведено, чтобы сыновья знатных македонцев, вошедшие в юношеский возраст, набирались для услуг царю; им поручали прислуживать царю и стоять на страже, когда он спит. Когда царь собирался выезжать, они приводили ему лошадь из конюшни, подсаживали его по персидскому обычаю, принимали участие в охотничьих состязаниях. В числе этих юношей находился и Гермолай, сын Сополида; он, по видимому, занимался философией и поэтому с уважением относился к Каллисфену. Рассказывают, что когда на охоте кабан нёсся прямо на Александра, Гермолай метнул в него копьём, раньше Александра. Кабан упал; Александр упустил момент, но рассердился на Гермолая; в гневе приказал он высечь его на глазах остальных юношей и отнял у него лошадь.

Этот Гермолай, страдая от полученного оскорбления, сказал Сострату, сыну Аминты, своему сверстнику и другу, что он не сможет жить, если не отомстит Александру за оскорбление. Сострата он легко убедил помочь ему: тот любил его. Они привлекли на свою сторону Антипатра, сына Асклепиодора, сирийского сатрапа, Эпимена, сына Арсея, Антиклея, сына Феокрита, и Филоту, сына фракийца Карсида. Сговорились в ту ночь, когда очередь держать ночную стражу дойдёт до Антипатра, убить Александра, напав на сонного». Но Александр в ту ночь пьянствовал до утра.

Согласно версии, поддерживаемой Аррианом, одна сириянка, умевшая пророчествовать, просила Александра не возвращаться всю ночь в свой шатёр и тем спасла ему жизнь.

«Александр, считая, что это указание свыше, вернулся, продолжая пировать, и таким образом дело юношей провалилось.

На следующий день Эпимен, сын Арсея, один из участников заговора, рассказал обо всём Хариклу, сыну Менандра, своему другу. Харикл

рассказал Эврилоху, брату Эпимена. Эврилох пошёл в палатку Александра и изложил всё Птолемею, сыну Лага, телохранителю. Тот рассказал Александру. Александр велел схватить всех, чьи имена были названы Эврилохом. Их пытали, и они раскрыли весь свой заговор и назвали ещё несколько человек. Аристокбул говорит, что они назвали Каллисфена, как человека, внушившего им этот дерзкий замысел. И Птолемей говорит то же».

Другие историки утверждают, что Александр просто ухватился за хороший предлог, чтобы обвинить в заговоре философа, которого он ненавидел со времён инцидента с проскинезой, и связь софиста с Гермолаем лишь усилила эту ненависть. Правда, Каллисфен позволил себе крайне неосторожные высказывания. Как рассказывает Плутарх, «...враги утверждали, будто на вопрос Гермолая, как стать самым знаменитым, Каллисфен ответил: «Для этого надо убить самого знаменитого». Клеветники говорили, будто Каллисфен подстрекал Гермолая к решительным действиям, убеждал его не бояться золотого ложа и помнить, что перед ним человек, столь же подверженный болезням и столь же уязвимый, как и все остальные люди».

По словам Арриана, «Гермолай, когда его поставили перед собранием македонцев, заявил, что он действительно составил заговор — свободному человеку невозможно терпеть дерзостное самомнение Александра — и он перечислил всё: несправедливую казнь Филоты и уже совсем незаконное уничтожение заодно с ним и его отца, Пармениона, и других людей; убийство Клита, совершённое в пьяном виде; мидийскую одежду; непрекращающееся обсуждение того, как ввести в обиход земные поклонны; попойки Александра, сменяющиеся сном. Он не в силах был переносить это и захотел освободить и остальных македонцев».

«Всё же никто из заговорщиков даже под самыми страшными пытками не назвал Каллисфена виновным, — продолжает Плутарх. — И сам Александр вскоре после этого написал Кратеру, Атгалу и Анкету, что мальчишки во время пыток брали всю вину на себя, уверяя, что у них не было соучастников. Позднее, однако, в письме к Антипатру Александр возлагает вину и на Каллисфена: «Мальчишек, — пишет он, — македоняне пбили камнями, а софиста я ещё накажу, как, впрочем, и тех, кто его прислал и кто радушно принимает в своих городах заговорщиков, посягающих на мою жизнь».

По утверждению Аристокбула, Каллисфена вели в цепях позади войска, он заболел и умер. По словам Птолемея, его пытали и распяли. Мнения расходятся так сильно, что один из историков даже утверждает, что

Каллисфен умер естественной смертью в тюрьме, разжирев. Верно лишь одно: смерть Каллисфена положила конец спорам о проскинезе.

С тех пор, дав понять, что отныне он станет править железной рукой, Александр мог устремиться к своей заветной мечте — Индии, которую он хотел завоевать, чтобы достичь границ известного мира и объединить в одну эллинистическую империю Грецию и весь Восток, а затем повернуть на Запад и осуществить там те же замыслы и свершить те же подвиги.

В ИНДИЮ — СКАЗОЧНУЮ И НЕВЕДОМУЮ

В глазах древних греков Индия оставалась некоей сказочной страной; путешественники и купцы, даже во времена Александра Великого, наверняка сообщали о ней сведения всегда противоречивые, которые к тому же было сложно проверить. Арриан посвятил Индии сочинение, в котором можно прочесть, что эта область простирается к востоку от реки Инд и населена индами. Он очерчивает границы этой Индии: на севере она проходит по Таврским горам, Кавказу и их отрогам, на западе — по Инду, завершающемуся дельтой, которую Арриан называет Паталой, на юге и на востоке омывается океаном. Другие учёные-географы после царствования Александра Македонского пытались определить площадь этого огромного участка суши — как можно догадаться, довольно причудливым способом.

Короче, познания Александра Великого и его военачальников об Индии были более чем скудными. Ориентирами им служили реки Инд и Ганг, существование и направление которых было им известно, а также их многочисленные притоки. Знали они и о том, что Индия весьма густо населена, что летом там сезон дождей из-за знаменитых муссонов и что её население поделено на касты.

«Почти вся Индия обращена на восток; в ширину она протянулась менее, чем в длину, — повествует Квинт Курций. — В областях, открытых южному ветру, возвышаются горы, остальные части равнинные; через их поля протекает много известных рек, берущих начало в Кавказских горах. Инд холоднее других рек, его вода мало чем отличается по цвету от морской. Ганг, самая большая на востоке река, течёт на юг и своим прямым руслом пересекает хребты больших гор, затем вставшие на дороге утёсы отклоняют его течение на восток. Когда Инд подходит к Красному морю, он размывает берега, уносит много деревьев с большим количеством земли, но, встречая на пути скалы, часто меняет своё направление. Там, где река встречает более мягкую почву, она растекается и образует острова».

Тот же автор описывает и другие реки и протоки, а также подробно останавливается на контрастном климате Индии. И далее:

«Разумеется, море, омывающее Индию, по цвету не отличается от других; его называют по имени царя Эритра: вот почему невежды думают, что вода в этом море красная^[71]. Страна богата льном, из которого сделана

одежда большинства индов. На тонком древесном лыке можно писать, как на бумаге. Есть там птицы, умеющие подражать человеческому голосу. Встречаются породы зверей, известные другим народам только по привезённым к ним экземплярам. В этой стране пасутся носороги, которые приходят из других мест. Индийские слоны сильнее тех, которых приручают в Африке; их силе соответствует и величина. Золото находится в реках, спокойные воды которых текут медленно и ровно. Море выбрасывает на берега драгоценные камни и жемчуг <...>. У индов, как везде, природные условия определяют характер людей. Они носят длинную до пят одежду из лёгкой материи, на ногах обувь, голову повязывают платками; в ушах висят драгоценные камни, особенно знатные и богатые туземцы украшают руки от кисти до плеча золотом. Волосы они чаще причёсывают, чем стригут; подбородок никогда не бреют; остальную кожу лица начисто выбривают до полной гладкости.

Царская роскошь, которую они сами называют великолепием, превосходит испорченные вкусы всех народов. Когда царь изволит показаться народу, его слуги наполняют воздух благовонием из серебряных кадилниц на протяжении всего пути, по которому царь приказывает себя нести. Он возлежит на золотых носилках, обвешанных жемчугом; его полотняная одежда заткана золотом и пурпуром, за носилками следуют вооружённые телохранители. Между ними несут на ветках птиц, обученных развлекать своим пением царя даже во время его серьёзных занятий. В царском дворце стоят покрытые золотом колонны, их обвивают сделанные из золота виноградные лозы. Есть там и искусно сделанные из серебра птицы, восхищающие своей красотой. Царский двор открыт для приходящих тогда, когда царю расчёсывают и убирают волосы; в это время он даёт ответы послам, творит суд над подданными. Царю снимают сандалии и натирают ноги благовониями. Весь труд на охоте состоит в том, что под пение и молитвы наложниц царь бьёт зверей, содержащихся в зверинце... В недалёкий путь царь отправляется на коне; если путешествие продолжительно, то повозку везут слоны, и эти громадные животные сплошь украшаются золотом. И как бы для того, чтобы полностью показать испорченность нравов, за царём тянется длинная вереница наложниц в золотых носилках. Эта свита едет отдельно от царицыной, но с такой же роскошью. Женщины готовят еду, они же подают вино, а его все инды пьют очень много. Когда царь заснёт от вина, наложницы относят его в покои, призывая традиционной песней ночных богов.

Кто поверит, что среди этой испорченности может быть любовь к мудрости? Но есть у них один род людей, диких и грубых, которых

называют мудрецами. Они считают прекрасным предупреждать уготованный судьбой конец. Кто отягчён годами или страдает от болезней, приказывает сжечь себя заживо. Позорно, по их мнению, жизнь в ожидании смерти, и тела тех, кто умер от старости, хоронятся безо всяких почестей; они полагают, что огонь оскверняется, если он сжигает уже не дышащих. Те же, что проживают в городах, хранят общественные обычаи, искусно наблюдают движение звёзд и предсказывают будущее, они думают, что тот, кто ожидает в страхе день своей кончины, только приближает его. Они признают божественным всё, за чем ухаживают, особенно деревья, порча которых наказывается казнью».

Понятно, что, исходя из подобных сведений, Индия казалась древним более сказочной, чем реальной страной, континентом, будящим мечты, в частности, о своих несметных сокровищах, принадлежащих зачастую соперничающим государствам, о которых Александр также имел кое-какое представление, в том числе о их конфликтах — не только на национальной, но и на религиозной почве. Как потомок Геракла и Диониса, которые оба достигли океана, обозначавшего край света, Александр просто обязан был пойти по их стопам и повторить их легендарный путь.

Помимо алчности, Александром двигало стремление проложить новые торговые пути или по меньшей мере укрепить уже существующие, чтобы не только завладеть богатствами легендарного Востока, но и превратить их в неисчерпаемый источник доходов, благ и земель. Не следует недооценивать и его любознательности, побуждавшей его бросить свою армию за пределы известных территорий. Он не побоялся взять с собой свою жену Роксану, что доказывает, что он не считал этот поход таким уж опасным, а главное, безрассудным, как утверждали его воины и друзья.

Весной 327 года до н. э. он разработал в своей ставке в Бактре план похода и вторжения. Ему пришлось реорганизовать свою армию, и теперь под его началом были не те люди, которые помогли ему одержать предыдущие победы. Убитых и раненых надо было заменить. На таком удалении от Греции государь не мог, как раньше, обеспечить им смену проведением мобилизации на Пелопоннесе и в Македонии, ходя до 327 года до н. э. к Александру с необыкновенной регулярностью, доказывавшей превосходную военную организацию его похода, присылали подкрепления, чтобы восполнить потери и обеспечить смену гарнизонам занятых городов.

Как и все завоеватели, Александр был вынужден использовать наёмников из покорённых земель, например мидян, и приспособляться к их вооружению и тактике. Таким образом в его армии появилось ещё больше конных дротикометателей и лучников. В свой штаб, в который

изначально входили вернейшие из вернейших, он теперь ввёл персов. Знаменитую конную дружину гетайров разбили на более мелкие и подвижные отряды, а прославленная македонская фаланга отныне составляла ядро сплочённой пехоты, но, в свою очередь, подразделялась на отряды — столь же дисциплинированные и агрессивные, но более гибкие.

Штаб Александра не изменился. Царя окружали близкие и друзья, однако он призвал к себе сатрапа Неарха, почувствовав, что этот человек, обладавший военным талантом и умом, а также легендарным хладнокровием, сможет ему пригодиться. И, как мы увидим, оказался прав.

Летом 327 года до н. э. Александр со всеми войсками выступил в Индию, отделив только десять тысяч человек пехоты и три с половиной тысячи конников под командованием Аминты, чтобы обеспечить себе надёжный тыл в Бактрии, всегда готовой взбунтоваться. Он вновь перешёл через Гиндукуш, за десять дней переправился через Кавказ и добрался до Александрии, основанной им в земле парапамисадов, в надежде, что она станет его базой для похода в Индию. Сознывая стратегическую роль этого города, он сместил гиппарха Ней-локсена, плохо справлявшегося со своими обязанностями, и заменил его одним из своих близких соратников, Тириаспом, назначив того «сатрапом в земле парапамисадов и во всей области вплоть до реки Кофена», как сообщает Арриан.

Пройдя через Никею, он принёс жертвы богине Афине Палладе. Войска отдохнули какое-то время в этом городе, а Александр через глашатая связался с сыном Таксила, одного из индийских правителей, и с народом анактов, прося их присягнуть ему на верность. Правитель и его народ не заставили себя упрашивать и даже подарили Александру 25 слонов — редкий дар.

Во время этой передышки Александр «довёл до ума» план похода. Он разделил своё войско надвое. Первая половина, из греческих воинов, будет под началом Горгия, Клита Белого и Мелеагра; половина гетайров и все наёмники будут отданы под командование Гефестиона и Пердикки, посланных в земли певкелаотов. «Он велел им все земли, лежащие на их пути, или покорять силой, или присоединять на договорных началах, а придя к Инду, приготовить всё для переправы через реку». С обоими военачальниками отправились также Таксил, его сын и другие князья анактов. «Придя к Инду, они сделали, как приказал им Александр. Астис, князь Певкелаотиды, затеял восстание, погиб сам и погубил город, в который бежал. Воины Гефестиона взяли его после тридцатидневной осады. Сам Астис погиб, а управление городом было поручено Сангаю, который ещё раньше перебежал от Астиса к Таксилу: это внушило

Александр доверие к нему».

Александр возглавил вторую половину войска, состоявшую из щитоносцев, гетайров, лучников, агриан и конных дротикометателей. Эту мощную армию он направил на племена долин и гор — аспасиев, гуреев и ассакиенов. Покорить эти народы, не признававшие над собой никакой власти, особенно чужеземной, было нелегко. «Пройдя горной трудной дорогой вдоль реки, называемой Хой, и с трудом переправившись через неё, он приказал всей пехоте следовать за ним обычным маршем; сам же, взяв всю конницу и посадив на лошадей около восьми сотен македонцев-пехотинцев (щиты, какие носила пехота, они оставили при себе), стремительно двинулся вперёд, так как ему донесли, что местные варвары бежали в окрестные горы и в свои города, откуда можно было с успехом отражать врага».

Александр был ранен в плечо стрелой, но панцирь помешал ей войти глубоко; ранены были также Птолемей и Леоннат.

«Он расположился лагерем у города с той стороны, где стена казалась наиболее доступной. На следующий день перед рассветом македонцы без труда овладели первой, не очень тщательно сложенной стеной (город был обведён двумя стенами); за второй варвары некоторое время держались, но когда лестницы были уже приставлены и воинов на стене со всех сторон поражали стрелы, они не устояли и бросились через городские ворота в горы. Часть их погибла во время бегства; взятых в плен македонцы всех перебили в гневе за рану Александра. Многим, однако, удалось скрыться в горах: горы отстояли недалеко от города».

Поддерживаемый конницей, Александр пошёл на аспасиев и стал лагерем перед их городом, который они подожгли и сбежали в горы. Александр преследовал их и устроил большую резню. Его друг Птолемей, чья храбрость вошла в пословицу, заметил на холме вождя варваров. Бросив коня, он решил подняться пешком и сразиться с ним. Индиец, окружённый своими людьми, направился к нему и ударил в бедро. Начался поединок. Птолемей вышел из него победителем. Он смертельно ранил индийца и забрал его оружие. Лишившись вождя, некоторые варвары бежали, но другие, не желавшие оставлять доспехи своего командира в руках врага, примчались и начали кровавый бой вокруг трупов. Видя, что Птолею приходится туго, воины Александра пришли к нему на помощь и обратили варваров в бегство. Перевалив через горы, они увидели перед собой город Аригей, покинутый и подожжённый его обитателями. Этот город имел стратегическое значение, поэтому Александр поручил его заботам Кратера, который велел его отстроить и заселить мужчинами и

женщинами из соседних областей, а также ветеранами своей армии, ранеными или слишком старыми, чтобы сражаться.

Тут произошёл многозначительный эпизод, доказывающий, что Александр не отрёкся от идеологии панэллинизма, толкнувшей его на новые завоевания, и от пользы, которую он мог извлечь из неё в плане пропаганды. Между Кофеном и Индом стоял город Ниса, основанный, по легенде, неким Дионисом. Кем был этот Дионис и когда он отправился воевать в Индию? Пришёл ли он из Фив или с лидийского Тмола? Ему пришлось пройти через земли самых воинственных народов, тогда ещё неведомых грекам, почему же он покорил только индийцев? Не следует копать слишком глубоко, когда речь идёт о богах. Самые невероятные рассказы перестают быть таковыми, если описываемые события происходили с божествами.

«Когда Александр подошёл к Нисе, нисейцы выслали к нему своего правителя, именем Акуфиса, I и с ним посольство из 30 самых знатных горожан просить Александра оставить город во власти бога. Послы, войдя к Александру в палатку, застали его сидящим, всего в пыли с дороги; он не снял ещё вооружения: на голове у него был шлем, а в руке он держал копье. Испуганные его видом, они упали на землю и долго молчали. Александр поднял их, велел успокоиться, и тогда Акуфис повёл такую речь: «Царь, нисейцы просят тебя оставить их свободными и независимыми из благоговения к Дионису. Дионис, покорив индов, пошёл обратно к эллинскому морю, а для своих воинов, которые не могли уже нести военной службы (они же являлись и вакхантами его), основал этот город, чтобы он напоминал грядущим поколениям о его странствиях и его победе. Так ведь и ты основал одну Александрию у горы Кавказ и другую в земле египетской; много и других уже основано тобой и ещё будет основано со временем, так как ты совершил дела большие, чем Дионис. Город же этот Дионис назвал Нисой, а землю нисейской по своей кормилице Нисе. Гору же, находящуюся вблизи города, он наименовал Мером, потому что, по сказанию, выносил его в своём бедре Зевс. С того времени Ниса свободный город; мы пользуемся независимостью; в городе у нас порядок и благочиние. И вот тебе ещё доказательство того, что он создание Диониса: плюща в индийской земле нигде нет: он растёт только у нас».

Всё это выслушать было приятно Александру; ему хотелось, чтобы сказания о странствиях Диониса оказались правдой; хотелось, чтобы Ниса была действительно созданием Диониса: оказалось бы ведь, что он уже пришёл туда, куда доходил Дионис, и пойдёт ещё дальше, чем Дионис, и македонцы, соревнуясь в подвигах с Дионисом, не откажутся, конечно, и

дальше разделять его труды. Он даровал жителям Нисы свободу и независимость; ознакомился с их законами; узнав, что городом правят лучшие мужи, одобрил это и потребовал, чтобы ему прислали всадников человек 300, а из членов правительства (их было 300 человек) 100 наилучших. Акуфис, которого он поставил гиппархом нисейской земли, должен был отобрать эту сотню. Рассказывают, что Акуфис, выслушав этот приказ, улыбнулся, и Александр спросил его, чему он смеётся. «Царь, — ответил Акуфис, — может ли город, лишившись сотни хороших граждан, сохранить хорошее управление? Если ты думаешь о нисейцах, то возьми с собой 300 всадников, а если тебе угодно, то и больше; вместо же сотни первых людей, которых ты велишь отобрать, возьми вдвое больше последних, чтобы, по возвращении своём, ты застал наш город в таком же порядке и благочинии, в каком он сейчас».

Александр ушёл по нраву этот осторожный, но мудрый совет, и он ограничился тремястами всадниками. Акуфис прислал к нему своего сына и внука.

«Александр очень захотелось увидеть то место, где, как горделиво заявляли нисейцы, всё напоминало о Дионисе. Он взшёл на гору Мер с всадниками-«друзьями» и агемой пехотинцев и увидел, что гора сплошь заросла плющом, лавром и всякими деревьями, которые давали густую тень; водилось тут и всяческое зверьё. Македонцы с радостью глядели на плющ, давно ими не виденный (в земле индов нет плюща даже там, где растёт виноградная лоза); они усердно принялись плести из него венки, тут же увенчали себя ими и воспевали Диониса, называя его по имени и наделяя всеми прозвищами. Александр тут же принёс жертву Дионису и сел пировать с друзьями. Некоторые сообщают (если только можно этому верить), что многие из бывших тут с ними почтенных македонцев были охвачены Дионисом: увенчав себя, они стали взывать к нему; воспели «эвое!» и вели себя как вакханты».

Предоставив своим воинам возможность развлекаться и пировать, Александр Великий, почувствовавший, что они не горят желанием продолжить военный поход, снова сделался популярен и мог рассчитывать на их преданность. Он выступил в путь со своим войском, ещё находившимся в приподнятом настроении после попок и пирушек, чтобы победить ассакенов, поджидавших его с тридцатью тысячами пехотинцев, двумя тысячами всадников и тремя десятками слонов. Силы внушительные, и Александр призвал на помощь Кратера, тяжелооружённую пехоту и осадные машины.

Александр и Кратер углубились на вражескую территорию, не

встречая сопротивления, переправились через реку Хоасп, глубокую и с быстрым течением: люди и лошади оскальзывались на гальке. Варвары отступали без боя и запирались в своих городах. Тогда Александр направился к столице — Масагам, которой правила Клеофис, мать варвара, убитого Птолемеем, помышлявшая только о мести. 30 тысяч пехотинцев противостояли осаждающим их македонянам. Несколько штурмов не принесли результатов. Навели мосты, но они обрушились под весом воинов. Александр снова был ранен:

«Александр осматривал эти укрепления и не знал, на что решиться: заровнять пропасти можно было, только засыпав их, а без этого нельзя было подвести к стенам метательные орудия, — рассказывает Квинт Курций. — В это время кто-то со стены ранил его стрелой. Стрела вонзилась царю в икру; выдернув её наконечник, он приказал подвести коня; и, даже не перевязав раны, он верхом на коне без промедления продолжал начатое дело. Однако раненая нога была навесу, кровь запеклась, и от холода рана стала болеть сильнее; царь, как передают, сказал, что он хотя и называется сыном Юпитера, но всё же чувствует страдания своего больного тела. И всё же он не возвращался в лагерь до тех пор, пока не осмотрел всего и не указал, что надо делать».

Собравшись с силами, Александр велел пробивать стены машинами:

«Движущиеся башни особенно устроили их, так как они не знали такого рода сооружений и полагали, что такие громадины движутся без какой-либо видимой помощи людей, но по воле богов. Они не могли поверить, что смертные могут метать стенобитные копья и тяжёлые брёвна, выпускаемые из машин».

Варвары вскоре отступили под защиту цитадели — сердца всего укрепленного города. Но сопротивление осажденных дрогнуло перед жесточением македонян, и они отправили к Александру посла, чтобы обговорить условия капитуляции. Тот принял её, если мужчины согласятся служить в его армии. Они как будто были согласны на это условие, но с наступлением ночи бежали, чтобы не поднимать оружия против соотечественников. В отместку Александр окружил их и перебил всех до единого. Потом вступил в Масаги, принял царицу Клеофис с многочисленной свитой из знатных женщин, которые пили вино из золотых кубков. «Сама она повергла маленького сына к коленям царя и получила не только прощение, но и сохранение прежнего почётного положения: она была признана царицей. Некоторые считали, что это было скорее данью её красоте, чем состраданием. Во всяком случае, у сына, потом родившегося у неё, было имя Александр».

Однако это была ещё не победа, другие города сопротивлялись, и Александр отрядил Кена с войсками для осады Базир, а Аттала, Алкета и Деметрия Гиппарха отправил в город Оры. Кену никак не удавалось сломить сопротивление защитников Базир, и Александру пришлось прийти на помощь трём своим военачальникам, чтобы победно завершить осаду Ор и захватить находившихся там слонов. Узнав о поражении союзников, жители Базир ночью покинули город и вместе с другими варварами укрылись на утёсе Аорн — неприступном и овеянном легендами. «Рассказывают, что Геракл в древности осаждал эту крепость и снял осаду по причине сильных землетрясений и других знамений. — сообщает Диодор Сицилийский. — Этот рассказ только усилил у Александра желание осадить твердыню и состязаться с божеством в славе». Арриан добавляет: «В окружности она, говорят, имеет по крайней мере 200 стадий; высота её в самом низком месте равна 11 стадиям; единственная дорога, ведущая к ней, проложена человеческими руками и очень трудна. На верху Скалы бьёт ключ, в изобилии дающий чистую воду; есть лес и превосходная пахотная земля, которая, будучи обработана, может прокормить тысячи людей».

Отдав своим главнокомандующим приказания, чтобы те перекрыли все входы и выходы из этой области и из захваченных городов, Александр продолжил своё завоевание: возглавил лучников, агриан, отряд Кена, 200 гетайров, 200 конных дротикометателей, самых быстроногих и хорошо вооружённых воинов из фаланги и направился с ними к утёсу, заняв выгодную позицию. На следующий день он подступил ближе. Местные жители пришли сдаться ему и показали дорогу, по которой легче будет атаковать. Александр отдал их под начало Птолемея. Тот не без труда добрался до вершины и разжёг костёр, чтобы указать Александру, где он находится. Варвары бросились на Птолемея, который с превеликим трудом отбивал их натиск. Благодаря одному индийскому перебежчику, которому Александр поручил отнести своё послание Птолемею, царь овладел этой скалой после тяжёлых боёв, не всегда оборачивавшихся в его пользу. Но он проявил упорство и перебил множество варваров, а другие в страхе попадали в пропасть. «Царь, оказавшись победителем скорее над местной природой, чем над врагами, создал впечатление большой победы, устроив богатые жертвоприношения и другие религиозные церемонии. На скале были сооружены алтари Минерве и Победе», — пишет Квинт Курций.

Охрана горы и прилегающей к ней области была поручена индийскому князю Сисокосту. Александр же мог направиться к Инду, хотя его и доносили летучие отряды варваров. Попутно он узнал от пленных, что где-

то рядом пасутся брошенные слоны. «Многие инды охотники за слонами; Александр охотно взял их к себе и пошёл с ними на ловлю слонов. Двое слонов погибло, бросившись с крутизны от преследователей; остальных поймали, сели на них и пригнали к войску. По реке нашёл он и строевой лес; солдаты срубили его. Были построены корабли, и на них поплыли вниз по Инду к мосту, который давно уже построили ему Гефестион и Пердикка», — продолжает рассказ Арриан. Царь встретился со своими друзьями весной 326 года до н. э.

Омфис, ставший Таксилем после смерти своего отца — индийского князя, примкнувшего к Александру, — также подарил вождю македонян небольшие суда и две триаконтеры^[72], чтобы его армия скорее могла переправиться через реку. Вверив себя под покровительство Александра, он подарил ему 200 талантов серебра, 3 тысячи быков, 10 тысяч баранов и 30 слонов. К этим роскошным и полезным подаркам он добавил 700 всадников из наёмной индийской конницы и передал через посла ключи от своей столицы, расположенной между Индом и Гидаспом.

«Радуюсь простодушию варвара, царь протянул ему правую руку в знак своего доверия и возвратил ему его царство, — пишет Квинт Курций. — На вопрос Александра, кого больше в Индии, земледельцев или воинов, Омфис ответил, что ему, воюющему с двумя царями, нужно больше воинов, чем сельских жителей. Двумя царями были Абисар и Пор, причём последний был могущественнее. Оба они царствовали за рекой Гидаспом, и оба решили испытать свою судьбу, кто бы ни шёл на них войной. С позволения Александра Омфис принял знаки царской власти и, по обычаю своего народа, имя своего отца; соотечественники назвали его Таксилем, и это имя оставалось за всеми вступавшими на престол. Омфис в течение трёх дней оказывал гостеприимство Александру, а на четвёртый объявил, сколько хлеба предоставил войску Гефестиона; царю и его приближённым он поднёс золотые венцы, а кроме того, 80 талантов чеканного серебра. Александр удивился и обрадовался его щедрости, но отослал обратно всё, что Омфис ему поднёс, прибавив тысячу талантов из добычи, которую он вёз с собой, и разные пиршественные золотые и серебряные сосуды, очень много персидской одежды, 30 своих собственных коней со сбруей, надевавшейся на них, когда ездил сам царь. Эта щедрость обязала варвара, но также задела приближённых Александра. Один из них, Мелеагр, изрядно выпив на пиру, поздравил Александра с тем, что тот всё-таки нашёл в Индии человека, достойного тысячи талантов. Царь, не забыв, как тяжело он перенёс убийство Клита за невоздержанный язык, подавил гнев, однако сказал, что завистливые люди создают большие мучения прежде

всего самим себе».

Понимая, насколько устали его воины, Александр дал им месяц на отдых, принёс жертвы богам, устроил гимнастические и конные состязания и убедился, что знамения благополучны, а стало быть, он может продолжить свои завоевания.

Переправившись через Инд, он пришёл в Таксилы — богатый и густонаселённый город, один из самых больших городов между Индом и Гидаспом. «Таксил, князь города, и тамошние инды приняли его дружественно. Александр дал им окрестной земли, сколько они хотели», — пишет Арриан, а Квинт Курций добавляет: «На следующий день к царю явились послы Абисара. Они передали, как им было поручено, всё его власти; дав им клятву, послов отпустили к их царю. Александр, считая, что слава его имени может склонить Пора к сдаче, отправил Клеохара объявить Пору, что тот должен уплатить дань и встретить царя у границы своего государства. Пор ответил, что лишь одно из этих требований будет исполнено: он встретит вступающего в его страну царя, но сделает это с оружием в руках».

Как много позже Бонапарт в Египте, Александр вёл с собой учёных, картографов, географов, историков, ботаников и пр. Известно также, что он и сам интересовался культурой народов, населявших земли, по которым он шёл. Некоторые из эллинских учёных даже беседовали с монахами гимнософистами, не покорившимися македонской оккупации и зачастую становившимися во главе восстаний туземцев. С десятков из них взяли в плен и привели в лагерь Александра.

Царь, с детства обожавший интеллектуальные диспуты, знал, что гимнософисты славятся краткостью и меткостью своих ответов на всякого рода вопросы. Началась ужасная игра:

«Александр предложил несколько трудных вопросов, объявив, что того, кто даст неверный ответ, он убьёт первым, а потом — всех остальных по очереди. Старшему из них он велел быть судьёй. Первый гимнософист на вопрос, кого больше — живых или мёртвых, ответил, что живых, так как мёртвых уже нет. Второй гимнософист на вопрос о том, земля или море возвращает зверей более крупных, ответил, что земля, так как море — это только часть земли. Третьего Александр спросил, какое из животных самое хитрое, и тот сказал, что самое хитрое — то животное, которое человек до сих пор не узнал. Четвёртый, которого спросили, из каких побуждений склонял он Саббу к измене, ответил, что он хотел, чтобы Сабба либо жил прекрасно, либо прекрасно умер. Пятому был задан вопрос, что было раньше — день или ночь, и тот ответил, что день был на один день раньше,

а потом, заметив удивление царя, добавил, что задающий мудрёные вопросы неизбежно получит мудрёные ответы. Обратившись к шестому, Александр спросил его, как должен человек себя вести, чтобы его любили больше всех, и тот ответил, что наибольшей любви достоин такой человек, который, будучи самым могущественным, не внушает страха. Из трёх остальных одного спросили, как может человек превратиться в бога, и софист ответил, что человек превратится в бога, если совершит нечто такое, что невозможно совершить человеку. Другому задали вопрос, что сильнее — жизнь или смерть, и софист сказал, что жизнь сильнее, раз она способна переносить столь великие невзгоды. Последнего софиста Александр спросил, до каких пор следует жить человеку, и тот ответил, что человеку следует жить до тех пор, пока он не сочтёт, что умереть лучше, чем жить. Тут царь обратился к судье и велел ему объявить приговор. Когда судья сказал, что они отвечали один хуже другого, царь воскликнул: «Раз ты вынес такое решение, ты умрёшь первым». На это софист возразил: «Но тогда ты окажешься лжецом, о царь: ведь ты сказал, что первым убьёшь того, кто даст самый плохой ответ». Богато одарив этих гимнасофистов, Александр отпустил их», — пишет Плутарх.

БИТВЫ, ПОДВИГИ И ОТРЕЧЕНИЕ

После этой шутивно-интеллектуальной интермедии Александр вновь устремился по пути битв и завоеваний и упёрся в Гидасп^[73] — реку, которую непременно нужно было преодолеть. Он не без удовлетворения отметил, насколько велики были вражеские силы под командованием Пора:

«85 слонов необычайной силы Пор поставил впереди, за ними 300 колесниц и почти 30 тысяч пехотинцев, в том числе воинов с такими тяжёлыми стрелами, что, как уже сказано раньше, ими было трудно стрелять, — рассказывает Квинт Курций. — Самого Пора вёз слон, который был выше остальных; оружие, украшенное золотом и серебром, делало ещё более величественной и без того редкую по росту фигуру царя. Его дух соответствовал его физической силе, и он обладал мудростью, доступной грубым людям.

Македонцев страшил не только вид врагов, но и величина реки, которую предстояло перейти. Разлившись в ширину на 4 стадии, будучи очень глубокой и не имея нигде брода, она показалась им огромным морем. Но её течение не было медленным, как это обычно бывает у широко разлившихся вод; река неслась быстро и бурно, как будто текла в узких берегах: перекатывавшиеся волны во многих местах обнажали скрытые на дне камни. А ещё страшнее был вид берега, полного людей и лошадей. Там стояли чудовищные по своей величине слоны; нарочно разъярённые, они оглушали своим ужасным рёвом».

Увидев эти приготовления и понимая, что его армия устрашена, Александр разделил её на несколько отрядов под новым командованием и разослал в разные места на берегу реки, чтобы разведать броды и опустошить вражеские земли. Он сделал вид (и очень нарочито, чтобы Пор всё видел с той стороны реки), будто свозит в свой лагерь огромные запасы провианта, чтобы заставить поверить вражеского царя, что намерен ждать зимы, когда вода в реке спадёт. В самом деле, в начале лета Гидасп разлился от муссонных дождей и талой воды со снегов Кавказа. Прибегнув к этой уловке и сообщив Пору через перебежчиков, что он подождёт полгода, прежде чем форсировать реку, он спустил на воду плоты и лёгкие суда и велел воинам ставить палатки возле воды, чтобы неприятель, не знающий точно, когда начнётся переправа, всегда был начеку.

Сидя в своём шатре, Александр раздумывал о том, как застигнуть Пора с его войском врасплох, и надеялся обрушиться на них, если найдётся

неведомое им место для переправы через реку. Он разработал очень хитрый план:

«На реке был большой остров, покрытый лесом и удобный для засады; там же находился очень глубокий ров недалеко от берега, где стоял сам царь. Этот ров мог скрыть не только пехотинцев, но и людей с их конями. Итак, чтобы отвлечь внимание врагов от этой выгодной позиции, царь приказал Птолемею разъезжать со всеми всадниками вдали от острова и, непрерывно крича, устрашать индов, делая вид, что готовятся к переправе. Птолемей делал это в продолжение многих дней. Этой тактикой он заставил Пору направить своё войско к тому месту, куда Птолемей притворно стремился. Остров уже оказался вне поля зрения врагов; Александр распорядился поставить свой шатёр на противоположном берегу, поместить перед шатром обычно сопровождавшую его когорту и всячески демонстрировать неприятелю всё своё царское величие. Так как Аттал был одних с ним лет и был похож на царя лицом и фигурой, особенно если смотреть на него издали, Александр одел его в царский наряд, чтобы создать видимость того, будто сам царь находится на берегу и не помышляет о переправе. Сначала помехой этому замыслу была непогода, но скоро она, напротив, стала ему благоприятствовать; ведь судьба даже все неудобства обращала царю на пользу. Царь готовился переправиться со всем своим войском через реку на ту часть острова, о которой уже шла речь, направив всё внимание врага на тех, кто с Птолемеем занимал берег ниже по течению; тут разразилась буря с ливнем, от которой и под крышей было трудно укрыться. Испугавшись бури, воины стали спасаться на земле, побросав суда и плоты. Но из-за рёва ветра врагу не были слышны их тревожные крики. Затем дождь сразу прекратился, но тучи были так густы, что закрыли солнце, и люди с трудом различали лица друг друга. Ночь, закрывавшая небо, возможно, и устарила бы кого-нибудь другого, так как предстояло плыть по незнакомой реке и враг случайно мог занимать именно тот берег, к которому и они стремились вслепую из-за темноты, добиваясь славы даже ценой опасности. Но царь считал страшную для других темноту благоприятной для себя. Дав знак всем тихо сесть на плоты, он приказал вывести вперёд тот, на котором плыл сам. Берег, к которому он направлялся, оказался свободным от врагов, так как Пору всё ещё следил только за Птолемеем. Лишь одно судно застряло, напорвшись на подводный камень, остальные проскользнули; царь приказал воинам взять оружие и идти строем».

По словам Арриана, разведчики Пору обнаружили, что их провели, только достигнув противоположного берега; они пустились во весь опор

обратно к своему царю, чтобы его предупредить. Переправившись через реку, Александр поставил на правом фланге агему своей конницы с элитой гиппархов. Затем, выставив вперёд конных дротикометателей, поставил за ними пехоту царских щитоносцев. Далее шли царская агема и остальные щитоносцы, каждый в том ряду, какой был назначен ему на этот день. Края фаланги прикрывали лучники, агриане и пращники.

Все историки утверждают, что Александр чуть не проиграл это сражение, менее славное, чем предыдущие, из-за излишней самоуверенности и безрассудства. Поэтому о нём следует рассказать, как об одном из самых невероятных воинских подвигах Александра Великого. Уже в античные времена битва при Гидаспе стала легендой.

Выстроив все свои войска в боевой порядок и оставив позади шесть тысяч пехотинцев, которые должны были следовать за ним шагом, Александр поскакал на врага во главе пяти тысяч конников. Он был уверен, что его конница — лучшая в мире. Это была ошибка. Ему не хватило здравомыслия, он недооценил своего противника — величайший промах, главнокомандующий не имеет права его допускать.

Александр поскакал галопом на врага, говоря себе, что Таврон прикроет его своими лучниками. Он намеревался опрокинуть Пору и его армию и смять врага неистовой атакой, прежде чем подтянется пехота и довершит резню. Когда перед ним на берегу появился сын Пора во главе шестидесяти колесниц, конные дротикометатели Александра сразили большинство его воинов и самого индийского князя, а остальных обратили в бегство. Во время этой стычки Александр в очередной раз был ранен, правда, легко. Однако «...битва с Пором стоила жизни Букефалу, — сообщает Плутарх. — Конь погиб от ран, но не сразу, а позднее, во время лечения». Рассказывают, что Александр сильно горевал о нём, словно потерял истинного друга, верного товарища. Узнав о смерти сына, Пор не знал, что ему предпринять, поскольку заметил Кратера с войском, собиравшимся переправляться через реку. Тогда он решил атаковать Александра Великого с его дружиной, однако из осторожности оставил на берегу отряд и несколько слонов, чтобы держать Кратера на расстоянии. Встав во главе тридцати тысяч пехотинцев и всей своей кавалерии, состоявшей из четырёх тысяч коней, трёхсот колесниц и двухсот слонов, он отправился на север и оказался на большой равнине, где его конница могла свободно маневрировать. Он планировал зажать Александра между своей армией, слонами и рекой и раздавить его войско. Но Александр как гениальный военачальник, каким он был и остался, разгадал тактику противника. Поэтому он поостерёгся ударить ему в лоб, отвёл войска,

стоявшие перед Пором, и атаковал его левый фланг.

«Уже стрелы и копья долетали до них; Александр двинул против левого крыла индов конных лучников (было их около тысячи), чтобы они тучей стрел и стремительным натиском привели в замешательство вражеских воинов на этом фланге. И сам он с всадниками-«друзьями» кинулся на левое крыло варваров, стараясь ударить на них, пока они ещё в замешательстве не успели выстроить свою конницу», — рассказывает Арриан.

Всадники Пора смешались, но к ним прибыло подкрепление, и они продолжили сражаться. Неожиданно подоспел Кен и ударил по ним. Александр их опрокинул, и все укрылись за слонами, служившими им заслоном:

«В эту же минуту вожаки слонов погнали своих животных на конницу, а македонская пехота пошла на слонов, кидая дротики в их вожakov и поражая самих животных, которых они обступали со всех сторон. Это было сражение, не похожее ни на одно прежнее».

Конечно, конница Александра произвела опустошения в рядах индийцев, но слоны, на которых наседали со всех сторон, топтали всех подряд — и своих, и чужих, истребив множество людей и коней. Погонщики, поражённые стрелами, падали наземь, и слоны, которых никто не направлял, напуганные, раненые, обезумевшие от боли, приходили в ярость и пытались вырваться на свободу, топча ногами всё, что попадалось им на пути. Несчастные индийцы не могли от них увернуться, а македоняне, развёрнутые на равнине, расступились перед взбесившимися гигантами и осыпали их стрелами. «Наконец животные устали, обессилели и начали, посапывая, отходить назад, повернувшись к врагу, словно корабли, которые идут вспять».

Чтобы завершить сражение, исход которого долгое время был неясен, Александр ввёл в бой фалангу, которая перебила всю индийскую конницу, а тем временем Кратер и остальные военачальники, видя успехи своего вождя, переправились через реку и завершили бойню.

Надо признать, что Пор не бежал с поля битвы, как некогда царь персов после Исса и Арбел. «Раненный в правое плечо (только оно и было у него обнажено во время сражения; всё тело было защищено панцирем, замечательным по своей прочности и прилаженности к телу, как это увидели те, кто впоследствии его рассматривал), он, наконец, стал отходить, повернув своего слона».

По своему обыкновению Александр захотел спасти этого героя, пусть и своего врага, и послал к нему Таксила. Но Пор пришёл в ярость, увидев

соотечественника-предателя, и попытался его убить, так что тот ускакал прочь. Александр, отнюдь не рассердившись на этот гневный поступок, отправил к нему послов, среди которых был Мерой, старинный друг Пора. Умирая от жажды, Пор согласился выслушать друга, который предложил ему сдаться. Вот как описывает Арриан трогательную сцену встречи двух храбрецов:

«Александр, узнав, что Пор идёт к нему, выехал вперёд войска с несколькими «друзьями» ему навстречу. Остановив лошадь, он с изумлением смотрел на Пору, дивясь и на его рост (в нём было больше 5 локтей), и на его красоту, и на то, что, невидимому, он не чувствовал себя принижённым: он подошёл к Александру, как герой к герою, как царь, доблестно сражавшийся за своё царство с другим царём. Александр первый обратился к нему, предложив сказать, чего он для себя хочет. Пор ответил: «Чтобы ты обращался со мной, Александр, по-царски». Александру понравился этот ответ: «Я это сделаю, Пор, ради меня самого. А ты попроси ради себя того, что тебе мило». Пор ответил, что в его просьбе заключено всё. Александру эти слова понравились ещё больше; он вручил Пору власть над его индами и прибавил к его прежним владениям ещё другие, которые были больше исконных. Таким образом он и сам по-царски обошёлся с благородным человеком, и тот с этих пор стал ему во всём верным другом».

Однако победа чуть не ускользнула от Александра, а сражение при Гидаспе было самым кровопролитным за весь поход македонского завоевателя. Цифры потерь впечатляют: «Пехота Александра из 6000, принимавших участие в первой схватке, потеряла самое большее человек 80; конных лучников, которые начали сражение, погибло 10, всадников-«друзей» около 20, прочих всадников человек 200». Конечно, по сравнению с потерями Франции во время наполеоновских сражений или войны 1914 года это просто мелочь, но потери следует соотносить с общим количеством воинов Александра. Только во время французской революции, когда в армию забирали силой, а все народы вооружались, можно было выставить по 500 тысяч солдат, и потери были соответствующими.

По своему обыкновению Александр Великий, государь-благодетель, приказал основать два города в память об этой победе: один — в том месте, где он переправился через Гидасп, — он назвал Никеей, другому, на поле сражения, дал имя своего знаменитого скакуна Букефала. Арриан, утверждающий, что конь умер не от ран, а от старости, поскольку ему было около тридцати лет, потешается над непомерной любовью царя к своей лошади:

«Много трудов и опасностей разделил он с Александром; только

Александр мог сесть на него, потому что всех остальных седоков он ставил ни во что; был он рослый, благородного нрава. Отличительным его признаком была голова, похожая по форме на бычью; от неё, говорят, он и получил своё имя. Другие же рассказывают, что он был вороной масти, но на лбу у него было белое пятно, очень напоминающее голову быка. Этот конь исчез у Александра в стране уксиев, и Александр велел объявить по всей стране, что он перебьёт всех уксиев, если ему не приведут обратно коня. Его привели сразу же после этого объявления. Так любил Александр своего коня, и так боялись Александра варвары. И да будет ради Александра и мной воздана честь Букефалу!»

Царь воздал последние почести убитым воинам, принёс благодарственные жертвы богам, устроил гимнастические и конные игры на берегах Гидаспа. Были отчеканены монеты, на которых Александр преследует слона Пора. Кратера оставили здесь с частью войска, чтобы построить два города по утверждённым планам.

Как никогда жаждущий новых завоеваний, Александр намеревался продолжить поход против соседей Пора, называвшихся главканиками. Он ушёл с половиной гетайров, лучшими воинами из каждого отряда пехоты, всеми конными стрелками, агрианами и дротикометателями и вторгся в земли этого народа, о котором говорили, что он доведён до фанатизма буддистскими проповедниками. Однако все жители тридцати семи городов, которыми он овладел, сдались без боя. Александр решил отдать эти земли Пору, которого сумел примирить с Таксиллом, и добился возвращения ему его бывших владений.

Как всегда, неутомимый, Александр решил теперь переправиться через реку Акесин. «В том месте, где Александр со своим войском переправился через неё на судах и на мехах, река течёт стремительно, среди высоких и острых камней; вода, с силой ударяясь о них, бурлит и вздымается волнами; ширина её здесь 15 стадий. Те, кто плыл на мехах, переправились легко; из тех же, кто погрузился на суда, немало людей утонуло, потому что многие суда насакивали на камни и разбивались».

Это трагическое происшествие не остановило Александра, который, пополнив свою армию наёмниками, набранными на месте, пришёл к реке Гидраоту, которую преодолел без особого труда. Но ему пришлось столкнуться с коалицией местных племён — кафеев, оксидрахов и маллов, — которые хотели сохранить свою свободу, а потому укрылись за стенами Сангал. Не без труда, ценой многочисленных сражений, Александр завладел этим городом. Потери были велики с обеих сторон. Да, индийцев погибло 17 тысяч, а ещё 70 тысяч были взяты в плен; да, 300 колесниц

было разрушено и 500 всадников убито, но Александр оставил на поле сражений сотню своих людей, не считая раненых, число которых доходило до двенадцати сотен, в том числе нескольких военачальников, в частности Лизимаха и Соматофилака. В отместку он разграбил Сангалы и стёр их с лица земли.

Ничуть не удручённый столь тяжёлыми потерями, Александр испытывал всё большую решимость дойти до края света. Эта одержимость порой заставляла его забыть о милосердии и рассудительности — двух самых выдающихся его качествах. Так, воздав последние почести погибшим воинам, он отправил своего помощника Эвмена с тремя сотнями всадников к жителям двух городов, вступивших в союз с Сангалами. В принципе Эвмен должен был предложить им сдаться, но те, зная, как Александр обошёлся с Сангалами, в ужасе бежали, оставив в своих городах лишь 500 больных, — тех немедленно перебили по приказу государя, который решительно утратил чувство политической реальности.

Совершив эти совершенно бессмысленные злодеяния, Александр продолжил свой путь на восток и вышел на берег реки Гифас^[74] с намерением переправиться через неё и захватить земли, лежащие на противоположном берегу. Ему заметили, что проживающие там племена — успешные пахари и воины, нрава они мягкого, их государство — аристократическая республика, а слоны там многочисленнее и мощнее, чем в иных местах. Александр пришёл в возбуждение от рассказов об этом крае, заключённом между Гифасом и Гангом — рекой, даже названия которой он не знал. Пор подтвердил ему эти новые для него сведения. Он уверял, что силу и власть этого народа прославляют не зря, хотя и презирал местного царя, который был низкого происхождения, а его отец, цирюльник по своему ремеслу, с трудом зарабатывал себе на жизнь. Ему удалось соблазнить княжну царских кровей, потом он подстроил убийство князя и завладел тронem как опекун. Позднее он погубил наследников престола и родил царя, который правит теперь, ненавидимый своими подданными из-за своего происхождения и преступлений своего отца.

Александр был поражён услышанным и захотел познакомиться с этой страной, чтобы стать первым эллином, ступившим на эту землю. Но в его войске нарастало недовольство: из воинов, первыми пошедших за ним, оставались теперь только калеки или впавшие в уныние; накопив богатую добычу, они мечтали лишь о возвращении на родину. Прочие были наёмниками, примкнувшими к македонянам; взывать к эллинской гордости или патриотизму было бесполезно, они тоже не испытывали желания продолжить поход за рекой Гифас. В лагере стали формироваться

группировки, призывавшие к сопротивлению, а то и к бунту против вождя, которому дорога лишь одна его слава. Александр, знавший о недовольстве своих воинов, собрал их и произнёс длинную речь. Он попросил македонян внимательно выслушать то, что он им скажет, и поддержать его. Он призывал их не поддаваться слухам о несчётных опасностях, распространяемых врагом с целью их запугать. Им говорили о широких непреодолимых реках, о стадах чудовищных слонов, которые здесь, что быки в Греции. Александр напомнил, сколько этих слонов было порублено в своё время серпоносными колесницами Дария: не такие уж они опасные животные. Конечно, армия Дария была велика, но он доказал им, что это всего лишь беспорядочная толпа. Македоняне должны вспомнить, что они часто и легко побеждали армию Дария. Александр сумел пробудить их гордость, показав, что хотя рядом с ними сражаются наёмники-варвары, лишь они одни являются настоящими воинами, хорошо организованными и вооружёнными. Он даже сказал им, что ведёт их в большей степени на грабёж, чем в поход за славой, чтобы распалить их алчность. Он заклинал их не покидать его, ищущего в своих завоеваниях славы, сравнимой со славой Геракла и Диониса. Он стыдил их за трусость. Даже дошёл до сентиментального шантажа, заявив им, что готов один продолжить завоевания, раз его воины покинули его, и предпочитает умереть, чем командовать трусами, мечтающими разбежаться по домам.

Квинт Курций, передающий эту речь, утверждает, что воины расчувствовались и проливали слёзы, однако, несмотря ни на что, остались тверды: они не желают идти дальше за своим вождём. Зато Арриан, всегда более сдержанный, чем Квинт Курций, пишет, что после этой речи установилось глубокое молчание: воины не желали больше сражаться, но и не смели открыто возразить на увещевания своего вождя. Тогда Кен, самый верный из спутников Александра, не побоялся выйти вперёд и заговорил от имени всех македонян, многочисленных в начале похода, от которых теперь оставался лишь малый отряд. Некоторых отослали домой, другие поселились в завоёванных городах, третьи не смогли пойти с остальными из-за недугов или ран. Совершенно понятно, говорил Кен, что уцелевшие хотят увидеть родную землю, своих жён и детей.

Он доказал Александру, что это будет просто передышка. Царь сможет собрать свежие войска и устроить новые походы в Азию, Европу или Африку. Македоняне шумно одобряли Кена, столь решительно выступившего в защиту их интересов.

«На следующий день Александр, полный гнева, созвал опять тех же и сказал, что он сам пойдёт вперёд, но никогда не заставит македонян против

воли следовать за ним; у него будут люди, которые пойдут за своим царём добровольно. Те, кто желает уходить домой, пусть уходят и пусть сообщат домашним, что они оставили своего царя, окружённого врагами». Три дня он не выходил из своей палатки и никого не принимал, даже гетайров. Но армия не дрогнула, ни один доброволец не откликнулся на его зов; в лагере стояла полная тишина.

«ИЛИАДА» ЗАКОНЧИЛАСЬ, НАЧИНАЕТСЯ «ОДИССЕЯ»

Александр обратился к гадателям: знамения были ему неблагоприятны. Тогда он подчинился решению богов, которые тоже как будто покинули его, и созвал самых старших из гетайров. «Так как всё указывало ему на необходимость вернуться, он велел объявить войску, что решено повернуть обратно», — пишет Арриан. Это значило вернуться в отчизну, отказаться от завоевания Индии, отречься от планов достичь океана, который омывает эти земли с востока. Но тем не менее Александр пересечёт всю Индию, дойдя по Инду до Индийского океана.

Узнав добрую весть, воины не скрывали своей радости и волнения: с воплями и слезами они прибежали к шатру Александра и благословляли его за то, что он думает лишь о своей любви к ним, которая, кстати, взаимна.

Александр вновь собрал своё войско, разделил его на дюжину отрядов и велел воздвигнуть для каждого из них по жертвеннику, посвятив их двенадцати богам Олимпа. Чтобы выразить свою признательность последним и увековечить славу своих побед, он приказал высечь в камне надписи: «Отцу моему Аммону, брату моему Гераклу, Афине премудрой, Зевсу Олимпийскому, Кабирии Самофракийской, Гелиосу индийскому, брату моему Аполлону и т. д.». В центре алтаря возвышалась бронзовая колонна в подражание Геркулесовым столпам, на которой было написано: «Здесь остановился Александр».

Послушаем Диодора Сицилийского:

«Решив здесь положить конец своим походам, он прежде всего соорудил алтари 12 богам высотой в 50 локтей, затем велел обвести рвом пространство, втрое большее, чем то, которое занимал лагерь; ров выкопать шириной в 50 и глубиной в 40 футов. Груды выкопанной земли употреблены были на постройку высокой стены за рвом. Каждому пехотинцу велено было устроить палатку с двумя кроватями в 5 локтей каждая; всадники должны были, кроме того, сколотить по паре яслей вдвое больших, чем обычные, и соответственно увеличить размеры всех предметов, которые собирались здесь оставить. Всё это он делал, желая придать лагерю вид обиталища героев и в то же время оставить туземцам следы того, что здесь находились люди огромного роста, обладавшие

сверхъестественной силой».

Плутарх добавляет, что Александр «...пошёл ради славы на хитрость. По его приказу изготовили оружие и конские уздечки необычайного размера и веса и разбросали их вокруг».

К жертвенникам, воздвигнутым в честь двенадцати богов-олимпийцев, ещё долгое время приходили поклониться цари пресиев, которые каждый год переправлялись через Ганг, чтобы совершить жертвоприношение по греческому обряду. «Андрокотт ещё юношей видел Александра. Как передают, он часто говорил впоследствии, что Александру было бы нетрудно овладеть и этой страной, ибо жители её ненавидели и презирали своего царя за порочность и низкое происхождение».

«Илиада» завершилась, начиналась «Одиссея», — пишет Роберт Коэн в своём труде «Александр и эллинизация Древнего мира». Однако Александр мечтал увидеть океан, омывающий Индию, которого ещё не видел ни один эллин. Не имея выхода в форме военных действий, его воображение рождало мечты на грани безумия. Так, он собрал несколько галер на берегах Гидаспа и решил спуститься по этой реке. «Ещё раньше, когда он увидел в Инде крокодилов (это единственная река, кроме Нила, где они живут), а на берегах Акесина такие бобы, какие выращивает египетская земля, и услышал, что Акесин впадает в Инд, он решил, что им найдены истоки Нила, — сообщает Арриан. Конечно, это было не так. — Собрав у местных жителей более точные сведения об Инде, он узнал, что Гидасп впадает двумя устьями в Великое море и никакого отношения к египетской земле не имеет».

Александр поручил Неарху командовать флотом, состоявшим из матросов и гребцов всех племён: финикийцев, египтян, греков, киприотов. Кратер с одним отрядом пойдёт по правому берегу реки. Гефестиону же было поручено гнать по левому берегу две сотни слонов вместе с другим отрядом. Филипп, местный сатрап, выступит следом за ними тремя днями позже. Но незадолго до выступления в поход умер Кен, и Александр, желая помнить лишь о храбрости этого воина, а не о его решительных возражениях против продолжения завоеваний, дорогих сердцу его вождя, устроил ему роскошные похороны.

«Когда всё было готово, воины на рассвете взошли на суда; Александр же принёс положенную жертву богам, а также реке Гидаспу, по указаниям прорицателей. Взойдя на корабль и стоя на носу, он совершил реке возлияние из золотого фиала, взывая одновременно к Акесину, Гидаспу (он узнал, что Акесин самый большой приток Гидаспа и что они сливаются недалеко от этого места) и к Инду, в который впадают Акесин с Гидаспом.

Совершил он возлияние также Гераклу, своему родственнику, Аммону и прочим богам, которым положено было у него совершать жертвоприношения, и затем велел трубачу подать знак к отплытию».

Индийцы стекались толпами на берега реки, чтобы поглазеть на эту поразительную армаду, приветствуя её песнями и плясками. Но, добравшись до слияния трёх рек — Гидаспа, Акесина и Инда, — флотилия неожиданно оказалась в великой опасности. «Так как здесь в одном месте сталкивается много вод, то образуются страшные водовороты; суда затягивает, и они гибнут. Течение так сильно и стремительно, что искусству кормчих оказалось не под силу с ним справиться: два военных корабля затонули, многие суда прибило к берегу. Головной корабль понесло на большой водоворот; царь оказался на краю гибели. Видя смерть перед глазами, Александр разделся и голышом бросился в воду, надеясь на возможное спасение. Вокруг него было великое смятение: люди боролись с мощным течением; река одолевала все человеческие планы и человеческую силу. Александру едва удалось вместе с судами прибиться к берегу. Спасшись вопреки ожиданию, он принёс жертву богам за избавление от великой опасности после борьбы с рекой, подобно Ахиллу», — рассказывает Диодор Сицилийский.

Починив повреждённые суда, Александр велел Неарху сплавляться дальше до земель маллов, которых намеревался победить. Он вместе с Гепестионом решил напасть на маллов, устроив ночной марш-бросок, к каким его воины уже привыкли, и на рассвете подошёл к стенам крупного города маллов, которые вышли оттуда без оружия, не подозревая о неожиданном появлении врага. Множество из них перебили, город осадили, и македоняне быстро одержали победу, перерезав по приказу Александра две тысячи защитников города. Сбежавших жителей нагнали воины Пердикки и тоже перебили.

Александр пошёл к городу брахманов, где заперлись уцелевшие маллы. Осадив его, он сумел пробить брешь в крепостном валу и пройти туда с основным войском. Не желая попасть в руки греков, индийцы поджигали свои дома и бросались в огонь; пять тысяч выживших убили македоняне.

Александр направился к столице маллов, покинутой ими. При виде огромной македонской конницы, устремившейся в яростную атаку, вражеское войско укрылось в крепости. Александр с безрассудной храбростью повёл своих воинов на штурм. Он вскарабкался по лестнице на вал, прикрываясь щитом, и обратил в бегство маллов, пытавшихся его схватить. Но больше лестницы не было, и Александр оказался один,

мишенью для стрел, которыми индийцы осыпали его с соседних башен. К тому же македонского царя легко было узнать по доспехам и оружию, сверкавшим на солнце. Остаться на месте или спрыгнуть в крепость? Он принял второе решение и, прижатый к стене, отважно защищался, размахивая мечом и даже бросая камни во врагов и их командиров.

К счастью, на помощь Александру пришли его помощники Певкест, Леоннат и Абрея. Последний пал, сражённый стрелой в лицо; Александр был ранен стрелой, пробившей его панцирь и вонзившейся в грудь под соском. Некоторое время царь ничего не замечал или притворялся, будто ничего не чувствует, но он потерял много крови и, защищаемый друзьями, которые старались закрыть его собой, но очень скоро были серьёзно ранены, потерял сознание и как будто был готов испустить дух.

Македоняне, наблюдавшие всю эту сцену из-под стены, сумели подняться по ней, вбивая в неё костыли и становясь на плечи один другому. Они подбежали к своему царю и сомкнулись вокруг него, безжизненно распростёртого на земле. Другие прикрыли его тело своими щитами. Вокруг закипел ужасный бой; македоняне, приведённые в ярость ранением своего вождя, которому, по их мнению, грозила смерть, убивали всех варваров подряд: воинов, женщин и детей.

«Александра окружили македоняне и, схватив его, уже потерявшего сознание, отнесли в палатку. В лагере тотчас же распространился слух, что царь мёртв. С трудом спилив древко стрелы и сняв с Александра панцирь, принялись вырезать вонзившееся в кость остриё, которое, как говорят, было шириной в три пальца, а длиной — в четыре пальца. В это время царь впал в глубокий обморок и был уже на волоске от смерти, но пришёл в себя, когда остриё было извлечено. Избежав смертельной опасности, он ещё долгое время был очень слаб и нуждался в лечении и покое», — пишет Плутарх.

Македоняне были уверены, что от них скрывают смерть царя, и тревожно переговаривались друг с другом. Всех занимало одно: какой военачальник способен заменить Александра. Все боялись, что вернуться на родину окажется не так-то просто, поскольку идти придётся через земли, населённые враждебными племенами, ведущими партизанскую войну. Они опасались повсеместного восстания в покорённых странах, как только там узнают о смерти Александра. Они помнили, с каким трудом переправлялись через бурные реки, и не находили в себе мужества вновь подвергнуться этой опасности.

Но Александр, узнав о слухах, захотел успокоить встревоженных воинов и велел перенести себя на берег Гидраота, расположил на

корабле, чтобы все могли его видеть, и спустился по этой реке до её слияния с Акесином, где находился главный лагерь его армии. Тогда он велел поднять полог, покрывавший корму корабля, и показался, живёхонек, своим ошеломлённым воинам. Более того, он встал, подошёл к перилам и поднял руку в дружеском жесте. Его приветствовали единодушным криком радости, тысячи рук взметнулись по направлению к нему. Все плакали от счастья. Щитоносцы приблизились к кораблю с носилками и конём. Отказавшись лечь, Александр сел верхом, чтобы показать, что он полон сил. Рукоплескания усилились. Подъехав к своему шатру, он спешился и смешался со своими воинами, которые от переполнявшего их счастья целовали руки, колени и даже одежду своего «воскресшего» вождя. Некоторые в своём усердии благословляли его, протягивали ему венки и усыпали его путь цветами. Выжившие малы прислали депутатов в лагерь Александра вместе с оксидрахи — ещё одним народом, недовольным присутствием греков на своей территории; и те и другие покорились, сложив к ногам победителя ценные подарки и оставив тысячу заложников. Этот военный поход завершился большими празднествами в честь Александра, который тем временем выздоравливал, поскольку рана, полученная им в бою, отняла у него много сил. Несмотря ни на что, он пожелал наблюдать за состязаниями и поединками, которые просто обожал.

«Среди застольников был один македонец, по имени Корраг, отличавшийся физической силой и совершивший немало подвигов в бою, — ведёт свой рассказ Диодор Сицилийский. — Разгорячённый вином, вызвал на единоборство афинянина Диоксиппа, атлета, увенчанного за свои славные победы. Участники пира, разумеется, стали подстрекать соперников. Диоксипп согласился, и царь назначил день для поединка. Когда пришло время единоборства, на это зрелище собрались десятки тысяч. Македонцы, земляки Коррага, и сам царь желали ему победы; эллины болели за Диоксиппа. Македонец вышел в дорогом вооружении; афинянин обнажённый, смазанный маслом, с обыкновенной палицей в руке. Оба вызывали изумление своей необычайной крепостью и силой; казалось, будто ожидают поединка богов. Македонец всем своим складом и блестящим вооружением внушал великий страх и напоминал Ареса; Диоксипп огромной силой, осанкой атлета и палицей походил на Геракла. Когда они сошлись, македонец метнул с подобающего расстояния копье; его противник, слегка отклонившись, избежал удара. Тогда Корраг, выставив вперёд македонскую сариссу, пошёл на Диоксиппа, но когда уже приблизился к нему, тот ударил палицей по сариссе и сломал её. После этих двух неудач македонец схватился за меч, но пока он его вытаскивал,

противник опередил его: подскочив к нему, он левой рукой схватил руку, извлекавшую меч, а другой столкнул противника с его места и, ухватившись за ноги, свалил его наземь. Когда тот рухнул, он стал ему ногой на шею и, подняв палицу, посмотрел на зрителей.

Толпа закричала и от неожиданности и от удивления перед таким подвигом. Царь приказал отпустить побеждённого и окончить зрелище; он ушёл, опечаленный поражением македонца. Диоксипп отпустил поверженного и ушёл, одержав громкую победу; земляки украсили его лентами, словно он прославил всех эллинов».

Однако Александр и его окружение, недовольные победой Диоксиппа, решили ослабить победителя, обвинив его в краже, которой он не совершал: под подушку, на которой он сидел во время пира, незаметно подсунули золотой кубок. Диоксипп, конечно же, понял, что стал жертвой заговора, однако смутился и пришёл в замешательство. Ему было невыносимо, что на него пало подозрение тех, кто не участвовал в заговоре. Он ушёл к себе, написал письмо Александру, пожаловавшись на подлую интригу против него, и покончил с собой. «Поэтому многие корили его и осуждали за глупость, говоря, что худо иметь большое тело и малый ум».

Не заостряя внимания на этом происшествии, Александр, велевший построить корабли, пока он шёл на поправку, погрузил на них легковооружённые войска, 1700 гетайров и 10 тысяч пехотинцев. Филиппа он сделал сатрапом маллов. «В это время к Александру прибыл бактриец Оксиарт, отец Роксаны, жены Александра, — пишет Арриан. — Царь прибавил к его сатрапии ещё парапамисадов, а прежнего сатрапа Тириеспа отрешил от должности, так как ему донесли, что у Тириеспа сатрапия в беспорядке».

Затем он, в свою очередь, взошёл на корабль и, спустившись по притоку Гйдраота и Акесина, достиг Инда, раздувшегося от вод четырёх рек: Гидаспа, Гидраота, Гифаса и Акесина. Водным путём он попал в страну, которой правил Мусикан — самый богатый индийский царь. Тот пришёл к Александру с редкими дарами, предложил ему всех своих слонов, самого себя и свои земли и как будто полностью покорился завоевателю. Но как только Александр удалился, он сразу восстал и подбил на мятеж брахманов. Ответ Александра не заставил себя ждать: он послал на Мусикана и его мятежников Пифона. Индийский царь был взят в плен и немедленно распят вместе с другими брахманами.

Мы видим, что обратный путь, который историки часто представляют бесславным отступлением, всё ещё был путём грозного завоевателя, намеренного покорить все племена по берегам Инда, раз уж ему не удалось

пройти дальше на восток. Он посылал своих ближайших соратников вроде Пифона и Кратера овладевать всеми землями, через которые они шли, присоединять их к его владениям и колонизировать, основывая новые города. После новых сражений Александр обосновался в Паталах, в дельте Инда, и провёл там полгода — с января по июль 325 года до н. э.

Он решил исследовать эту часть реки, чтобы найти самый надёжный выход в океан. Выслав вперёд Леонната с тысячей всадников и восемью тысячами пехоты, он встал во главе небольшой лёгкой флотилии из триаконтер, бирем^[75] и транспортных судов. На следующий день поднялась буря, задул встречный ветер, множество кораблей были повреждены, некоторые получили пробоины и затонули, а их команды с трудом спаслись.

Построили новые корабли, отряды легковооружённых воинов отправили на разведку, пленили нескольких индийцев, которые служили проводниками. Но в очередной раз задул ветер с моря, и флоту Александра пришлось искать укрытие. Греки пришли в ужас, впервые увидев океанский прилив: морские воды поднимались вверх по реке, а затем отступали, то оставляя корабли на мели, то унося их или сталкивая друг с другом. Но Александр не отказался от намерения достигнуть устья Инда и, перебираясь с острова на остров, приносил жертвы тем богам, которым, как он говорил, велел ему поклоняться Аммон. «Проехав через устье Инда, он выплыл в открытое море, по его словам, чтобы увидеть, нет ли где поблизости земли, а мне думается, ещё больше затем, чтобы сказать, что он плывал по Великому Внешнему морю индов. Он заколол здесь быков Посейдону и опустил их в море; после этого жертвоприношения совершил возлияние, а золотой фиал и золотые кратеры как благодарственную жертву бросил в воду, молясь о том, чтобы бог в целости провёл его флот, который он решил отправить с Неархом в Персидский залив, к месту впадения Евфрата и Тигра» — так пишет Арриан.

Он вернулся в Паталы, но вскоре снова уехал, чтобы исследовать восточный рукав Инда и узнать, не легче ли сплавиться по нему. Он пересёк озеро Самара, образованное рекой и впадающими в него потоками, и увидел, что оно кишит рыбой. Разведав местность на берегу лимана, он вернулся к своему флоту, стоявшему на якоре, и велел рыть колодцы, чтобы делать запасы питьевой воды, и строить склады для провианта, а также всего необходимого для плавания, потом снова вернулся в Паталы и окончательно покинул этот город, чтобы отправиться на запад, в родные края.

Александр был достаточно умён, чтобы, как следует поразмыслив,

стряхнуть с себя разочарование по поводу слишком далёких земель, от завоевания которых он отказался. За время стольких переходов и вылазок со своими войсками — что на Кавказе, что в предгорьях Гималаев и в устье Инда, — он осознал, насколько огромна индийская земля — континент, населённый множеством племён. Кое-какие из них он узнал, победил и покорил, так что в Индию впервые проникла чужая и новая для неё цивилизация, неведомые ей ранее нравы и верования. Конечно, столкновение с ней вызвало в Индии взрыв национализма, однако эта большая страна не осталась равнодушной к новой культуре, которую распространяли гарнизоны, оставленные там Александром. А те проникались новым для них искусством и цивилизацией. Очень медленная эллинизация оккупированных индийских территорий в некотором роде ориентализируется в плодотворном синкретизме. Проникнув так далеко на Восток, Запад делает возможным зарождение торговых связей между двумя полюсами мира — восточным и западным. Благодаря Александру, мир стал больше, и границы, тысячелетиями казавшиеся незыблемыми, вдруг распахнулись, открыв новые земли. Учёные и картографы, сопровождавшие Александра, делали снимки местности, наблюдали природные явления вроде муссонов, приливов или огромных рек, открывали месторождения золота и серебра. Греция и её колонии, по которым пройдут македоняне по возвращении, ощутят влияние этих новых знаний, которые распространятся в западном мире.

Отправляясь в обратный путь, Александр разделил свои войска на три части, и каждая шла своей дорогой. Кратер выступил в июле 325 года до н. э. в земли подданных Мусикана. Флотоводец Неарх должен был исследовать побережье Индийского океана и Аравийского полуострова, чтобы наладить связь между Индом и Евфратом, однако он ждал приказов своего господина, чтобы поднять паруса. Александр же отправился в путь последним, в конце августа 325 года, с намерением пересечь Белуджистан.

Кратер вернулся в Кандагар, ставший Александрией в Арахосии, и отправился с проверкой к сатрапам, которым было поручено управление округами.

«В самом деле, разграбив всё частное имущество, они не воздержались и от грабежа храмов, и девушки и знатные женщины терпели от них насилие и оплакивали осквернённую свою честь. Их алчность и разврат сделали имя македонцев ненавистным для варваров. Но среди всех выдавался своим буйством Клеандр: лишив невинности знатную девушку, он отдал её в наложницы своему рабу», — повествует Квинт Курций.

Возмущённый таким поведением, Кратер заковал погрязших в

разврате правителей — Клеандра (само собой), а также Ситалка, Геракона с Агафоном и некоторых других. Затем он продолжил свой путь в страну перса Ордана, который восстал против македонян, и завладел ею. Вскоре он соединился с Александром в Кармании и передал ему узников. Четырём правителям, замешанным в заговоре, который привёл к убийству Пармениона по воле Александра, устроили допрос. Те полагали — и совершенно напрасно, — что их сообщничество с Александром позволит им избежать тяжкой кары, но «...царь, рассмотрев обвинения, объявил, что обвинителями забыто одно, и притом самое большое, преступление — неверие в его благополучие: они никогда не осмелились бы совершить того, что сделали, если бы желали его успешного возвращения из Индии или верили, что он вернётся. Итак, их самих он заковал, а 600 солдат, помогавших в их преступлениях, велел казнить. В тот же день были подвергнуты казни также приведённые Кратером зачинщики отпадения персов».

При поддержке Гефестиона Александр с войском углубился в земли аравитов, попутно захватив оритов, которые ему не покорились, казнил их и пришёл в Гадросию, известную сегодня под названием Белуджистан. В первое время он со своими воинами радовался обилию корней нарда и в особенности мирры, которую собирали в большом количестве финикийцы, сопровождавшие войско ради торговли. Армия Александра прожила несколько дней, как в раю, топча ногами эти растения, источавшие сладостный аромат.

Однако в скорости наступило разочарование: «Александр пошёл через землю гадросов по трудной дороге, шедшей через местность, где не было никаких припасов и часто войску не хватало воды, — сообщает Арриан. — Оно вынуждено было, однако, делать за ночь большие переходы, отдаляясь от моря, хотя Александр очень хотел пройти по всему побережью, осмотреть имеющиеся гавани и по пути заготовить что можно для флота: насыпать колодцев, устроить стоянки и места для торгова. Побережье гадросов было, однако, совершенно пустынно, и Александр отправил Фоанта, сына Мандродора, с небольшим конным отрядом к морю осмотреть, не встретится ли ему где стоянка для судов, колодезь поблизости от моря и вообще что-нибудь, что необходимо путешественникам. Фоант, вернувшись, доложил, что на берегу он застал нескольких рыбаков, живших в крохотных халупах. Халупы эти сложены были из раковин, а крышей им служили рыбы хребты. Воды у этих рыбаков совсем мало; с трудом разрывают они пальцами прибрежный песок с галькой, и вода в этих ямках не совсем пресная».

Более того, всадники цеплялись своей одеждой за растения с такими крепкими шипами, что те сбрасывали их с лошади. Рассказывают даже, что в этих колючках застревают звери, подобно тому как птицы ловятся на клей.

Продвижение по этой недружелюбной стране становилось всё труднее. Александр боялся заблудиться. Кони увязали в песке огромной пустыни. Разведчиков отправляли на поиски более гостеприимных мест, чтобы запастись хлебом и зерном, которые грузили на вьючных животных и отсылали к морю в мешках, скреплённых печатью царя.

Но воины изнемогали от голода. Они быстро вышли из повиновения, ломали печати и делили провизию. Александр, отправившийся разведать менее трудную дорогу, застал их за едой, несмотря на запрет вскрывать мешки, но он сумел простить своих воинов, силы которых были на пределе: «Сам он, пройдя по стране, набрал для прокормления своего войска, отправленного морским путём, сколько смог хлеба и отправил его с Крифеем, уроженцем Каллатии. Местным жителям было приказано доставить из глубины страны для войска столько муки, сколько они смогут, а также фиников и овец». Во время этого долгого похода, который некоторые историки порой сравнивают с отступлением французов из России, только в других климатических условиях, испытания наслаивались одно на другое, и не было им конца:

«Жгучий зной и отсутствие воды погубили много людей и ещё больше животных, которые падали, увязая в раскалённом песке; много умирало и от жажды. На дороге встречались целые холмы сыпучего песка, который нельзя было утоптать: в него проваливались, как в густую грязь или, вернее, как в рыхлый снег <...>. В гибели большого числа животных часто виноваты были сами солдаты. Когда у них не хватало хлеба, они, сойдясь вместе, резали лошадей и мулов, питались их мясом и говорили, что животные пали от жажды или от усталости <...>. А между тем трудно становилось везти больных и от усталости отставших: не хватало животных, а повозки солдаты сами изрубили в куски, потому что их невозможно было тащить по глубокому песку, и люди уже с первых дней были вынуждены идти не по самой короткой дороге, а выбирать наиболее лёгкую для животных. Но и тут были отстающие: больные, умученные или усталостью, или зноем, или жаждой, и не было никого, кто повёл бы их дальше, никого, кто остался бы ухаживать за ними. Поход совершался с великой быстротой; в заботе о главной цели отдельными людьми по необходимости пренебрегали. Некоторых сон одолевал на дороге (переходы совершались главным образом ночью): проснувшись, они, если были в

силах, шли по следам войска. Кое-кто и уцелел, но большинство погибло в песках, утонув в них, словно в море.

На войско обрушилась новая беда, от которой не меньше пострадали и люди, и лошади, и мулы. В земле гадросов дождь нагоняют этесии, так же как и в земле индов, но проливается он не над долинами, а над горами; ветер сгоняет к ним облака, которые и не спускаются ниже вершин. Солдаты однажды расположились на ночлег у мелководного горного ручья: вода и заставила их здесь остановиться. Около второй ночной стражи ручей переполнился водой от ливней, — а солдаты и не подозревали, что ливни идут, — и настолько вышел из берегов, что погибло много женщин и детей, сопровождавших войско, пропало всё царское снаряжение и утонули ещё уцелевшие мулы. Сами солдаты едва спаслись со своим вооружением, да и его сохранили не целиком. Много людей погибало и от того, что, измученные зноем и жаждой, они, встретив много воды, пили без меры».

Войско тащилось через раскалённые пески в поисках источника воды. Александр разделял страдания своих воинов и шёл пешком рядом с ними, еле-еле, страшно мучимый жаждой. Несколько воинов нашли лужу, наполнили шлем мутной водой и принесли своему вождю. Но Александр мало того что отверг столь ценный дар, но и вылил его на землю на глазах у всего войска, чтобы показать, что он не ищет для себя привилегий, когда все кругом претерпевают лишения. Проводники из туземцев, утверждавшие, будто знают дорогу, в конце концов заблудились в песках, походивших на безбрежный океан.

Доверившись своему чутью — важнейшему качеству любого главнокомандующего, — Александр отправился на разведку с несколькими лошадьми, многие из которых пали. Он достиг берега океана, велел копать песок и нашёл превосходную воду. Семь дней армия стояла на берегу, и все наконец-то смогли напиться вдоволь: и люди, и животные. Проводники отыскали дорогу и отвели Александра и его воинов в Пуру, столицу гадросов. Александр потерял много людей и привёл из Индии лишь четверть своего войска.

Возникает вопрос о том, зачем он предпринял этот поход, в котором не было стратегической необходимости. Несмотря на все потери, Александр теперь мог объявить, что превзошёл Семирамиду и Кира Великого, царя персов — легендарных персонажей, которым не удалось то, что удалось ему. Слишком высокая цена за неуместное тщеславие.

АЛЕКСАНДР ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ВОСТОЧНОГО ВЛАДЫКУ

В Пуре Александр предоставил двухмесячный отдых остаткам своей армии и пополнил её туземцами. Всё такой же деятельный, в начале декабря 325 года до н. э. он организовал управление пройденных земель, расставив там сатрапов, которым доверял, и казнив тех, которые в той или иной мере ему изменили. Он расположился на перекрёстке дорог в сердце Средней Азии и основал новый город, естественно, носивший его имя, на месте нынешнего Джирофта в Иране. Он волновался, не зная, чем закончился поход Кратера, от которого уже давно не имел известий, а также плавание Неарха. Оба его спутника в скором времени прибыли и отчитались обо всём.

В своей книге об Индии Арриан рассказал о плавании Неарха. Он пользовался его бортовым журналом, который открыл совершенно новую страницу в тогдашних представлениях о мире.

Неарх делал очень подробные записи, двигаясь по той части Индии, что была оккупирована Александром. Потом, сплавляясь по рекам, он тщательно записывал всё, что происходило за день, фиксируя расстояния между стоянками, делая зарисовки морской фауны и флоры, наблюдая обычаи туземных народов, живших на берегу, — как они одеваются, чем вооружены. Он заметил, в частности, что некоторые племена из народности оритов до сих пор не знают железа и пользуются орудиями из камня, как в первобытные времена.

Ещё большим его достижением была опасная экспедиция, в которую он устремился 21 сентября 325 года до н. э., вместе с Архием и Онесикритом, на ста пятидесяти судах с их экипажами и пятью тысячами пехотинцев, лучников и понтонёров. Поскольку ветер дул с моря, он из осторожности шёл вдоль побережья и устья рек, пока не поставил флот на якорь. Когда задул муссон, он воспользовался этим ветром, чтобы отплыть в конце октября 325 года и покинуть Индию, сначала следуя вдоль берегов аравитов и оритов, а потом сделав остановку дней на десять, чтобы запастись хлебом у Леонната.

После этого перед Неархом, его моряками и воинами открылись совсем неизвестные земли. Выжженные солнцем берега были населены редкими, враждебно настроенными жителями. Но плохо вооружённые

туземцы либо покорялись силе, либо бежали. Главная опасность исходила от самого океана с огромными волнами, мелями и лагунами, где нельзя было найти ни пищи, ни питьевой воды. Флотилия Неарха обогнула мыс Малана (Рас-Малан) и оказалась в легендарной стране ихтиофагов — народа, жившего в бедности, питаясь исключительно рыбой, которую сушили и даже мололи в муку. Ихтиофаги жили в хижинах из ракушек и китовой кости. Туземцы из Камалы (залив Калмат) преподнесли Неарху в знак покорности нескольких баранов, пахнувших рыбой, поскольку они питались ею за неимением травы! Чуть дальше удалось разжиться несколькими козами, но среди матросов и воинов нарастало беспокойство, поскольку пища и вода были на исходе.

Неарху пришла в голову удачная мысль взять себе в помощь кормщика из Гадросии, некоего Гидра-ка, который смог привести флотилию в немного более плодородную область, где выращивали финиковые пальмы, а чуть дальше — капустные пальмы, затем, в заброшенном посёлке, они нашли ещё фиников, зерно и семь верблюдов, которых воины зарезали и съели. Тревога была велика, но Неарх проявлял полнейшее хладнокровие. Он даже заставил своих людей причалить к острову, о котором рассказывали нелепую сказку, будто бы люди, которые на нём высаживаются, исчезают навсегда. Неарх воспользовался этим, чтобы, опровергнув вымысел, укрепить дух своих людей.

Он делал множество других наблюдений о диковинках прибрежных стран и некоторых морских и климатических явлениях, а также нравах народностей, с которыми ему приходилось иметь дело. И он, и его моряки видели загадочных муравьёв, добывающих золото и своим окрасом похожих на шкуру леопарда. Сообщает он и о деревьях, на которых растёт шерсть, уходящих корнями в морское дно на побережье Красного моря. Их видно при отливе, а во время прилива они скрываются под водой, что придаёт окрестностям странный и даже тревожащий вид. Страбон, приводящий несколько отрывков из описания плавания Неарха, текст которого был утрачен, комментирует наблюдения флотоводца Александра. Ему встретились на пути блестящие и прозрачные камни, смолистые деревья, которые, если их рубить, выделяют что-то вроде сока. Он также наблюдал, что во время летнего солнцестояния тени поворачиваются к югу, однако исчезают, когда солнце достигает зенита. Звёзды, которые можно видеть в небе Греции и Малой Азии, либо исчезают вовсе, либо показываются лишь на горизонте.

В устье Кисы к небу взметнулись столбы воды, и моряки оцепенели от ужаса, но проводник-индиец объяснил им, что их выдувают киты.

Чудовищные размеры этих морских животных вызвали панику среди гребцов, которые побросали вёсла. Чтобы подбодрить их и показать всю беспочвенность их страха, Неарх велел им устремиться во всю мочь на этих животных, словно они — вражеские корабли, издавая крики и трубя в трубу. Напуганные киты тотчас ушли на глубину и пропали. Неарх также подметил, что некоторые киты, то ли застигнутые врасплох морским отливом, то ли не в силах совладать с течением, выбрасываются на берег и разлагаются там. Но голод усиливался, и Неарх, всё такой же бесстрашный и твёрдый, попросил гребцов плыть днём и ночью, чтобы как можно скорее покинуть эти бесплодные края.

Прибыв в Карманию, флотилия Неарха наконец-то нашла земли, где росли фруктовые деревья, виноградники и хлеб. Затем, следуя по Персидскому заливу, она прошла по Ормузскому проливу мимо мыса Маската на берегу Аравии — знаменитому рынку корицы и пряностей, за которыми сюда с незапамятных времён приезжали купцы из Месопотамии. Флот бросил якорь у Ормуза, который тогда назывался Гармозия, в устье реки Анамис (Минаб). Отправившись из Карачи, флотилия Неарха странствовала более двух месяцев: теперь был конец декабря 325 года до н. э. Неарх присоединился к Александру, разбившему лагерь в полутора сотнях километров оттуда. Парь крепко обнял его, испытав огромное облегчение, и в честь флотоводца и его необыкновенного путешествия совершил жертвоприношения и возлияния Зевсу Спасителю, Аммону, Аполлону, Посейдону и всем морским божествам.

Неарх поведал ему о своём плавании, сделав акцент на самых странных и удивительных эпизодах, приукрашивая их для пущей живописности: «Море полно морских животных; они носятся, следуя за приливом; размерами своими подобны большим кораблям, и напуганные громким пением, они плывут за флотом и ныряют с таким шумом, точно это тонут корабли».

«Кроме того, путешественники поверили жителям, что море называется Красным не по цвету волн, как полагает большинство, а по имени царя Эритра. Недалеко от берега есть остров, густо поросший пальмами, и посреди этой роши возвышается колонна, памятник царю Эритру, с надписью на языке этого народа. Корабли, вёзшие маркитантов и купцов, поскольку кормчие были прельщены молвой о золоте, будто бы были занесены на остров, и после того никто их больше не видел», — передаёт его рассказ Квинт Курций.

Мы видим, что Неарх рассказывал, приукрашивая свои приключения. Однако он умолчал об опасностях, которым он подвергался: не только о

голоде и жажде, но и о трудностях опасного плавания между скалами, песчаными мельями, лагунами, где его корабли зачастую выбрасывало на берег, и ему удалось спустить их на воду лишь пеной нечеловеческих усилий.

Но Нearch, по меньшей мере в собственном представлении, ещё не полностью закончил своё плавание и решил отвести флотилию через Персидский залив в Сузы, где Александр намеревался пробыть некоторое время. В январе 324 года до н. э. Нearch со своим флотом, пройдя мимо песчаных мелей, препятствовавших продвижению кораблей, очутился в устье Евфрата и бросил якорь в порту Тередон, где был большой международный рынок ладана и аравийских благовоний. Затем он поднялся по реке Пастигр (Карун) и соединился с войсками Александра, который ещё не достиг Суз. В честь участников этого замечательного открытия — морского пути, способного связать Месопотамию с Индией и преобразить всю торговлю не только на Западе, но и в восточном мире, устроили роскошный пир.

Александру пришлось быстро прервать увеселения, поскольку, после стольких лет отсутствия, он натолкнулся на своеволие бывших друзей, ставших сатрапами и соорудивших себе настоящие независимые царства, потому что думали, что их государь погиб или, судя по доходившим до них слухам, находится при смерти. Для начала он сместил Апол-лофана, правителя оритов, и заменил его Тоасом, потом объединил в одну сатрапию Арахосию, Гадросию и страну оритов, поручив её Сибиртию, а Карманию отдал Тлеполему.

Но Александру надо было продолжить эту работу, покарать продажных и непослушных правителей или их воинов, предававшихся всякого рода бесчинствам и злодеяниям. Так, Филипп, которого он сделал сатрапом Индии, погиб во время бунта своих солдат. Мятежники перебили часть войска, сохранившего ему верность, а другую часть, попавшую в плен, хладнокровно казнили македоняне из личной охраны Филиппа. Александр доверил эту сатрапию, оставшуюся без главы, Таксилу и Эвдему — опытным военным.

Однако репрессии на этом не закончились. Александр показал себя неумолимым правителем, поскольку не мог простить измены самых верных людей. Так, он когда-то поставил пол начало Пармениона в Экбатанах трёх военачальников: Клеандра, Ситалка и Геракона, которые превратились в жестоких князьков. Местные жители и даже армия обвиняли первых двух в том, что они грабили храмы, надругались над гробницами в поисках спрятанных сокровищ, предавались всяческим бесчинствам и обижали

народ, даже казнили без суда. Александр созвал военный совет, приговорил их к смерти и немедленно привёл приговор в исполнение. Геракона постигла та же участь несколько дней спустя. Цель Александра была предельно ясна: жестокость необходима в назидание другим, чтобы держать сатрапов в повиновении. Напротив, он вознаграждал тех, кто остался ему верен, например, Стасанора, сатрапа Дрангианы, и Ария, который привёл ему верблюдов и вьючных животных, чтобы он смог без забот пересечь пустыню.

«Александр велел соединить вместе две роскошные повозки, возлёг на них вместе с друзьями и под звуки флейты проехал через всю Карманию; солдаты следовали за ним в венках, перекидываясь весёлыми шутками; еду и всякие роскошества щедро выносили к дороге местные жители. Александр устроил всё это в подражание вакхической свите Диониса. О нём ведь рассказывают, что он, покорив индов, прошёл таким образом значительную часть Азии, был прозван «триумфатором», и поэтому торжественные процессы, совершаемые после побед, называются триумфами», — пишет Арриан, уточняя, однако, что не доверяет этому рассказу.

Александр, ценивший великолепие и гордившийся тем, что идёт по легендарным следам Диониса, любил устраивать зрелища такого рода, хотя бы для того, чтобы произвести впечатление на местное население и своё войско и доказать им, что он не только жив, но и вернулся победителем из своего похода, и что он не потерял пристрастия к празднествам, пирам и попойкам, — короче, что он по-прежнему прославленный полководец, чьё имя гремит на весь мир.

Доподлинно известно, что он принёс жертвы богам, чтобы отблагодарить их за дарование ему победы в Индии и спасение его войска в Гадросии. Он также устроил гимнастические и мусические состязания. По этому случаю он вознаграждал верных себе людей, повысив их в чине. Например, Певкест стал одним из семи его личных телохранителей за то, что прикрывал его своим щитом во время атаки маллов; другими были Леоннат, Гефестион, Лизимах, Аристон, Пердикка, Птолемей и Пифон.

Александр знал, что он не покончил со всеобщей анархией, воцарившейся на покорённых им территориях в его отсутствие, и не собирался никого щадить. Он предоставил Гефестиону привести большую часть войска, вьючных животных и слонов из Кармании в Персию по берегу моря, потому что зимой там более мягкий климат, чем внутри страны.

Окружив себя несколькими гетайрами и лучниками, он явился к

пределам Персии и не нашёл там местного сатрапа Фрасаорта. Неудивительно: Фрасаорт умер, и его сменил Орксин.

Правда, тот вёл свой род от Кира, что обеспечило ему законное положение, и был богат, унаследовав сокровища от своих предков. Он явился к Александру, нагруженный подарками для него самого и его спутников. Среди этих даров были табуны объезженных лошадей, колесницы, украшенные золотом и серебром, драгоценная мебель, редкие самоцветы, тяжеленные золотые сосуды, пурпурные одежды и четыре тысячи серебряных талантов. Орксин думал, что таким образом завоюет доверие Александра и — почему нет — его дружбу. Однако он совершил большой промах, ничего не подарив евнуху Багою, «...который своей развратностью привязал к себе Александра, — рассказывает Квинт Курций. — Осведомлённый некоторыми, насколько Багой любезен Александру, Орксин ответил, что он угождает друзьям Александра, а не его любовникам и что не в обычае персов почитать мужчин, пороком уподобившихся женщинам». Поставленный в известность об этом оскорбительном для него ответе, евнух решил погубить Орксина в глазах своего господина Александра. Одно тёмное дело навлекло на Орксина гнев Александра. Посреди царских садов Пасагард возвышалась гробница Кира, окружённая густыми лесами, быстрой рекой и сочной травой; основанием ей служили большие камни, на которых покоился свод; проникнуть туда можно было лишь с большим трудом, через узкую дверцу. Говорили, что тело Кира хранилось там в золотом ковчеге на ложе, ножки которого также были из массивного золота, покрытом драгоценнейшими тканями вавилонской работы, пурпурным ковром, царским плащом, нижней частью одеяния мидян, платьем различных цветов, пурпурным и гиацинтовым, были там ожерелья, кинжалы, браслеты и самоцветы. Погребальный ковчег на ложе стоял в центре. Внутренняя лестница вела в келью магов, с самой смерти Кира сохранявших наследственную привилегию стеречь его тело. Царь каждый день дарил им барана и некоторое количество муки и вина, а раз в месяц приносил в жертву коня на могиле. На ней была надпись на персидском языке: «Я. Кир, сын Камбиза, основатель Персидского царства и владыка Азии. О человек! не завидуй мне, что у меня этот памятник».

Александр приказал вскрыть могилу Кира, где покоились останки государя, которому он намеревался воздать погребальные почести. Он думал, что гробница полна золота и серебра, как утверждали персы. Но, за исключением рассыпанного в прах шита, двух скифских луков и одного кинжала, он ничего не нашёл. Тогда, покрыв снятым с себя самого плащом возвышение, на котором лежало тело, он возложил на чело царя золотой

венец и выразил удивление от того, что столь знаменитый властелин, обладатель стольких сокровищ, похоронен не богаче простолюдина. Рядом с Александром находился евнух, который, повернувшись к нему, зашептал: «Что же удивительного в том, что царская гробница пуста, когда дома сатрапов не могут вместить в себя вынесенные оттуда богатства? Что касается меня, то сам я этой гробницы раньше не видел, но от Дария слышал, что здесь с телом Кира было положено 3 тысячи талантов. Отсюда и расположение Орксина к тебе: чем он не мог владеть безнаказанно, то обеспечил себе при помощи подарков», — рассказывает Квинт Курций.

«Этими словами евнух возбудил гнев царя, тем более что на помощь ему пришли подученные им люди. Уши царя прожужжали ложными наветами, с одной стороны, Багой, с другой — его помощники. Прежде чем у Орксина возникло подозрение, что его в чём-то обвиняют, он был взят в оковы. Не довольствуясь казнью невинного, евнух убил его собственной рукой. При этом Орксин воскликнул: «Слышал я, что когда-то Азией управляли женщины, но что ею управляет кастрат — это неслыханное дело». Таков был конец одного из знатнейших персов, не только невинного, но в высшей степени преданного царю Александру».

Сатрап Мидии Атропат привёл в Пасагарды, где была ставка Александра, пленника — мидянина Бариакса, который увенчал себя тиарой и провозгласил себя царём персов и мидян! Правда, у него были единомышленники. Изменника и его пособников немедленно казнили.

Александр поселился в Персеполе, но поскольку он постоянно строил грандиозные планы и не любил сидеть без дела, он захотел осмотреть Персидский залив в месте впадения в него Тигра и Евфрата. «Я не могу в точности сказать, каковы были намерения Александра, и не собираюсь гадать об этом. Одно, думаю я, можно утверждать, что замышлял он дела не малые и не лёгкие и не усидел бы спокойно на месте, довольствуясь приобретённым, если бы даже прибавил к Азии Европу, а к Европе острова бретанов. За этими пределами стал бы он искать ещё чего-то неизвестного и вступил бы, если бы не было с кем, в состязание с самим собой», — рассуждает Арриан.

Однако Александр был восприимчив к мудрости индийских жрецов и брахманов. Крайне любознательный, он часто прислушивался к их урокам смирения. Однажды эти мудрецы прогуливались по лугу, ведя философские разговоры, как вдруг показался Александр во главе своего войска. Они тогда начали топтать ногами по месту, где стояли. Завоеватель спросил у них через переводчика, зачем они так делают. Мудрецы ответили, что каждому человеку принадлежит столько земли, сколько находится у него под ногами,

а не все земли и страны, которые Александр завоевал из честолюбия и ради славы. Они даже дали ему понять, что после смерти ему понадобится ровно столько земли, сколько необходимо для его могилы. Александр без возмущения выслушал эти слова и оказался достаточно умён, чтобы понять их. Однако он хотел бы включить кое-кого из этих философов в свою свиту и сделать их своими друзьями, чтобы иметь возможность беседовать с ними. Но самый старший из мудрецов ответил, что его собратья не желают ничем обладать, им достаточно земных плодов для пропитания, а смерть избавит их от рабских оков тела. Прекрасный урок аскезы и умеренности, преподнесённый простым брахманом Александру Великому, которого заинтриговала эта философия отречения.

Тем не менее Александр сумел приобрести себе друга среди гимнософистов — брахмана Калана. Тот дерзко приказал Александру слушать его слова, сбросив тунику, нагим, иначе он не станет говорить, будь Александр даже посланник Зевса.

«В Персии он, никогда раньше не болевший, ослаб телом, но не пожелал вести образ жизни, подобающий больному. Он сказал Александру, что хорошо было бы ему вернуться домой, пока он не испытывает такой болезни, которая заставит его изменить прежний образ жизни. Александр долго возражал ему, но увидел, что его не переубедить и что если ему не уступить, то он иным способом, но всё равно уйдёт из жизни. Он велел, следуя собственным указаниям Калана, сложить огромный костёр; распорядиться этим он велел Птолемею, сыну Лага, телохранителю. Рассказывают, что Калана провожала торжественная процессия: шли люди и лошади; одни в полном вооружении, другие со всяческими курениями для костра. Некоторые добавляют, что несли ещё золотые и серебряные кубки и царское одеяние. Ему приготовили лошадь (он уже не мог идти пешком по болезни), но у него не хватило сил сесть на неё, и его понесли на носилках. На нём был, по индийскому обычаю, венок, и он пел по-индийски. Инды говорят, что то были гимн и славословия богам. Коня, на котором он собирался ехать (это был царский конь, нисейской породы), он, прежде чем взойти на костёр, подарил Лисимаху, одному из почитателей его мудрости. Кубки и ковры, которыми Александр велел украсить костёр, он роздал сопровождавшим его. Взойдя на костёр, он возлёг торжественным образом. Всё войско глядело на него, но Александру это зрелище, где центральным лицом был его друг, показалось невыносимым. Другим же казалось чудом, что тело в огне остаётся совершенно неподвижным. Когда, рассказывает Неарх, те, кому было приказано, подожгли костёр, грянули трубы (так велел Александр), всё войско подняло

тот крик, с которым оно ходило в сражения, слоны закричали пронзительно и воинственно все воздали честь Калану».

Интерес Александра к нравам индийцев и вообще иноземным обычаям, которые он не считал варварскими, как то было принято в Древней Греции и Риме, передавался и его соратникам, например Певкесту, назначенному сатрапом Персии. «Ценил Александр его и за то, что персидский образ жизни был для него вполне приемлем. Это обнаружилось сразу, когда, став сатрапом Персии, он, единственный из македонцев, надел мидийскую одежду, выучил персидский язык и вообще переделал всё на персидский лад. Александру это нравилось, а персы радовались, что он предпочитает их обычаи своим родным».

Александр выехал из Персеполя в Сузы и устроил торжественный въезд в этот город, но предварительно, по пути, судил и казнил сатрапов, оказавшихся неверными слугами, продолжив, таким образом, беспощадные чистки внутри администрации, которая стала анархической к моменту его возвращения из Индии.

Прибыв в Сузы в феврале 324 года до н. э., он сначала намеревался создать новые греческие колонии в Азии, перевезя при этом азиатов в Грецию, чтобы перемешать расы и религии и править смешанной империей. Проект необычный, но ему не суждено было осуществиться. Однако Александр отпраздновал в Сузах многочисленные смешанные браки между македонянами и азиатскими девушками. Он сам подал пример. Уже женатый на Роксане, дочери бактрийца Оксиарта, он взял себе в жёны Статиру (Барсину), старшую дочь Дария, и младшую из дочерей Оха, Парисатиду. То есть полигамия его не пугала, и он побуждал своих воинов и военачальников поступать так же, как он, по восточному обычаю, не заботясь о том, что подобное поведение может вызвать негодование в Греции и Македонии. Его друзья не заставили себя упрашивать: Гефестион женился на Дрипетиде, другой дочери Дария. «Кратеру он дал в жёны Амастрину, дочь Оксиатра, Дариева брата; Пердикке — дочь Атропата, сатрапа Мидии; Птолемея, телохранителя, и Эвмена, царского секретаря, женил на дочерях Артабаза, одного на Артакаме, другого на Артониде: Неарха на дочери Барсины и Ментора; Селевка на дочери Спитамена, бактриана. Таким образом переженит он человек 80 «друзей» на дочерях знатнейших персов и мидян. Браки совершены были по персидскому обычаю. Для женихов поставлены были в один ряд кресла; вкусив от напитка, невесты подошли и сели каждая возле своего наречённого; те обняли и поцеловали их. Царь подал пример; браки всех совершены были одновременно. Этот поступок Александра сочли одним из доказательств

его простого и дружественного обращения с «друзьями». Мужья, каждый со своей женой, ушли к себе. Приданое всем дал Александр. Были и другие македонцы, женившиеся на азийских женщинах; Александр велел составить их поимённые списки (оказалось их больше 10 000), и все они получили от него свадебные подарки».

Но это было ещё не всё. Арриан продолжает:

«Александр решил, что теперь как раз время уплатить солдатские долги. Он велел составить списки, кто сколько должен, чтобы выдать соответствующие суммы. Вначале только немногие записали свои имена, боясь, что Александр устраивает проверку, кому из солдат не хватает жалованья и кто слишком роскошествует. Когда Александру доложили, что только немногие внесли свои имена в списки и что большинство скрывает свои долговые обязательства, он изругал солдат за их недоверчивость: и царь должен говорить только правду своим подданным, и те, кем он правит, не должны сомневаться в правдивости своего царя. В лагере были поставлены столы и на них положены деньги; ведающим раздачей он приказал уплачивать долги каждого, кто предъявит долговое обязательство, не записывая больше имён. Солдаты положились на слово Александра, и то обстоятельство, что они остались неузнанными, было для них ещё приятнее, чем избавление от долгов. Говорят, что войску было в тот раз пожаловано около 20 000 талантов.

Роздал он разным людям и дары, разные в зависимости от их сана или доблести, обнаруженной в сражениях. Он увенчал золотыми венками людей, отличившихся своим мужеством: прежде всего Певкеста, прикрывшего его щитом; затем Леонната, который тоже прикрыв его щитом, прошёл всю войну с индами и одержал победу над оритами: во главе оставленного ему войска он одолел в бою восставших оритов и соседей их и, по-видимому, превосходно всё уладил в их земле. Затем увенчал он Неарха в награду за путешествие от земли индов по Великому морю, — он в это время уже прибыл в Сузы, — затем Онесикрита, кормчего корабля, на котором ехал царь, и ещё Гефестиона и остальных телохранителей. Пришли к нему сатрапы из новых городов и завоёванных земель; с ними прибыло около 30 000 юношей, вошедших в тот возраст, о котором Александр говорил, что это «потомки».

Македоняне были раздосадованы прибытием чужеземцев, позволявших себе подражать им с согласия и даже благословения Александра:

«Александр принимает всяческие меры к тому, чтобы не так уж нуждаться в македонцах. Великой печалью было для них видеть на

Александр мидийскую одежду; заключение браков по персидскому закону пришлось многим не по душе, в том числе и некоторым женихам, хотя они получили высокую честь оказаться наравне с царём. Огорчало их и то, что Певкест, сатрап Персии, перенял и персидский наряд, и персидский язык на радость Александру, с удовольствием глядевшему на это превращение в варвара».

У македонян назрели и другие упрёки: в частности, конница гетайров была разбавлена варварами, а целый конный корпус целиком состоял из иноземцев. Македоняне жаловались, что все сатрапы происходят из покорённых ими племён. Одним словом, они корили Александра за то, что он совершенно позабыл о своих корнях и превратился в варварского владыку.

АЛЕКСАНДР ПОКОРЁН ВОСТОКОМ

Судя по всему, Александр не придавал ни малейшего значения этим проявлениям недовольства и продолжал погоню за своими химерами. В начале 324 года до н. э. он поставил Гефестиона во главе большей части своей пехоты и отправил его через Персидский залив к берегам Тигра, в Опиду, лежащую к северу от нынешнего Багдада. Сам Александр погрузился на суда Неарха вместе с щитоносцами, агемой и частью гетайров, спустился по Эвлею, чтобы разведать дельту Евфрата. Потом поднялся по Тигру до Опиды, где его ждал Гефестион вместе с армией. Проходя по берегам реки, он велел снести плотины и шлюзы, которые построили персы, плохие моряки, чтобы защитить себя от нападения с моря. В оправдание своих действий он презрительно изрёк, что «...те, кто силён оружием, не нуждаются в подобных хитростях».

Разбив лагерь в Опиде, Александр собрал македонян и объявил им, что отпускает всех, неспособных сражаться по старости или из-за полученных ран, и разрешает им вернуться домой, щедро их вознаградив. Однако это предложение, последовавшее за включением в армию многочисленных варваров и «потомков», отнюдь не успокоило воинов, а напротив, распалило их ярость, так что возмущённые македоняне в едином порыве закричали, что они все желают уйти. «Пусть он уволит всех и воюет вместе со своим отцом: это был насмешливый намёк на Аммона», — уточняет Арриан.

Разъярённый наметившимся бунтом, Александр соскочил с помоста и велел схватить зачинщиков, указывая их щитоносцам. Несчастных немедленно казнили. Устрашённые неистовостью своего вождя, воины умолкли. Тогда Александр поднялся обратно на помост, сел на своё место и произнёс длинную речь в оправдание увольнений. Эту речь стоит привести целиком, поскольку из неё можно многое узнать о психологии Александра в то время, поскольку он подводит своего рода итог своим завоеваниям, доверительным отношениям со своими воинами. Его будто гнетёт какое-то предчувствие... Несомненно, эта речь в сжатой форме воспроизводит всю его жизнь, его представление о власти вождя и царя, его неизменное желание находиться рядом со своими воинами, — одним словом, всё, что он считал плодами своих трудов:

«Не затем, чтобы удержать вас от возвращения вашего домой, македонцы, будет сказано мной это слово (по мне, вы можете уходить, куда

хотите), но чтобы вы поняли, кем вы стали и с кем расстанётесь. Я начну, как и полагается, с отца моего Филиппа. Филипп застал вас нищими-бродягами; одетые в кожухи, пасли вы в горах по нескольку штук овец и с трудом отстаивали их от иллирийцев, трибалов и соседей-фракийцев. Он надел на вас вместо кожухов хламиды, свёл вас с гор на равнины, сделал вас грозными противниками для окрестных варваров, научил охранять себя, полагаясь не на природные твердыни, а на собственную доблесть, поселил вас по городам, упорядочил вашу жизнь, воспитав вас в добрых обычаях и законах. Над теми самыми варварами, которые раньше уводили вас в плен и уносили ваше добро, он поставил владыками вас, прежних рабов и подданных; присоединил к Македонии большую часть Фракии; захватил на побережье самые удобные места и тем расширил торговлю с нашей страной; дал возможность спокойно разрабатывать рудники. Он вручил вам власть над фессалийцами, а вы раньше умирали от страха перед ними; унизив фокейцев, открыл вам широкий и удобный путь в Элладу, а раньше он был узок и труден; афинян и фиванцев, которые вечно строили козни Македонии, он унизил до такой степени — и тут уже с нашей помощью, — что не вы платите дань афинянам и не вы подчиняетесь фиванцам, но они, до известной степени, трудятся для нашей безопасности. Он навёл порядок в Пелопоннесе: его объявили полновластным вождём всей Эллады в походе на Персию, и это придало ему славы не меньше, чем всему македонскому народу».

«Всё это было сделано моим отцом для вас; дела его, если рассматривать их сами по себе, велики, но они ничтожны, если их сравнивать с нашими. Я получил от отца несколько золотых и серебряных кубков; в сокровищнице не оставалось и 60 талантов, а долгов у Филиппа было до 500 талантов. Я взял в долг ещё 800; отправился из страны, которая и вас не могла прокормить досыта, и сразу же распахнул перед вами дорогу через Геллеспонт, хотя персы тогда и были господами на море. Победив с помощью конницы сатрапов Дария, я прибавил к вашим владениям всю Ионию, всю Эолиду, обе Фригии, Лидию; осадил и взял Милет. Все остальные земли, добровольно присоединившиеся, я отдал в пользование вам. Блага Египта и Кирены, приобретённые мною мирным путём, принадлежат вам; Келесирия, Палестина и Междуречье — ваши владения; Вавилон, Бактры и Сузы — ваши; богатства лидийцев, сокровища персов, блага индов и Внешнее море — ваши; вы — сатрапы; вы — стратеги; вы — так-сиархи. Что досталось мне от этих трудов, кроме этой порфиры и этой диадемы? Для себя я не приобрёл ничего; никто не укажет моих сокровищниц, кроме тех, в которых лежит добро ваше или

сохраняемое для вас. Для себя мне его беречь ни к чему: я ем тот же хлеб, что и вы, и сплю так же, как вы. Думаю, впрочем, что я не ем так, как некоторые любители роскоши среди вас, и знаю, что я бодрствовал затем, чтобы вы могли спокойно спать».

«Я приобрёл, скажете вы, всё это ценой ваших трудов и мучений и только распорядился вами, сам не трудясь и не мучаясь. Кто из вас трудился больше меня... или я за него? Пусть разденется и покажет свои раны тот, у кого они есть; и я в свою очередь покажу свои. У меня на теле спереди нет живого места; нет оружия, которым сражаются врукопашную или издали и которое не оставило бы на мне своих следов. Я был ранен мечом, в меня попадали стрелами с лука и с машины; много ударов нанесли мне камнями и брёвнами — за вас, за вашу славу, за ваше богатство. Я провёл вас победителями через всю землю, через море, через все реки, горы и все равнины; я женился по тому же обряду, что и вы, и у многих из вас дети будут родственниками моим детям. У кого были долги, я их уплатил, не особенно расспрашивая, почему они были наделаны, хотя вы получали такое жалованье и столько грабили, когда после осады начинался грабёж.

У большинства из вас есть золотые венцы: неувядаемая память вашей доблести и оказанного от меня почёта. А кто погиб, у того славной была смерть, могила его известна; большинству воздвигнуты дома медные статуи; родители живут в почёте и освобождены от всех повинностей и налогов. Не было под моим предводительством среди вас человека, который бы погиб, убегая с поля битвы».

«А теперь я собирался отослать тех из вас, кто негоден к военной службе, и отослать так, чтобы дома им завидовали. Если же вы хотите уйти все, ступайте все, и придя домой, объявите, что Александра, своего царя, который победил персов, мидян, бактрийцев и саков; покорил уксиев, арахотов и дрангов, завоёвывая Парфию, Хореем и Гирканию до Каспийского моря, перешёл через Кавказ за Каспийскими Воротами; переправился через Окс, Танаис, а затем и через Инд, через который никто не смог переправиться, кроме Диониса; переправился через Гидасп, Акесин и Гилраот, и переправился бы и через Гифас, если бы вы не помешали; проплыл по Великому морю, спустившись туда по одному и по другому рукаву Инда; прошёл через пустыню гадросов там, где раньше никто не проходил с войском; по пути присоединил ещё Карманию и землю оритов в то время, как его флот шёл от земли индов в Персидское море, — этого царя вы оставили в Сузах и ушли, бросив его под охраной побеждённых варваров. Такое известие принесёт вам, пожалуй, славу среди людей и

милость от богов. Ступайте».

Ошеломлённые силой этой строгой и ловко построенной речи, воины молчали, не смея возражать. Но на следующий день (это было в июле 324 года до н. э.) Александр созвал персов, которых решил включить в свою армию, заперев в лагере македонян, последние вновь рассердились и даже заявили, как бы пытаясь шантажировать своего царя, что им остаётся только умереть, раз он упорствует в своих решениях. Однако Александр был неумолим и через переводчика выступил перед чужеземным войском с речью огромной важности, поскольку в ней говорилось о том, как царь представляет себе свою империю — горнило взаимопроникающей ассимиляции. Вот как её передаёт Квинт Курций:

«Когда я переправлялся из Европы в Азию, я надеялся присоединить к своей империи много славных племён, большую массу людей. И я не обманулся в том, что поверил молве о них. К этому прибавилось ещё то, что я вижу храбрых людей, непоколебимо преданных своим царям. Я раньше думал, что все здесь утопают в роскоши и от чрезмерного благополучия предаются страстям. Но, клянусь богами, вы несёте военную службу честно и ревностно, проявляя преданность духа и тела и, будучи храбрецами, верность почитаете не менее храбрости. Сейчас я говорю об этом впервые, но знаю это уже давно. Поэтому я произвёл среди вас набор молодых людей и включил вас в состав моего войска. У вас та же одежда, то же оружие, но послушание и дисциплинированность гораздо выше, чем у других. Я сам взял себе в жёны дочь перса Оксиарта, не погнушался иметь детей от пленницы. Позднее, когда я пожелал произвести более обширное потомство, я взял в жёны дочь Дария и ближайшим друзьям своим дал совет народить детей от пленниц, чтобы таким священным союзом стереть всякое различие между победителями и побеждёнными. Поэтому знайте, что вы мои прирождённые воины, а не наймиты; в Азии и в Европе единое царство, и я даю вам македонское оружие. Я заставил забыть о вашем иноземном происхождении: вы мои граждане и воины. Всё сравнялось. Как персам не следует порочить нравы македонцев, так и македонцам не должно быть стыдно перенимать нравы персов... Одинаковы должны быть и права всех, кто будет жить под властью одного царя...»

Македоняне прознали об этой речи и неодобрительно молчали, но время шло, и они, не в силах сдержать своего возмущения, побежали к шатру Александра и побросали там своё оружие, плача от злости. Взволнованный Александр тоже прослезился. Передадим слово Арриану.

«Некий Каллин, человек почтенный по своему возрасту и положению

в коннице «друзей», сказал следующее: «Царь, македонцев огорчает то, что ты уже породнился с некоторыми персами; персы зовутся «родственниками» Александра и целуют тебя; из македонцев же никто не вкусил этой чести». Александр прервал его: «Всех вас считаю я своими «родственниками» и отныне так и буду вас называть». Тогда Каллин подошёл и поцеловал его, и то же сделал каждый желающий. После этого, подняв своё оружие, с криком и пением пеана^[76], они возвратились в лагерь».

Весной 324 года до н. э. Александр, как полагается, принёс благодарственные жертвы богам. Приготовили общий пир, на котором македоняне занимали первые места, персы — вторые, а воины прочих племён — согласно чинам и подвигам. Чашу передавали по кругу. Совершали возлияния. Жрецы обеих наций взывали к своим богам: «Пошлите им благополучие! Пусть их союз будет нерушим, а империя вечна!» На пиру было девять тысяч гостей, и все, когда был подан знак, запели пеан.

Теперь, примирившись со своей армией, Александр мог без трагических последствий отпустить домой слишком старых или израненных воинов. Сверх причитающейся им платы и денег на дорогу он дал им в награду по таланту. И потребовал, чтобы лети, прижитые ими с туземными женщинами, остались здесь, дабы они не нарушили покой греческих семей, последовав за отцами. Он обязался дать им образование по греческому образцу, а позже сделать их воинами согласно греческим законам. Став взрослыми, они смогут приехать в Грецию к своим родителям. Царь попросил Кратера, самого верного из своих соратников, отвести ветеранов на родную землю, возглавив их отряд. Он попрощался со всеми, и все рыдали. В помощь уставшему Кратеру, который должен был править Македонией, сменив Антипатра, поссорившегося с матерью Александра Олимпиадой, дали Полисперхона. Антипатру же велели встать во главе десяти тысяч греческих новобранцев и привести их в Азию.

Александр с Гепестионом вышел из Опиды в Экбатаны, где обосновался в конце лета и провёл всю осень 324 года до н. э. Он принёс там, по обычаю, благодарственные жертвы за свои победы и провёл гимнастические и мусические состязания. К нему явилась делегация из ста амазонок, возглавляемая Атропатом, сатрапом Мидии. Они ехали верхом, как положено. Рассказывали, что их правая грудь была не обрезана, как обычно, а меньшего размера, чтобы не мешать при стрельбе из лука. Однако древние историки не хотят верить этой истории: «Если Атропат показал Александру женщин-наездниц, то, думаю, показал он ему каких-то

варварок, умевших ездить верхом и одетых в одежду, которая считалась одеждой амазонок», — пишет Арриан.

Конечно, Александру не удалось привести своих воинов к мифическому океану, омывающему край земли на востоке, но он, как мы видим, не отказался от своих планов создать смешанную империю, которая занимала бы всю землю и не имела себе подобных. Ни этруски, ни карфагеняне, ни Афины, ни греческие города Малой Азии, распространяя своё влияние по Средиземноморью, не создавали ничего похожего. Даже если они выходили за пределы, обозначенные Геркулесовыми столпами, на побережье Атлантического океана, основывая торговые колонии, их никогда не посещала мысль о создании сплочённых империй, и уж того менее думали они о смешивании с туземцами или наделении их властью.

По словам Плутарха, который, надо полагать, поддаётся поэтическому преувеличению, Александр «...желал показать, что всё на земле подчинено единому разуму и единой гражданственности, что все люди составляют единый народ». Но прославленный греческий историк недалёк от истины, он лучше других постиг мечты Александра и его фантазии.

Наверняка разочарованный тем, что не смог продолжить свои завоевания дальше на восток, Александр решил обратить свой взор на запад. «Некоторые писали, что он задумал пройти морем вдоль большей части Аравии, мимо земли эфиопов. Ливии, номадов, по ту сторону горы Атлант и таким образом прибыть в наше Внутреннее море. Покорив Ливию и Карфаген, он, по справедливости, мог бы называться царём всей Азии, — сообщает Арриан. — Другие же говорят, что он хотел плыть отсюда в Эвксинское море, к скифам и к Меотиде^[77], некоторые — что в Сицилию и к берегам Япигии^[78]: его начинали беспокоить римляне, слух о которых расходился всё шире».

Но, будучи рассудительным человеком, он умел усмирить в себе фантазёра. И хотя мечтать он мог о чём угодно, осуществить пытался лишь те мечты, которые казались ему наиболее разумными.

Однако в середине осени 324 года до н. э. Гефестион, самый верный его помощник, которого можно было считать вторым человеком в империи Александра, заболел, возможно, из-за того, что всё лето предавался чревоугодию и пьянству вместе с царём и гетайрами. Вместо того чтобы соблюдать воздержание в еде и питии, как рекомендовал ему врач Главкия, он съел один целого варёного петуха и выпил большую чашу охлаждённого вина. Этого его организм уже не вынес. Александра, присутствовавшего седьмой день подряд на гимнастических играх, предупредили, что его

верный слуга совсем плох. Царь покинул зрелище и побежал к одру своего друга, который, к несчастью, только что испустил дух.

Все свидетельства согласуются в том, что Александра охватило отчаяние. «Одни рассказывают, что он упал на труп друга и так и пролежал, рыдая, большую часть дня, — пишет Арриан. — Он не хотел оторваться от умершего, и друзья увели его только силой. Другие говорят, что он провёл таким образом целый день и целую ночь. Некоторые добавляют, что он повесил врача Главкию будто бы за плохое лечение». «Горе Александра не знало границ, он приказал в знак траура остричь гривы у коней и мулов, снял зубцы с крепостных стен близлежащих городов, распял на кресте несчастного врача, на долгое время запретил в лагере играть на флейте и вообще не мог слышать звуков музыки, пока от Аммона не пришло повеление оказывать Гефестиону почести и приносить ему жертвы как герою», — сообщает Плутарх.

Рассказывают даже, что Александр и себе обрезал волосы в знак траура и правил колесницей, на которой покоилось тело Гефестиона, подражая Ахиллу, оплакивавшему Патрокла. Некоторые древние историки утверждают, что Александр, рассердившись на бога медицины Асклепия, велел разрушить его храм в Экбатанах, что явно является преувеличением, поскольку царь, даже будучи сильно расстроен, никогда не позволил бы себе такого нечестивого поступка. «Довольно вероятным кажется мне другой рассказ, — продолжает Арриан. — Отправившись в Вавилон, Александр встретил по дороге много посольств из Эллады, в том числе и послов из Эпидавра^[79]. Александр удовлетворил их просьбы, послал с ними приношения Асклепию, но при этом сказал: «Немилостиво обошёлся со мной Асклепий; не сохранил мне друга, который был мне дороже глаза».

Мы видим, что Александр чтит волю богов, поскольку он послал в храм Аммона посольство, чтобы спросить оракул, возможно ли воздавать Гефестиону почести как богу. Ответ Зевса был отрицательным, он потребовал похоронить покойного с почестями, оказываемыми героям, то есть, согласно греческой мифологии, как полубога, Александр не стал возражать против такого решения и весной 323 года до н. э. подготовил своему другу в Вавилоне грандиозные похороны.

Эта дружба несравнима с той, какую Александр питал к другим своим друзьям. По словам историков Древнего мира, Гефестион был любимцем царя, почти его «вторым я».

«Когда кто-то из друзей сказал, что Кратер любит царя ничуть не меньше, чем Гефестион, Александр воскликнул: «Кратер любит царя, а Гефестион Александра», — пишет Диодор Сицилийский. — Когда мать

Дария при первой встрече с Александром, по незнанию поклонившаяся в землю Гефестиону, как царю, смутилась от своей ошибки, Александр сказал ей: «Не беспокойся, мать! Он ведь тоже Александр». Вообще Гефестион пользовался большим влиянием и как друг мог высказываться очень свободно. Когда Олимпиада, не любившая Гефестиона из ревности, резко упрекала его в письмах и стала грозить ему, он написал ей укоризненное письмо и закончил его такими словами: «Перестань клеветать на меня, не неистовствуй и не грози. Меня это, впрочем, мало беспокоит. Ты знаешь, что Александр сильнее всех».

Александр истратил на погребальные церемонии десять тысяч талантов и объявил всеобщий траур по всей Персии. Нескольким гетайрам предложили положить своё оружие на могилу Гефестиона.

«Более чем всеми другими мастерами, Александр дорожил Стасикратом, замыслы которого отличались великолепием, дерзостью, блеском и новизной, — рассказывает Плутарх. — Незадолго до того Стасикрат обратился к царю и сказал, что Афону во Фракии скорее, чем какой — либо другой горе, можно придать вид человеческой фигуры и что, по приказанию Александра, он готов превратить Афон в самую незабываемую и самую величественную статую царя, левой рукой охватывающую многолюдный город, а правой — изливающую в море многоводный поток». Александр отверг этот проект, который чем-то напоминает нам гору Рашмор, где высечены головы первых и главных президентов США.

Поминки по Гефестиону в Экбатанах были грандиозными. Небывалые по своей роскоши, затратам, розданным наградам и количеству зрителей они превзошли собой все празднества, до сих пор устраиваемые Александром, который созвал три тысячи атлетов, чтобы почтить память своего друга впечатляющими гимнастическими состязаниями. Слово Диодору Сицилийскому:

«Начальники и друзья, каждый стремясь угодить царю, заказали изображения Гефестиона из слоновой кости, золота и других материалов, ценимых людьми. Сам он собрал строителей и толпу искусных мастеров, чтобы на пространстве в 10 стадиев снести стену и отобрать обожжённый кирпич. Он велел выровнять место для алтаря и воздвигнуть квадратный алтарь со сторонами каждая в один стадий. Постройка была разбита на 30 комнат; крыша сделана из стволов финиковых пальм: всё сооружение имело вид четырёхугольника. Вокруг расставлены были всяческие украшения. Фундамент сложили из 240 золотых носов пентер^[80]; на их «ушах» было 2 лучника, припавших на колени, высотой в 4 локтя и статуи

вооружённых людей; промежутки были завешаны шерстяной пурпурной материей. Над ними, во втором этаже, стояли канделябры высотой в 15 футов с золотыми венками на ручках; на верхушке, около места, где зажигался огонь, находились орлы, распростёршие крылья и глядевшие вниз; основание обвивали змеи, смотревшие на орлов. В третьем этаже изображена была охота на разных во множестве представленных зверей. Четвёртый этаж занимала кентавромахия^[81], отлитая из золота; в пятом стояли вперемешку золотые львы и быки. На самом верху поместили македонское и варварское оружие: одно свидетельствовало о победе, другое — о поражении. Надо всем поднимались сирены, внутри полые, чтобы там могли спрятаться певцы, исполнявшие погребальный плач. Сооружение возвышалось более чем на 130 футов. Вообще же начальники, все воины, послы и местные жители, соревнуясь друг с другом в доле участия в этих пышных похоронах, истратили, говорят, больше 12 тысяч талантов. В соответствии с этой роскошью и прочими почестями, оказанными умершему при похоронах, Александр в конце концов приказал всем приносить Гефестиону жертвы как божеству младшего чина. Случайно пришёл в это время один из царских друзей, Филипп, с повелением от Аммона чтить Гефестиона как бога. Александр чрезвычайно обрадовался, что бог утвердил его мысль; он первый принёс жертву и роскошно угостил народ, так как в жертву принесено было 10 тысяч разных животных».

Многие современные историки, имея на то полное основание, разглядели в этом огромном сооружении вавилонский зиккурат, используемый для наблюдения за небесным сводом и богами, который предстаёт в Библии в отрицательном образе Вавилонской башни.

Проведя половину зимы в Экбатанах и смирившись, благодаря развлекавшим его друзьям, со столь огорчившей его потерей, Александр уехал в Вавилон, сделав крюк через горы нынешнего Лури-стана, чтобы покорить коссеев — воинственное племя, находившееся в родстве с уксиями. Эти племена жили в горах, где построили крепости и чувствовали там себя неуязвимыми, особенно зимой, когда землю покрывал снег, и думали, что Александр не отважится пойти на них. Как хороший полководец, Александр обманул оптимистические ожидания противника и выступил в поход. Коссеи, конечно же, отступили на вершины крутых гор, но не могли помешать уничтожению своих полей в долинах и на равнине войском Александра, лишившим их продовольствия. Александр перекрыл все пути, по которым мог пройти неприятель, и беспрестанно атаковал, захватывая множество пленных.

Озабоченные судьбой пленников, которых они хотели освободить и

спасти от смерти, коссеи в конце концов сдались и обрели мир, подчинившись всем условиям своего победителя: безоговорочная капитуляция, бывшая ценой спасения пленников. Александр велел выстроить в этой полупустынной стране новые города, а потом, после всего сорокадневного военного похода, закончившегося победой, продолжил свой путь. Щадя свои войска, он часто давал им отдых и назначал разумные расстояния для дневных переходов.

Оказавшись поблизости от Вавилона, он принял посольство халдейских магов, славившихся своими предсказаниями на весь Древний мир. Те заявили, что, исходя из их наблюдений за звёздами, царю лучше не входить в Вавилон, поскольку там его ждёт смерть. Александр притворился, будто не воспринял их предупреждение всерьёз, и ответил им стихом из Еврипида: «Тот прорицатель лучше, кто сулит добро».

Кроме того, Александр подозревал, что халдеи хотят не пустить его в Вавилон, потому что он намеревался отстроить храм Бела (Мардука), некогда разрушенный Ксерксом по возвращении из Греции. Похоже, что царь был полон решимости привести свой план в исполнение, поскольку велел вавилонянам расчистить место для стройки, порученной его воинам. «Халдеи распоряжались сокровищами бога, а тратить прирост от них было некуда. Александр и подозревал, что они не хотят, чтобы он вступил в Вавилон, из боязни, как бы им, по скором восстановлении храма, не лишиться пользования этими средствами», — объясняет Арриан.

АЛЕКСАНДР, ВЛАСТЕЛИН МИРА ЕГО СМЕРТЬ

Поколебавшись некоторое время, Александр махнул рукой и вошёл в Вавилон, который стал столицей его империи и куда к нему присылали десятки посольств, как к властелину мира. По словам Арриана, «...он встретил посольство от ливийцев: ему воспели хвалу и увенчали его как царя Азии. За ними пришли посольства из Италии, от бреттиев, луканов и тирренов. Говорят, прислали посольство и карфагеняне; пришли послы от эфиопов и европейских скифов; пришли кельты и иберы просить дружбы. Эллины и македоняне впервые услышали их имена и увидели их одеяния. Рассказывают, что они поручали Александру рассудить их взаимные споры. Тогда-то в особенности Александр и самому себе, и окружающим явился владыкой мира. Арист и Асклепиад, писавшие о деяниях Александра, говорят, что посольство к нему прислали и римляне. Александр, встретившись с этим посольством, осмотрел парадную одежду послов, обратил внимание на их усердие и благородную манеру держать себя, расспросил об их государственном строе — и предсказал Риму будущую его мощь».

«Кроме посольств от азийских племён и городов, а также властителей пришли послы из Европы и Ливии, — пишет Диодор Сицилийский, — из Ливии явились представители карфагенян, ливиио-финикийцев и всех народов, живущих на побережье вплоть до Геракловых Столбов; из Европы отправили послов эллинские города, македонцы, иллирийцы, большинство с берегов Адриатики; фракийские племена; соседние галаты, народ, с которым тогда впервые познакомились эллины. Александр, получив список посольств, распределил порядок, в котором он будет их принимать. Первыми он принял тех, кому поручено было переговорить о вопросах, касающихся святынь; затем выслушал подносящих дары; потом разобрал спорящих с соседями; в-четвёртых, принял людей, пришедших к нему по своим личным делам; в-пятых, протестующих против возвращения изгнанников. Первыми он принял элейцев, потом аммониев, дельфийцев и коринфян, затем эпидаврийцев и прочих, ставя их в очередь в зависимости от прославленности их святыниц. Всем посольствам он дал ответы милостивые и отпустил их, удовлетворив по возможности».

Арриан добавляет: «Все статуи, изображения богов и разные

предметы, посвящённые им, которые Ксеркс вывез из Эллады в Вавилон, Пасаргады, Сузы или ещё куда-нибудь в Азию, он отдал послам, чтобы они доставили это обратно. Говорят, что тогда в Афины были обратно привезены медные статуи Гармония и Аристокитона, а также трон Артемиды Келкеи».

Отпустив посольства, неутомимый Александр вновь взялся за свои проекты завоеваний и исследований. Он мечтал покорить Аравийский полуостров и превратить Александрию и Вавилон в два главных города своей империи, наладив между ними сообщение по суше и по воде. Флот Неарха, состоявший из двух финикийских пентер, трёх квадрирем, двенадцати трирем и тридцати триаконтер, был слишком мал. Александр велел выстроить другой флот, из вавилонского кипариса, который начали рубить для этой цели. Он заказал в Финикии корабли, которые в разобранном виде перевезли в Фапсак и там, снова собрав, спустили на воду на Евфрате: «У Вавилона Александр вырыл гавань, где могла пристать тысяча военных кораблей; возле гавани выстроил верфи. Миккалу клазоменцу он вручил 500 талантов и отправил его в Финикию и Сирию с поручением набрать людей, знакомых с морским делом: одних соблазнить платой, других купить».

Полный решимости завоевать Аравию, он отправил некоторое число своих флотоводцев разведать Аравийский залив. «Архий, которого он послал на тридцативёсельном судне исследовать путь к арабам, дошёл до острова Тила, а дальше проникнуть не осмелился. Андросфен, посланный на другом тридцативёсельном судне, прошёл вдоль некоторой части Аравийского полуострова. Из посланных дальше всех зашёл кормчий Гиерон из Сол, получивший от Александра тоже тридцативёсельное судно. Ему было приказано проплыть вдоль всего Аравийского полуострова до Египта и Героополя. Дальше идти он не осмелился, хотя и проплыл вдоль значительной части Аравии. Вернувшись к Александру, он сообщил ему, что полуостров этот поражает своей величиной: он лишь немного меньше земли индов и глубоко вдаётся в Великое море. Люди, плывшие с Неархом от индов, видели эту землю, прежде чем повернуть в Персидский залив».

Е1абрали большую армию из местных уроженцев. 20 тысяч персидских воинов оказались под командованием Певкеста, в придачу им были коссеи и тапуры — самые воинственные из племён, пограничных Персии. Два сатрапа, Филоксен и Менандр, привели каждый по армии: одна состояла из уроженцев Карики, другая — Лидии. Менид прибыл с конницей из Македонии.

Получив такое большое пополнение, Александр, чтобы наилучшим

образом включить его в уже сложившуюся армию, изменил её первоначальный состав. Персов Певкеста он влил в македонские фаланги: «...десятником при каждой «декаде» назначил македонца, над ним македонца «двудольника» и «десятистатерника» (так называли воина по жалованью, которое он получал: оно было меньше жалованья «двудольника» и больше обычного солдатского). Под их началом, таким образом, было 12 персов и замыкающий «декаду» македонец, тоже «десятистатерник», так что в «декаде» находилось четыре македонца, отличённых — трое жалованьем, а один властью над «декадой», и 12 персов. Вооружение у македонцев было своё, национальное; одни из персов были лучниками, другие имели дротики».

Сооружение нового порта проходило с большими трудностями. На строительство канала бросили десять тысяч ассирийцев, но земля была слишком рыхлая, и их усилия не приносили результатов. Неистощимый на выдумку, Александр велел копать в нескольких километрах от строящегося порта и обнаружил каменистую землю, из которой сделали плотину, чтобы запрудить воды Евфрата. Александр спустился по каналу, проплыл по озеру и достиг границ аравийской земли. «Наткнувшись там на прекрасное место, он основал там город, укрепил его и заселил элинами-наёмниками, которые согласились на это, и теми, которые по старости или увечности не годились для военной службы», — говорит Арриан.

«Существует такой рассказ: большинство могил ассирийских царей выстроено среди озёр и болот. Александр во время плавания по озёрам сам правил триерой; сильным ветром у него с головы снесло шапку с диадемой: шапка, как более тяжёлая, упала в воду, а диадему ветер подхватил, и она застряла в тростниках, выросших на могиле какого-то древнего царя. Это он сам истолковал как знамение будущего, тем более что какой-то моряк, поплыв за диадемой, снял её с тростника, но, чтобы не замочить её, держал, пlying, не в руках, а надел себе на голову. По словам многих, писавших об Александре, Александр подарил ему талант за усердие и велел отрубить голову, так как прорицатели тут же объявили: «Нельзя оставить на свете голову, на которой была царская диадема».

Прежде чем выступить в путь, Александр, для тренировки своих матросов, устроил морские состязания, и победители получили венки. Он также отправил новое посольство в храм Аммона, чтобы узнать, можно ли воздавать Гефестиону почести как герою. Оракул ответил, что можно. Без ума от радости, Александр написал Клеомену, «человеку худому, натворившему много несправедливостей в Египте», приказав воздвигнуть два храма в честь Гефестииона: один в Александрии, а другой на острове

Фарос. И добавил в конце письма: «Если я найду, что и храмы Гефестиону выстроены хорошо, и жертвы в них совершаются как следует, то я прощу тебе все прежние проступки, и в дальнейшем, чтобы ты ни натворил, тебе от меня худого не будет».

Итак, всё было готово к походу, когда произошёл случай, истолкованный как дурное предзнаменование. Распределяя воинов по отрядам, Александр захотел пить и сошёл со своего трона. Гетайры, сидевшие рядом с ним на ложах с серебряными ножками, тоже встали и пошли за ним.

«Какой-то простой человек (некоторые говорят, что он был из числа находившихся под стражей, но не в цепях), видя, что трон и ложа пусты, а вокруг трона стоят евнухи, прошёл среди евнухов, поднялся к трону и сел на него. Евнухи не согнали его с трона, блюдя персидский обычай, а, разорвав свои одежды, стали бить себя в грудь и по лицу, будто случилось великое несчастье. Когда Александру донесли об этом, он велел пытать севшего на трон, желая узнать, не совершил ли он этот поступок по приказу каких-то заговорщиков. Тот твердил только одно: ему и в голову не приходило участвовать в заговоре. Тем более, сказали прорицатели, не сулит это добра Александру.

Несколько дней спустя после этого Александр принёс богам положенные жертвы, молясь о счастливом ходе событий и исполнении некоторых предсказаний, и сел за стол с друзьями. Пирушка затянулась далеко за полночь. Рассказывают, что Александр роздал войску по лохам и сотням жертвенных животных и вина. У некоторых записано, что он намеревался после попойки уйти в спальню, но ему повстречался Медий, самый верный человек среди тогдашних его приближённых, который попросил его к себе на пирушку; пирушка эта, по его словам, будет ему очень приятна. Александр пировал и пил у Медия; выйдя от него, он вымылся, лёг спать, опять обедал у Медия и опять пил далеко за полночь. Уйдя с пирушки, он вымылся, вымывшись, немного поел и тут же заснул, потому что уже заболел лихорадкой».

На третий день его вынесли на ложе, он совершил обычные жертвоприношения и остался лежать до вечера. Он собрал военачальников, наметил маршрут плавания, приказал пехоте быть готовой на четвёртый день, а тем, кто взойдёт с ним на корабли, — на пятый. Он велел отнести себя на ложе на берег реки, переправился через неё, погулял в прекрасном саду, совершил там омовение и отдохнул. На четвёртый день он совершил обычные жертвоприношения, поговорил с Меди-ем и приказал военачальникам явиться к нему поутру; немного поел и лёг в постель.

Лихорадка била его всю ночь. На пятый день он вымылся, принёс жертвы, приказал Неарху и прочим выступать через три дня. На шестой он вымылся, совершил жертвоприношения; лихорадка не отступала. Созвали военачальников, все распоряжения к отъезду были сделаны. Вечером он выпил немного вина и почувствовал себя хуже. На седьмой день его перенесли в соседние покои, он совершил жертвоприношения и, хотя был серьёзно болен, собрал командиров и отдал новые приказания по поводу плавания. На восьмой день его с трудом принесли к жертвеннику. На девятый его жизнь висела на волоске. Однако он принёс жертвы «...и приказал, чтобы стратеги находились в соседней комнате, а хилярхи и пентакосиархи перед дверьми. Ему стало совсем худо, и его перенесли из парка во дворец. Вошедших военачальников он узнал, но сказать им уже ничего не мог; голоса у него уже не было. Ночью и днём у него была жестокая лихорадка, не прекратившаяся и в следующую ночь и следующий день».

Воины, желавшие увидеть его, пока он не испустил дух, и вообразившие, что от них хотят скрыть известие о его смерти, слухи о которой уже начали распространяться, вынесли двери. Царь уже не мог говорить, он с трудом приподнял голову и приветствовал их взглядом, а ещё протянул им руку.

Пифон, Аттал, Демофон, Певкест, Клеомен, Менид и Селевк легли спать в храме Сераписа. Они вопрошали бога, не нужно ли перенести Александра в его храм; оракул ответил, что тому будет лучше, если он останется на месте. Этот ответ сообщили Александру, и несколько мгновений спустя он умер.

Были и другие рассказы о смерти Александра: «Друзья» спросили у Александра, кому он оставляет царство? Он ответил: «Наилучшему». Другие рассказывают, что к этому слову он прибавил ещё:

«Вижу, что будет великое состязание над моей могилой».

Было 13 июня 323 года до н. э. Умер один из самых необыкновенных завоевателей в истории; у него не было предшественников и никогда не будет последователей такого же масштаба.

Понятно, что герой, ещё при жизни вошедший в легенду, не мог, в глазах своих близких и своих воинов, умереть от естественных причин, поскольку казался бессмертным. Историки Древнего мира передают клеветнические измышления, распространявшиеся на этот счёт. Говорили, что Александр якобы стал жертвой заговора Антипатра, что Аристотель, бывший наставник македонского царя, раздобыл яд, который Кассандр, сын Антипатра, провёз в копыте мула, а Иолай, его младший брат, служивший

виночерпием, налил яд в чашу Александра, чтобы отомстить ему за давнишнее унижение, с одобрения своего любовника Медия, и Александр ощутил острые боли. «Кто-то не постыдился написать, что Александр, почувствовав близкий конец, ушёл с намерением броситься в Евфрат: исчезнув таким образом из среды людей, он утвердил бы в потомках веру в то, что, произойдя от бога, он и отошёл к богам. Жена его, Роксана, увидела, что он уходит, и удержала его; Александр же со стоном сказал, что она отняла от него непреходящую славу: стать богом», — сообщает Арриан.

На самом деле смерть Александра была совершенно естественной, если вспомнить, сколько ран он получил, как изнурял себя во время своих походов, попоек и пиров, хотя Плутарх и опровергает эту гипотезу: «И к вину Александр был привержен меньше, чем это обычно считали; думали же так потому, что он долго засиживался за пиршественным столом. Но в действительности Александр больше разговаривал, чем пил, и каждый кубок сопровождал длинной речью».

Ослабленное лишениями тело человека, который почти никогда не давал себе отдыха, стало лёгкой добычей малярии, которую не был способен исцелить ни один врач того времени. Плутарх говорит, что, несмотря на сильную жару, тело Александра не было тронуто разложением — доказательство того, что царь не был отравлен.

Действительно, тело Александра не было погребено сразу: на первый план немедленно вышла проблема его наследника, так что о бранных останках завоевателя почти забыли.

Сначала его соратники и ближайшие друзья, равно как и воины, предавались неизбывному горю. Весь Вавилон погрузился в боль и скорбь, повсюду раздавались мольбы и стоны, плакали и побеждённые, и победители. Они осыпали бранью богов, которые якобы из зависти лишили мир героя в расцвете лет, полного сил. К этим согласным рыданиям примешивалось чувство вины. Македоняне корили себя за то, что не хотели обожествлять Александра. Их обуяла тревога: они оказались вдали от родного дома, внезапно покинутые посреди враждебных племён, и не было наследника царя, на которого они могли бы опереться. Они предчувствовали начало гражданских войн. В конце концов, весть о неожиданной смерти распространилась за Евфратом и по всей Азии. Узнав ужасную новость о смерти Александра, мать Дария разорвала свои одежды и облачилась в траур, она рвала на себе волосы и каталась по земле. Она думала о судьбе своих внучек, которым до сих пор покровительствовал Александр. Что с ними станет? Тоска её была такой, что она отказалась

от пищи и уморила себя. «Она нашла силы жить после гибели Дария, но не могла пережить Александра», — пишет Квинт Курций.

В это время в вавилонском дворце разворачивалось сражение за наследование Александру между его друзьями и военачальниками. Квинт Курций рассказывает о нём во всех подробностях, но мы это сделаем вкратце. Первым о своих правах заявил Пердикка. Он созвал своих соратников, показал им царский трон, на который положил диадему и плащ Александра, а также его оружие, и нарочито добавил к этим вещам кольцо, которое Александр подарил ему перед смертью. Он заявил своим друзьям, что возвращает это кольцо в знак своей верности, однако дал понять, что царь выбрал его. Он сказал, что им теперь необходим вождь, даже несколько. И подтвердил, что Роксана беременна на шестом месяце, и если она родит сына, это будет благословение богов, хотя и придётся назначить правителя, пока мальчик не достигнет возраста, когда сам сможет править.

Неарх взял слово, чтобы напомнить, что у Александра уже есть сын от Барсины и что именно к этому ребёнку, естественно, перейдёт царская диадема. Но собрание военачальников не одобрило это предложение. Птолемей произнёс ксенофобскую речь, далёкую от идеалов Александра, заявив, что ни один македонянин не признает сына Александра, родившегося от варварки. Он высказался за коллегиальное управление. Но Аристон положил конец спору, сказав, что раз Александр подарил своё кольцо Пердикке, значит, именно его намеревался он сделать своим преемником. Тогда Пердикка вновь взял царское кольцо и надел на средний палец. Однако он притворился, что идёт на это против своей воли, и встал в последний ряд, чтобы показать свою скромность. Мелеагр сделал вид, что поверил в нерешительность Пердикки, и высказался против его вступления на трон: вот посмотрим, родит ли Роксана мальчика, который сможет сменить своего отца. Он покинул собрание, и большинство армии ушло за ним.

В общем смятении и гвалте вдруг раздался чей-то голос, выкликавший имя Арридея, сына Филиппа и сводного брата Александра, который вполне мог бы унаследовать трон. Несмотря на некоторые возражения, Мелеагр, ненавидевший Пердикку, поспешил за Арридеем и привёл его во дворец. Воины, приветствовавшие его как Филиппа, провозгласили его царём.

Это решение немедленно оспорил Пифон, примкнувший к Пердикке: он требовал, чтобы Пердикку и Леоннату назначили опекунами сына, который родится от Роксаны, поскольку они оба царских кровей. Он передал Кратеру и Антипатру руководство делами в Европе и потребовал, чтобы все принесли клятву покорности новому царю, сыну Александра.

Но Мелеагр в последний момент сумел вырвать власть у Пердикки. Он решительно взял себе доспехи и оружие Александра, а Арридей облачился в платье своего брата. Фаланга как будто одобрила это решение, согласно которому диадема переходила к члену царской семьи, как наследственное владение.

Тогда Пердикка, взяв шесть сотен воинов, заперся в покоях, где лежало тело Александра, и когда люди Мелеагра высадили двери, между противоборствующими сторонами началось столкновение. Наконец, испытанные в бою воины, опасаясь, что эта стычка перейдет в гражданскую войну, потребовали прекратить спор. Пердикка согласился уступить, но его сторонники ушли из города в надежде возобновить борьбу, сам же он вернулся в Вавилон, чтобы не оказаться отрезанным от остальной армии.

Мелеагр, по-прежнему стоявший за кандидатуру брата Александра, вызвал к себе Пердикку, который осыпал упреками свою свиту, укорявшую его за то, что он раб Мелеагра. Эта неопределенность всё больше тревожила македонян, оказавшихся всеми покинутыми посреди недружелюбных народов, которые при первой возможности были готовы взять реванш. Пердикка, снова ушедший из Вавилона вместе со всей конницей, намеревался лишить город снабжения, перехватывая доставляемый туда хлеб, чтобы обречь его на голод.

Ситуация зашла в тупик, настал черед переговоров. Царь Филипп делегировал фессалийца Пазу, Амисса из Мегалополя и Перилая. Но переговоры быстро оборвались, и их провал подогрел страсти до такой степени, что гражданская война казалась неизбежной. По счастью, Филипп не стал спешить, он успокоил умы и заявил:

«Что касается меня, я больше всего хочу сложить с себя эту власть, чтобы не вызвать пролития крови граждан, и если нет никакой надежды иначе добиться согласия, убедительно прошу вас, изберите другого, более достойного царя!»

В доказательство своей решимости он снял диадему, чтобы отдать её тому, кто её пожелает. Подталкиваемые новыми послами Филиппа, Пердикка и Мелеагр сделали вид, что помирились и объединились.

Пердикка распустил слух через нескольких воинов, будто он нелестно отзывался о Мелеагре. Тот явился разобраться и услышал уверения в верности от своего соперника. «После этого они соглашаются на совместное преследование виновных. Решают провести проверку всего войска по обычаю предков. Уважительной причиной было признано недавнее их разногласие. Цари македонские обычно производили проверку

своего войска так: в конце поля, на которое выводится войско, с двух сторон бросают внутренности зарезанной собаки, а внутри этого пространства становятся все вооружённые: с одной стороны конница, с другой — фаланга». Победители должны были назвать царя. Филипп, всё ещё остававшийся законным правителем, потребовал казнить зачинщиков смуты, людей Мелеагра, и раздавил их под ногами своих слонов. Мелеагр укрылся в храме, рассчитывая, по обычаю, найти убежище в священном месте. Но святость дома божьего не защитила его: там его и убили.

Пердикка понял, что единственный способ утишить страсти — разделить империю Александра между всеми претендентами, символически оставив во главе её Филиппа. «Сатрапом Египта и африканских народов, ему подвластных, был сделан Птолемей. Лаомедонту была дана Сирия с Финикией, Филоту назначена Киликия, Ликию с Памфилией и с Великой Фригией должен был принять Антигон; в Карию был послан Кассандр, в Лидию — Менандр. Малую Фригию, прилегающую к Геллеспонту, сделали провинцией Леонната; Каппадокия с Пафлагонией отошла к Евмену. Ему было приказано охранять эту страну до самого Трапезунта и вести войну с Ариаратом. Только он один не претендовал на власть. Пифену было приказано управлять Мидией, Лисимаху — Фракией и прилегающими к ней понтийскими народами. Было также решено, чтобы стоящие во главе Индии, Бактрии, Согдианы и других племён на берегу океана или Красного моря обладали и военной властью в пределах подвластных им стран. Пердикка должен был находиться при царе и командовать состоявшими при нём войсками».

Между тем «...шёл уже седьмой день, как тело царя лежало на катафалке, а мысли всех были отвлечены от ритуальных забот разрешением вопросов об устройстве государства. Нигде больше нет такого жаркого климата, как в Месопотамии; многих животных, застигнутых на голой почве, солнце там убивает. Такова сила накалённого воздуха, что всё сжигается как бы огнём. Источники воды там редки, и жители их скрывают, сами ими пользуются, иноземцам их не показывают. Когда друзья смогли наконец отдаться заботам о бездыханном теле и вошли в зал, не заметили на теле никаких признаков тления, ни даже бледности смерти: с лица его не сошла и та живость, которая поддерживается дыханием. Так что египтяне и халдеи, которым было приказано приготовить тело по их обычаю, сначала не решались тронуть его руками, думая, что оно дышит; затем, помолившись, чтобы им, смертным, было позволено прикоснуться к божеству, они очистили тело, наполнили благовониями и положили на золотое ложе, украсив голову знаками его сана».

«Тело Александра было наконец перевезено Птолемеем, которому достался Египет, в Мемфис, а оттуда через несколько лет в Александрию. Имени и памяти его там воздаются всяческие почести».

Но сегодня могила Александра Великого исчезла с лица земли, словно в истории от него должен был остаться только героический образ легендарного завоевателя и сверхчеловека.

ГЕРОИЗАЦИЯ И ЛЕГЕНДА ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ

Итак, Александр умер в возрасте тридцати двух лет и восьми месяцев, процарствовав чуть больше двенадцати с половиной лет. Все историки Древнего мира возносят ему хвалу, указывая при этом на некоторые недостатки его характера:

«Был он очень красив, очень деятелен, стремителен и ловок; по характеру своему очень мужествен и честлюбив; великий любитель опасности и усерднейший почитатель богов, — пишет Арриан, завершая свой труд. — Физическими уладами он почти пренебрегал; что же касается душевных, то желание похвалы было у него ненасытное. Он обладал исключительной способностью в обстоятельствах тёмных увидеть то, что нужно: с редкой удачливостью заключал по имеющимся данным о том, какой исход вероятен; прекрасно знал, как построить, вооружить и снабдить всем необходимым войско. Как никто умел он поднять дух у солдат, обнадёжить их, уничтожить страх перед опасностью собственным бесстрашием. С решимостью непоколебимой действовал он в тех случаях, когда действовать приходилось на глазах у всех; ему не было равного в умении обойти врага и предупредить его действия раньше, чем мог возникнуть страх перед ним. Он нерушимо соблюдал договоры и соглашения; его невозможно было провести и обмануть. На деньги для собственных удовольствий был он очень скуп; щедрой рукой сыпал благодеяния.

Если Александр и совершал проступки по вспыльчивости или во гневе, если он и зашёл слишком далеко в своём восхищении варварскими обычаями, то я этому не придаю большого значения. К снисхождению склоняют и его молодость, и его постоянное счастье, и то обстоятельство, что его окружали люди, которые стремились только угодить ему, а не направить к лучшему; такие есть и всегда, к несчастью, будут в свите царей. Но я знаю, что из древних царей раскаивался в своих проступках один Александр — по благородству своей души.

И персидскую одежду он надел, по-моему, обдуманно: ради варваров, чтобы явиться для них не вовсе чуждым царём, и ради македонцев — для умаления македонской резкости и заносчивости. Для того же, думается мне, он и зачислил в их ряды персов «носителей айвы», а в агему людей,

равных её членам по достоинству. И частые пирушки устраивал он, по словам Аристобула, не ради вина: Александр пил мало, а из расположения к друзьям.

Тот, кто бранит Александра, пусть не только бранит достойное брани, но охватит все его деяния и даст себе отчёт в том, кто он сам и в какой доле живёт. Он, ничтожное существо, утруждённое ничтожными делами, с которыми, однако, он не в силах справиться, он бранит царя, ставшего таким великим, взошедшего на вершину человеческого счастья, бесспорно повелителя обоих материков, наполнившего мир славой своего имени. Я думаю, что в то время не было ни народа, ни города, ни человека, до которого не дошло бы имя Александра. И я полагаю, что не без божественной воли родился этот человек, подобного которому не было. На это, говорят, указывали и предсказания при смерти Александра, и разные видения, и различные сны, которые видели люди; почести, воздаваемые ему до сих пор людьми; память, которую он оставил о себе как о существе высшем; предсказания, которые и теперь, столько времени спустя, даются, из уважения к нему, македонскому народу. Я сам в этой работе с порицанием отозвался о некоторых поступках Александра, но я не стыжусь того, что отношусь к Александру с восхищением. А дела его я бранил потому, что люблю правду, и потому, что хочу принести пользу людям: поэтому не без божьего изволения и взялся я за эту работу».

Арриан прав. Он понял, насколько новым и революционным выглядел замысел Александра в мире, где ещё господствовали Греция и политическая концепция, основанная на системе городов, хотя некоторые из них, как Афины, претендовали на гегемонию и имели имперские замашки. Смешав своё войско с восточными и даже с воинами неведомых стран, которые казались мифическими до его прихода, Александр преследовал, возможно, утопическую, но, во всяком случае, творческую и плодотворную мечту — объединить Европу и Азию, Запад и Восток. Не предоставив македонянам права исключительного командования, а Западу — неоспоримого преимущества, но проводя смешение рас, он без колебаний объединял интеллектуальные, экономические и нравственные силы двух величайших полюсов известного тогда мира. Его намерением было направить человечество по совершенно новому пути. Конечно, оно не могло осуществиться при его жизни, да и после его смерти, но осталось многообещающим проектом будущего. «Незавершённый труд», как пишет Роберт Коэн, но труд огромный.

Александр вознамерился преодолеть линии раскола между эллинами и варварами, возникшие из предрассудков, нелепость которых быстро стала

ему ясна. Он не создавал на завоёванных территориях колоний из местных обитателей, а хотел, чтобы греческие ветераны заключали браки или сожительствовали с восточными женщинами, и тогда спустя много лет родится и начнёт процветать новое поколение людей, вобравшее лучшие качества народов, его образовавших. С этой целью и были устроены грандиозные церемонии коллективных свадеб в Сузах, а сам он подал пример, выбирая себе жён среди туземных женщин, — конечно, дочерей правителей или князей, но всё же туземных. Более того, родившимся на Востоке сыновьям и жёнам своих воинов, вернувшихся в Грецию, он дал греческое воспитание и образование. Он построил множество городов, которые носили его имя, и главной особенностью которых была большая этническая и религиозная пестрота населения.

Привыкший к узким полоскам возделываемой земли в Элладе, Александр вдруг узрел огромные пахотные угодья и захотел заставить работать на них кочевников, сделав их оседлыми. Он привёз деревья из Греции на Восток и наоборот. Его свита из учёных, философов, географов, инженеров делала заметки и предоставляла ему отчёты, которые полностью перевернули его мировоззрение. Многие вели дневники, ставшие источниками для написания книг. Плавание Неарха явилось одновременно и важным исследованием Персидского залива. Мир, замкнутый раньше в тесные рамки Средиземноморья, стал гораздо обширнее и разнообразнее после похода Александра.

Были построены дороги, чтобы торговые караваны связали далёкий Восток и Запад; были созданы города и фактории, где велась бойкая торговля, появились новые порты — не только в Александрии, но и на крупных реках Азии и на побережье Аравийского моря. Александр провёл денежную реформу, чтобы деньги имели свободное хождение и могли обмениваться в границах всей его империи. Конечно, он верил в превосходство греческой цивилизации, как учил его наставник Аристотель, но никогда не намеревался установить её господство. Он просто думал, что эллинизм послужит культурной спайкой между народами, чему предпосылками станут уважительное отношение к местным наречиям и побуждение воинов, обосновавшихся на завоёванных землях, учить языки местных племён и говорить на них. Что же касается архитектуры, то, хотя следовавшие за ним зодчие были греками, они подлаживались под обычаи и традиции пересекаемых и занятых стран и не пытались обезличить восточные города, превратив их в греческие полисы, а принимали во внимание специфическую оригинальность местных построек.

Наконец, собирая воедино разные западные и восточные общины, он создал прообраз эллинистической цивилизации, повелевать которой будут мечтать, тайно или явно, все великие вожди Древнего мира, все римские императоры.

Конечно, Александра укоряли за дерзость его проектов, но при этом признавали их грандиозность, новизну и отсутствие предрассудков. Как сказал Мишель Монтень, Александр «...за полжизни достиг такого полного расцвета своих дарований, что в дальнейшие годы ему нечего было прибавить ни в смысле доблести, ни в смысле удач». Он обогнал своё время на три столетия, и только с созданием Римской империи многие идеи Александра наконец осуществились.

Его смерть не могла не послужить толчком к зарождению легенды о великом человеке, причём не только у эллинов, но, о чём часто забывают, и в мифологии восточных народов. И в Индии, и в Эфиопии все этносы, все племена сочиняли сказки о великом завоевателе. В Египте он прослыл как перевоплощение сына последнего фараона Нектанебо. Некоторые иудейские богословы тех времён считали его предтечей Мессии. Много позже мусульмане дали ему имя Искандер и «обратили в ислам»: он якобы совершил паломничество в Мекку и ритуальный обход вокруг Каабы. Его имя включено в Коран, где он представлен в образе двурогого человека, каким был бог Аммон. В персидской поэзии он воспевается как мореплаватель, завоеватель и распространитель западного искусства на Востоке. Знаменитый персидский поэт Хафиз написал в конце XIV века: «Коль стремишься ты к жизни вечной, как Искандер, ищи её на розовых устах красавицы».

Даже в начале XX века многие туркестанские князьки утверждали, что ведут свой род от Александра Великого. Порой бывает очень странно повстречать, например, на дорогах Афганистана голубоглазых людей с орлиным носом — невольно задаёшься вопросом, уж не потомки ли это македонских поселенцев, пустивших корни в их стране, женившись на туземках. Совершенно точно, что Чингисхан или Тамерлан, два завоевателя Азии, знали историю Александра: многие происшествия и военные подвиги в их собственной жизни перекликаются с нею.

Разумеется, на Западе Александр Македонский был высшим образцом правителя и полководца, в частности, для Ганнибала, о чём мало кто знает, который поставил себе целью воссоздать империю, похожую на империю Александра, но со столицей уже не в Риме, а в Карфагене; а также для Цезаря, который в 33 года, будучи всего лишь скромным претором Дальней Испании, плакал, говоря своим близким: «Неужели вам не кажется

недостаточной причиной печали то, что в моём возрасте Александр уже правил столькими народами, а я до сих пор ещё не совершил ничего блестящего?»^[82] Ещё один император, несправедливо заклеймённый историей, — Нерон доходил до мании величия, восхищаясь великим Александром, и даже грезил новым походом в Индию.

Французы не могут не вспомнить о романтических мечтах о Востоке Наполеона Бонапарта, который, выступив в путь из Египта, намеревался, конечно же, отрезать дорогу в Индию англичанам, но главное — пройти по стопам Александра. Ему помешала политическая ситуация во Франции. Как и Александр, Бонапарт отправился в поход вместе с именитыми учёными, археологами для съёмки местности, инженерами, художниками, экономистами, востоковедами, среди которых были Монж, Бертолле, Жоффруа Сент-Илер, Виван Денон^[83]. Он наверняка читал сочинения древних историков об Александре, раз подражал ему до такой степени. И он был принят в Институт Франции вместо Карно^[84]. Современные ему учёные восхищались его познаниями, как в своё время, в IV веке до н. э., эллины прославляли учёность Александра Великого, учившегося у своих наставников всем наукам.

В течение нескольких лет своего земного пути и потом на протяжении многих веков существования в памяти человечества Александр Македонский превратился из исторического персонажа не просто в мифологического героя, что пришлось бы ему по душе, а в легенду для одержимых завоевателей всех времён и народов.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

356, 22 июля — у Филиппа, правителя Македонии, и его жены Олимпиады родился сын Александр. Царём Македонии был Аминта IV, племянник Филиппа.

353 — Филипп Македонский задумывает покорить себе всю Грецию.

352 — Филипп покоряет Фессалию.

351 — Филипп захватывает Фракию и завоёвывает несколько греческих колоний. Демосфен произносит речь («Филиппику») против честолюбивых устремлений Филиппа и призывает греческие города, в частности Спарту и Афины, объединиться в коалицию против общего врага.

350 — Филипп свергает Аминту и захватывает власть, провозгласив себя царём Македонии под именем Филиппа II. Он выбирает в наставники Александру философов Лисимаха и Леонида.

350–344 — Филипп II медленно, но верно завоёвывает Грецию и утверждает своё господство над территорией от Фракии до Геллеспонта.

344 — знаменитый философ Аристотель становится наставником Александра.

342 — Филипп II покоряет Иллирию и большую часть Балканского полуострова.

340 — Александр участвует вместе с отцом в осаде Перинфа, Филипп оставляет его править страной вместо себя.

339 — Филиппу II не удаётся покорить народы Причерноморья. Демосфен становится во главе союза греческих городов.

338 — коалиция греческих городов разгромлена при Херонее Филиппом II и его сыном Александром.

337 — Коринфский союз в очередной раз пытается воспрепятствовать территориальным притязаниям Филиппа II и его сына. Филипп II прогоняет Олимпиаду, мать Александра, и женится на Клеопатре. Александр овладевает Эпиром.

336 — убийство Филиппа II во время пира по случаю свадьбы его дочери, в присутствии Александра. В конце июля Александр провозглашён царём Македонии. В Персии царём стал Дарий III Кодоман.

335 — в результате нескольких военных походов Александр положил конец независимости Греции, покорив себе все греческие города, в том числе Афины.

334 — Александр переправляется через Геллеспонт и начинает завоевание греческих городов в Малой Азии, находящихся под персидским владычеством. Первая значительная победа над персами при Гранике. Александр разрушает гордиев узел.

333, 12 ноября — победа Александра над Дарием III при Иссе. Завоевание Сирии и Финикии. Александр берёт в любовницы Барсину.

332, январь — июль — осада Тира.

Сентябрь — октябрь — осада Газы. Александр проходит через Иерусалим в Египет, завоёвывает его и провозглашает себя фараоном в Мемфисе, получив прорицание оракула Аммона о том, что его ждёт славное будущее.

331 — вернувшись в Азию, Александр одерживает решающую победу над Дарием при Гавгамелах, завоёвывает Вавилон и Сузы.

330 — Александр допускает пожар Персеполя. Взятие Экбатан. Дарий убит сатрапом Бессом. Продвигаясь всё дальше на восток, Александр захватывает Гирканию, Парфию, современный Афганистан и оккупирует современный Белуджистан. Он безрассудно казнит двух своих ближайших друзей — Филоту и Пармениона.

329 — завоевание Бактрии (северный Афганистан). Войска Александра переправляются через Окс (Амударью), покоряют Согдиану и оккупируют современный Самарканд. Бесс, убийца Дария, казнён по приказу Александра. Переправа через реку Яксарт.

328 — Согдиана и Бактрия восстали против македонских оккупантов; бунт безжалостно подавлен Александром.

327 — Александр убивает своего соратника и друга Клита и терзается жестокими угрызениями совести. Женитьба на Роксане. Заговор Калисфена. Александр отправляется в Индию и переходит через Гиндукуш. Заключение союза с индийским князем Таксилем. Весной Александр, уже полупивший титул «Великий», переправляется через Инд и с трудом преодолевает Гидасп. В июле он выходит победителем из сражения с Пором. Армия, не желающая продолжать дальний и опасный завоевательный поход, выказывает неповиновение своему вождю.

326 — Александр поворачивает назад и спускается по Гидаспу.

325 — Александр с войсками пересекает пустыню в Гадросии, пока его флотоводец Неарх совершает плавание вдоль побережья Индийского океана.

324 — Александр возвращается в Персеполь, а оттуда отправляется в Сузы, где празднует свадьбу десяти тысяч греческих воинов с персидскими женщинами. Подавление восстания в Опиде.

Октябрь — смерть Гефестиона в Экбатанах.

323, *весна* — вернувшись в Вавилон, Александр готовится к походу в Африку.

13 июня — скоропостижная смерть.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография. М., 1973.
- Арриан Флавий.* Поход Александра. М., 1993.
- Арриан. Индия. Античные писатели о Древней Индии // ВДИ. 1940. № 2.
- Арский Ф. Н.* Страбон. М., 1974.
- Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Васильевский В. Г.* Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869.
- Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980.
- Голубцова Е. С.* Сельская община Малой Азии III в. до н. э. — III в. н. э. М., 1972.
- Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971.
- Григорьев В. В.* Поход Александра Македонского в Западный Туркестан // ЖМНП. Ч. 217. Отд. II. 1881. Сентябрь-октябрь.
- Данданаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
- Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. Античный мир. М., 1936.
- Демосфен.* Речи / Пер. и прим. С. И. Радцига. М., 1954.
- Дитмар А. Б.* География в античное время. М., 1980.
- Доватур А. Л.* Политика и политии Аристотеля. М.; Л., 1965.
- Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье. Избранные статьи из журнала «Вестник Древней истории». М., 1997.
- Дройзен И. Г.* История эллинизма. Т 1. История Александра Великого. М., 1890.
- Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1956.
- Дьяконов И. М.* Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
- Зельин К. К.* Помпей Трог и его произведение «*Histonae Philippicae*» // ВДИ. 1954. № 2.
- Зельин К. К., Трофимова М. К.* Формы зависимости в восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969.

Зельин К. К. К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330–328 гг. до н. э. // Проблемы социально-экономической истории Древнего мира. М.; Л., 1963.

Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таквила. М., 1958.

Историография античной истории/Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.

Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1982.

Ковалев С. И. Александр Македонский. Л., 1937.

Ковалев С. И. Монархия Александра Македонского // ВДИ. 1949. № 4.

Кондратюк М. А. Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20 гг. IV в. до н. э. // ВДИ. 1977. № 2.

Кондратюк М. А. Проблема обожествления Александра Македонского в современной историографии // Проблемы всеобщей истории / Под ред. Г. Д. Язькова, И. Л. Маяк. М... 1977.

Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.

Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

Кошеленко Г. А. Аристотель и Александр (к вопросу о подлинности «Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам») // ВДИ. 1974. № 1.

Крюгер О. О. Арриан и его труд «Поход Александра» // Арриан. Поход Александра / Пер. М. Е. Сергеенко. М.; Л., 1962.

Курций Руф Квинт. История Александра Македонского. М., 1993.

Ловягин А. М. Александр Македонский в Туркестане // Исторические и библиографические очерки. Пг., 1917. Вып. 1.

Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский: к проблеме кризиса полиса. М., 1993.

Маринович Л. П. Александр Македонский и полисы Малой Азии // ВДИ. 1980. № 2.

Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. М... 1964. Т. I.

Михайловский К. Александрия. Варшава, 1970.

Пёльман Р., фон. Очерк греческой истории и источниковедения. М., 2007.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1987.

Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.

Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950.

Соболевский С. И. Флавий Арриан // История греческой литературы. М., 1960. Т. III.

- Страбон. География* / Пер. Г. А. Стратановского. В 17 кн. М»1964.
- Струве В. В. У истоков романа об Александре* // Советское востоковедение. М., 1927. Т. 1.
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация*. М., 1949.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации*. М., 1948.
- Тревер К. В. Александр Македонский в Согде*// ВИ. 1947. № 5.
- Уилер В. Александр Великий*. СПб., 1900.
- Уилер М. Пламя над Персеполем*. М., 1972.
- Фор П. Александр Македонский*. М.: Молодая гвардия, 2001. («ЖЗЛ».)
- Фор П. Повседневная жизнь армии Александра Македонского*. М.: Молодая гвардия, 2008. (Живая история: Повседневная жизнь человечества.)
- Фролов Э. Д. Коринфский конгресс 338/337 г. до н. э. и объединение Эллады* // В ДИ. 1974. № 1.
- Фролов Э. Д. Русская историография античности (до середины XIX в.)*. Л., 1967.
- Хюпин И. Н. Александр Македонский в Маргиане* // Античность и современность. М., 1972.
- Хюпин И. Н. Маршрут азиатского похода Александра Великого* // Iranica Antiqua. 1982. Gent. Т. XVII.
- Цибукидис Д. И. Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850–1974)*. М., 1981.
- Шахермайр Ф. Александр Македонский*. М., 1984.
- Шестаков С. П. Красноречие у древних греков и его влияние на их историческую литературу*. Казань, 1901.
- Шифман И. Ш. Александр Македонский*. Л., 1988.
- Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского*. Казань, 1976.
- Шофман А. С. История античной Македонии*. Ч. I и II. Казань, 1960, 1963.
- Шофман А. С. Каллисфен* // ВИ. 1974. № 6.
- Эллинистическая техника* / Под ред. И. И. Толстого. М.; Л., 1958.

INFO

Шмидт Ж.

Ш 7 З Александр Македонский / Жоэль Шмидт; пер. с фр., прим. Е. В. Колодочкиной. — М.: Молодая гвардия, 2015. — 301 [3] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 87).

ISBN 978-5-235-03805-9

УДК 94(3)"-4"

ББК 63.3(0)322-8

знак информационной продукции 16+

Шмидт Жоэль

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Редактор *И. В. Черников*

Художественный редактор *А. В. Никитин*

Технический редактор *В. В. Пилкова*

Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 29.01.2015. Подписано в печать 08.04.2015.

Формат 70x100/з2. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 12,35+1,3 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1508020.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Суцневская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного электронного оригинал-макета в ООО
«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

notes

Примечания

1

К концу битвы обе армии отошли на исходные позиции, но со смертью Эпаминонда фиванское владычество прекратилось (здесь и далее примечания переводчика).

Амфиктиония — союз греческих племён, живших по соседству со святилищем общего высшего божества и объединявшихся для его защиты. В данном случае имеется в виду дельфийско-пилейская амфиктиония, состоявшая из двенадцати общин Средней Греции и Фессалии. Она возглавлялась советом представителей общин (каждая община имела два голоса), несла охрану своего святилища, организовывала имевшие общеэллинское значение пифийские религиозные празднества и оказывала влияние на международные отношения, учреждая третейские суды.

Амфисса — город в Средней Греции, в десяти километрах от Дельф. После того как город Криса был разрушен по приказанию амфиктионов из-за того, что его жители взимали подати с дельфийских пилигримов, его население перебралось в Амфиссу и возобновило эту практику, завладев и частью земель, отданных дельфийскому богу. Амфиктиония обратилась к Филиппу Македонскому, город был разрушен в 339 году до н. э., но вскоре оправился от разгрома.

Плутарх пишет: «Происхождение Александра не вызывает никаких споров: со стороны отца он вёл свой род от Геракла через Карана, а со стороны матери — от Эака через Неоптолема. Сообщают, что Филипп был посвящён в Самофракийские таинства одновременно с Олимпиадой, когда он сам был ещё отроком, а она девочкой, потерявшей своих родителей. Филипп влюбился в неё и сочетался с ней браком. добившись согласия её брата Арибба».

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Александр / Перевод М. Н. Ботвинника и И. А. Перельмутера.

Месяц жертвоприношений, первый месяц аттического года (длился с 15 июля по 15 августа). На этот месяц выпадали важнейшие праздники и жертвоприношения в Афинах.

Аристотель Стагирит (384–322 гг. до н. э.) — греческий философ и учёный-энциклопедист, из семьи врачей при дворе македонских царей. Ученик Платона. В 335 году до н. э. основал «школу перипатетиков» в Ликее (Афины), где обучение происходило во время прогулок. Изучал все проблемы развития природы и общества. После смерти Александра Македонского Аристотеля преследовали за промакедонскую ориентацию.

Словом «Эпир» у древних греков обозначался вообще материк, в противоположность островам; в частности, этим именем жители западных греческих островов (Ионийского и Адриатического морей) называли противоположный берег Эллады до входа в Коринфский залив. Постепенно это значение сузилось, и слово «Эпир» стало обозначать область, смежную на севере с Иллирией, на востоке с Фессалией, на юге с Этолией и Акаранией. Племена, населявшие его в историческую пору, считались «варварскими». В V веке до н. э. на территории Эпира возникло царство, основателем которого был Адмет. Он считал себя потомком царя Неоптолема — сына легендарного Ахилла (другое имя Неоптолема — Пирр). Адмет основал знаменитый род Пирридов, которые правили Эпиром вплоть до 231 года до н. э. Царь Пирр к концу IV — началу III века до н. э. объединил молоссов в единое государство. К роду Пирридов принадлежала и Олимпиада, мать Александра Македонского.

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа».
Перевод А. А. Деконского, М. И. Рижского.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Демосфен Перевод С. П. Маркиша.

Дунай.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Перевод с
дневнегреческого О. П. Цыбенко.

Кадмея — акрополь в Фивах.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Александр.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. XVII. Перевод
М. Е. Сергеенко.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Фокион. Перевод С. П. Маркиша.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Демосфен.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Александр.

Царь Македонии, правивший в начале IV века до н. э.

Арриан Квинт Эппий Флавий. Поход Александра. Перевод с латинского М. Е. Сергеенко.

Гетайры, или как их часто называют в литературе — (г)этеры, что в дословном переводе с греческого означает «друзья», составляли основную ударную силу македонской конницы. Гетайры были облачены в добротные панцири и шлемы, в правой руке у них была сарисса, в левой — щит. их боевых коней также защищала броня.

Эфемериды — ежедневные записи, дневник; в Древней Греции так назывались ежедневные отчеты о деятельности царя или важного сановника, полководца. Эфемериды представляли официальную хронику событий, связанных с именем известного лица.

Оракулами называли предсказателей, а также именовали изреченные ими предсказания.

Геллеспонт — пролив, отделявший фракийский Херсонес от Азии (Троады в Малой Фригии). Современное название — Дарданеллы. Пролив соединяет Эгейское море с Мраморным морем, а в паре с Босфором — с Черным морем.

Протесилай стал первым эллином, убитым троянцами, как только он спрыгнул на азиатский берег.

Этим именем поэты называли троянского царевича Париса.

Цицерон. Речь в защиту поэта Архия. Перевод С. П. Кондратьева.

Жители Аполлониатиды в Вавилонии.

Гоплит — тяжеловооружённый пеший воин. Носил большой щит, шлем и панцирь, а также поножи. Его главным оружием были копье и меч.

Ила — конный отряд численностью около шестидесяти бойцов.

Спитридат у Плутарха.

Агриане — фракийское племя, жившее севернее Македонии. Их царь Лангар выделил Александру Македонскому тысячу лучших своих воинов. В македонской армии эти войска считались элитными и действовали вместе с конницей гетайров.

Триера — боевое гребное судно с тремя рядами вёсел, расположенных один над другим в шахматном порядке. Водоизмещение свыше 200 тонн, длина 45 метров, ширина 6 метров, осадка 2,5 метра, экипаж до двухсот человек. Иногда в помощь вёслам ставили паруса. Появились в Финикии и с V века до н. э. распространились во флотах других средиземноморских государств.

Фасéлис — город древней Ликии, на территории современной Турции, провинция Анталья.

Понт Эвксинский («гостеприимное море») — одно из ранних названий Чёрного моря.

Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Кн. III.
Перевод с латинского К. Морозова и И. Миронова.

По свидетельствам всех цитируемых историков, это лекарство было слабительным.

Не путать с Аминтой, близким соратником Александра. — *Прим. авт.*

Отец Либера — Дионис, или Вакх, сын Зевса и Семелы, бог вина, покровитель искусств, земледелия и пр. Название «Либера» римляне производили от *liber* — «свободный», намекая на распущенность культа Диониса.

Сидон — современный Сайда, третий по величине город Ливана. Находится в 25 милях к северу от Тира (ныне город Сур).

Ахилл объехал вокруг Трои, волоча за своей колесницей тело Гектора.

Талант равнялся 26,2 килограмма.

Третий по значению город Египта после Абидоса и Мемфиса. Гелиополь (расположенный к северо-востоку от современного Каира) был основным центром почитания Атума (Ра), считающегося первым общеегипетским богом Солнца. Храмы Гелиополя, известные своими успехами в астрономии и философии, неоднократно посещались Солоном, Пифагором, Платоном и другими выдающимися мыслителями Античности.

Гомер. Одиссея. Песнь IV.

Канобское устье — самый западный рукав нильской дельты.

Эвергет — благодетель: почетный титул, дававшийся иностранцам, оказавшим большие услуги государству.

Когда страну поразила засуха, длившаяся девять лет, кипрский прорицатель Фрасий предсказал, что бедствие прекратится, если Бусирис будет ежегодно приносить в жертву Зевсу одного чужеземца. Первым он умертвил самого прорицателя, а затем убивал у алтаря Зевса всех чужестранцев, прибывавших в Египет. Геракл, когда его подвели к жертвеннику, порвал путы и убил Бусириса и его сына Амфидаманта. Этот миф отражал представления греков о враждебном отношении египтян к чужестранцам.

Эпиникии — оды на спортивные победы.

Пелусий — город в Древнем Египте, в Нильской дельте; в древности считался ключом Египта и был сильно укреплен. В 527 году до н. э. при Пелусии произошла битва между Камбизом и Псамметихом III; в 369 году он был завоеван персами.

Хоры, певшие в дифирамбах, строились кругом, а в трагедиях — прямоугольником.

Гордийские (Кордуенские) горы ранее назывались Тавром; это хребет Хакяри в Курдистане. Кордуена — древняя историческая область на Ближнем Востоке, в Верхней Месопотамии, на стыке современных границ Турции и Сирии.

Агема — македонская конная гвардия, царская ила. Она присоединялась как шестнадцатый отряд к пятнадцати илам, на которые делилась вся остальная конница. В этот конвой царя поступали самые храбрые и сильные сыновья благороднейших фамилий.

Нынешний Эрбиль, столица иракского Курдистана.

В армии Александра Македонского в каждом таксисе было по 1500 воинов.

Примерно 80 километров.

Мелофоры — «носящие яблоко»; так назывались персидские воины, вооружённые копьем, древко которого было украшено золотым яблоком; телохранители Дария.

Мардук — верховный бог Междуречья, бог-покровитель города Вавилона.

Аристокитон, выходец из знатного афинского рода, вступил в заговор с Гармодием с целью убийства Писистратидов Гиппарха и Гиппия. Во время Панафинейского праздника в 514 году до н. э. они осуществили свой замысел в отношении Гиппарха, но Гиппий уцелел. Телохранители тирана изрубили Гармодия на месте покушения; Аристокитон бежал, но был пойман, подвергнут пыткам и казнен. Оба прославились как тираноубийцы и борцы за свободу.

Река, впадающая в Персидский залив в устье Тигра и Евфрата, нынешний Карун в Иране.

60

Талант равняется 60 минам, или шести тысячам драхм.

По рассказам историков, царица амазонок желала родить от Александра ребёнка, пообещав, если родится мальчик, отдать сына ему, девочку же оставить себе. Александр не мог ей отказать и задержался на несколько дней.

Стола — верхняя одежда, род туники с узкими рукавами и обшлагами.

Река Танаис, то есть Дон.

Нынешний Худжанд, город на севере Таджикистана, административный центр Согдийской области.

Яксарт (Сыр) — река Внутренней Азии, отделяет Согдиану от области скифов-кочевников и впадает в Аральское озеро. Древние часто смешивали её с Танаисом, называли этим именем и представляли себе пограничной рекой между Европой и Азией то Танаис, то Яксарт.

По другим сведениям, Наутака — Шахрисабз, город в Узбекистане, на Великом шёлковом пути.

Дарик — золотая монета массой 8,4 грамма (970-й пробы), поступила в обращение при Дарии I примерно с 510 года до н. э.

Николя Фуке был суперинтендантом (министром финансов) и богатейшим человеком Франции. После чересчур пышных празднеств в его замке Воле-Виконт в 1661 году, устроенных в честь короля Людовика XIV, тот решил арестовать его, обвинив в измене. Процесс Фуке тянулся три года. Судей назначил сам король; главную роль среди них играли заклятые враги Фуке — Сегье и Талон. Общество сначала было в восторге от ареста Фуке, но продолжительность процесса и пристрастность врагов обвиняемого склонили мало-помалу общественное мнение в его пользу. Родственники и друзья старались добиться королевского помилования, но король оставался непреклонным. Фуке был приговорён к вечному изгнанию и конфискации имущества. Король нашёл приговор слишком мягким и заменил вечное изгнание пожизненным заключением в замке Пиньероль.

Слова Пелея о том, что после победы вся слава достаётся царю, а заслуги воинов забыты.

Земной поклон с целованием ноги.

На самом деле Красным это море назвал Геродот из-за цвета некоторых водорослей. — *Прим. авт.*

Триаконтера — небольшое, быстрое и маневренное гребное судно (длина 24,5 метра, ширина 4,3 метра, осадка 0,8 метра) с экипажем в 45 человек, в том числе 30 гребцов, по одному на весло (15 вёсел по каждому борту). В носовой части корабля был рострум, в центре — башня, а вместо сплошной палубы — две платформы: носовая и кормовая.

Современный Джелам, приток Инда.

Гифас (Гифасис) — ныне Вьяза или Беджа, самый восточный из левых притоков Инда, протекающих в индийском Пенджабе, впадает в Акесин.

Бирема — гребной военный корабль с двумя рядами вёсел, оснащённый тараном. Бирема могла иметь боевую башню и большой блок для разрушения корпуса вражеского корабля. Длина 30–38 метров. Водоизмещение от 60 до 100 тонн.

В Аттике пеанами назывались песни, исполняемые хором пирующих, когда совершалось возлияние богам или героям.

Меотида — название Азовского моря у древних греков и римлян (7 в. до н. э. — 4 в. н. э.), связанное с названием местных племён меотов.

Япигия — местность в юго-восточной части Италии, названная по имени иллирийского племени япигов.

Эпидавр — город-курорт на северо-востоке Пелопоннеса. Славился святилищем Асклепия в десяти километрах к западу от города, к которому издалека стекались больные в надежде на исцеление. Храм Асклепия в самом городе был построен в 390 году до н. э.

Пентера — крупное военное гребно-парусное судно длиной около 45 метров с пятью рядами вёсел и двумя-тремя мачтами, на которых были установлены боевые марсовые площадки для размещения воинов, вооружённых луками.

Кентавромахия — битва между лапифами (мифическими обитателями горной Фессалии) и кентаврами, использовавшими в качестве оружия каменные глыбы и стволы деревьев. Миф отражает столкновение между племенами, находившимися на разных ступенях культурного развития.

Плутарх. Избранные жизнеописания. Цезарь. Перевод К. Лампсакова и Г. Стратановского.

Гаспар Монж (1746–1818) — французский математик и общественный деятель, член Парижской академии наук (1780).

Клод Луи Бертолле (1748–1822) — французский химик и врач, член Парижской академии наук (1780).

Жоффруа Сент-Илер (1772–1844) — французский зоолог, эволюционист, один из предшественников Ч. Дарвина, член Института Франции (1807).

Доминик Виван, барон Денон (1747–1825) — французский гравёр, дипломат, египтолог, основатель Луврского музея.

Институт Франции заменил собой академии, упразднённые в 1793 году. Дисциплины, которые здесь изучались, подразделялись на четыре раздела: физические науки и математика, французский язык и литература, история, древняя литература и изобразительное искусство. Наполеона приняли туда 25 декабря 1797 года, по рекомендации Монжа и Бертолле, с которыми он познакомился во время Итальянского похода. Он занял место Лазаря Карно (1753–1823), президента Директории, который был обвинён в роялизме и бежал в Швейцарию.